

Василий
Головачёв

ХРОНИКИ

РЕЛИКТА

Реликт

Василий Головачев

Хроники Реликта. Том II

«ЭКСМО»

1991, 1995

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Хроники Реликта. Том II / В. В. Головачев — «Эксмо», 1991,
1995 — (Реликт)

ISBN 978-5-699-93705-9

Перед вами полные «Хроники Реликта» – настоящий гимн человеческому разуму, духу и сердцу! Грандиозное космическое полотно, превосходящее по масштабу и драматизму все современные произведения о космических путешествиях и контактах с внеземным Разумом! Ещё более отдалённое будущее... После тысячелетия затишья в Космориуме – заблокированном домене Вселенной – родине Солнца и Земли, где после вторжения Фундаментального Агрессора непонятной природы оказались разрушенными целые галактики и их скопления, а планеты оказались пронизанными чужими физическими законами, но где чудом сохранилась жизнь, появляются новые Игроки – сверхцивилизации, в планах которых нет места тупиковой ветви Разума – человечеству. Десять веков назад право людей на жизнь отстаивали файверы – люди с экстраординарными способностями, но они ушли...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93705-9

© Головачев В. В., 1991, 1995
© Эксмо, 1991, 1995

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	6
Без особых тревог	6
Смерть чужанина	17
Запределье	27
Дорога к дому	38
Отцы и дети	48
Ничейная полоса	59
Часть вторая	71
Мой дом – моя крепость	71
Свободная охота	83
Предупреждение чужан	100
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Василий Васильевич Головачёв
Хроники Реликта. Том второй. Дети
Вечности; Контрразведка; Закон перемен

© Головачёв В.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Книга первая Дети вечности

*Вселенная не только более необычайна, чем мы себе представляем,
она более необычайна, чем мы можем представить.*
Дж. Холдейн

Часть первая Слон в посудной лавке. Ратибор

Без особых тревог

Было видно, что Ратибор бежит с трудом, из последних сил, и лицо у него не бледное, как показалось Насте вначале, а голубое, с металлическим оттенком. Но больше всего поражал, отвращал и вселял ужас его третий глаз на лбу, словно освещенный изнутри огнем, наполненный страданием и не выразимой никакими словами мольбой.

Споткнувшись, Ратибор упал, а догонявший его чужанин, похожий на кристаллический обломок скалы, навис над ним и стал расти в высоту, подняв над упавшим чудовищные волосатые лапы.

– Стой! – крикнула Настя, поднимая «универсал». – Назад, или стреляю!

– Попробуй! – загрохотал чужанин голосом Железовского так, что эхо ударило со всех сторон.

В отчаянии Настя надавила на спуск, но пистолет изогнулся, как живой, выдавил из себя жидкую струйку пламени, зазвонил и начал таять восковыми слезами...

Настя вскинулась, обводя бессмысленным взглядом обстановку спальни, уютный «медвежий угол», и со стоном опустилась на кровать, унимая расхажившее сердце. Всплыли в памяти строки:

И было там все это чуждо,
Но так упоительно ново,
Что вы поспешили...
Проснуться,
Боясь пробужденья иного...¹

Поэт почти угадал, разве что эпитет «упоительно» не совсем точен. Хоть не ложись спать!...

В прихожей мягко позвонил дверной сторож.

Настя снова вскочила, в одном пеньюаре выпорхнула в гостиную, но прислушалась к себе и, ссутулившись, вернулась в спальню. Накинула халат, вытерла лицо губкой, глянула на часы: почти двенадцать ночи. Господи, кто там в такой час?

Звонок раздался в третий раз. Тогда она приказала двери открыться. На пороге стоял улыбающийся Коста с огромным букетом гладиолусов.

– Гостей принимаешь?

¹ Северянин И. «Ноктюрн».

Настя зябко поежилась, кутаясь в халат, посторонилась.

– Проходи.

Гость сунул ей букет.

– Что у тебя за вид, словно ты спала? Или замерзла? Согреем. – Коста засмеялся, на ходу наклонился, пытаясь поцеловать хозяйку, но та отстранилась.

– Не надо, Косточка. – Голос был тих и тускл, и Настя заставила себя выглядеть такой, какой ее знали в институте. – Садись, но не повторяй весь свой ежедневный репертуар, ладно?

Настя поставила цветы в старинную керамическую вазу, налила воды, посмотрела на цветы и вздохнула. Потом вернулась к гостю.

– Я тебя слушаю.

Коста сел с размаху в кресло, внимательно посмотрел на девушку, улыбка сбежала с его губ.

– Похоже, мне здесь не рады. А вчера кто-то приглашал меня к себе, обещал неземные блага. Или то была минута слабости?

Перед глазами Насти возник колеблющийся образ двух целующихся фигур, потом сверкнула вспышка, одна из фигур исчезла.

Настя кивнула.

– Ты все хорошо понимаешь, Косточка, спасибо тебе за вчерашнее, вообще за сочувствие, ты мне здорово помог... – Она остановилась, потому что гость покачал головой, лицо его на мгновение заострилось и стало злым.

– Сочувствие? Вчера речь ни о каком сочувствии не шла, насколько помнится. Речь шла о другом, о тебе и обо мне, и я понял, что ты наконец заметила...

Настя покачала головой, в свою очередь разглядывая лицо гостя, подвижное, красивое, самоуверенное, с энергичной складкой губ, лицо человека, всегда добивающегося своей цели. Эфналитик Коста Сахангирей, всесторонний художник, работа с инком в режиме «один на один» для него – конек и средство самовыражения. Его выводы всегда полны красок и тонов. Что ни задача – то произведение искусства, своя «симфония». Отличается кипучей активностью и уверенностью в своих силах. Руководитель лаборатории эфнализа ИВК, в которой работала и Анастасия. Человек без комплексов, не без оснований претендующий на исключительность. И, наконец, интрасенс.

– Не понимаю, – сказал он, пожав плечами. – Я же не мальчик, Настя. Вчера мы, кажется, все обсудили, и я, как джентльмен, остановил развитие событий, хотя мог бы просто воспользоваться случаем. В чем дело, что изменилось?

– Спасибо тебе, – улыбнулась Настя невольно, – за то, что ты джентльмен и вообще хороший парень. Вчера мне было очень плохо, я даже не все помню, что со мной было, но сегодня... нет-нет, изменений особых не произошло, и все же мы отложим разговор до лучших времен. Не обижайся, Косточка, ладно? Хочешь шампанского?

Коста нахмурился.

– Честно говоря, не думал, что ты меня так... встретишь. До сих пор мне казалось, что ты живешь без предрассудков, раскованно и свободно. Или я ошибся? А может быть, кто-то из твоих паритет-повелителей заявил окончательные права? Кто же? Грехов или Берестов?

Кровь отлила у Насти от щек, губы онемели.

Коста криво улыбнулся, вскочил и попытался обнять ее за плечи, заглянуть в глаза, но не смог: ноги словно налились свинцом, приросли к полу, а на плечи навалилась тяжесть, будто при ускорении. Ощущения тут же прошли, Коста опомнился, он мог бы ответить тем же, сил хватило, однако удержался.

– Тебе лучше уйти, – прошептала Настя.

– Извини, – сказал он. – Просто я не привык, чтобы меня, как мальчишку... вот и вырвалось. Но долго жить так... раздвоенно ты не сможешь, и я приду. Позже. Все равно будет так, как я... – он хотел сказать «хочу», но передумал, – как я рассчитал. До встречи.

Ушел.

Настя присела на краешек тахты и, ссутулившись, просидела в таком положении несколько минут, пока раздавшийся в прихожей новый звонок не заставил ее вздрогнуть.

Подождала немного, подумала почти спокойно: если опять Коста, спущу его с лестницы. Но это был не Сахангирей. Перед Настей стоял незнакомый молодой человек с лицом скуластым и добродушным, хотя складка губ на нем была жесткой и твердой, выдающей характер волевой и сильный. Серые внимательные глаза смотрели прямо и открыто, и мерцала в них уверенная сила и хитроватая (мужицкая, подумалось Насте, искони деревенская) мудрость.

На госте была просторная серая рубашка, не скрывающая могучего телосложения, свободного покроя брюки и мокасины известной фирмы «Маленький Мук».

– Вы ко мне? – растерялась Настя.

– Извините за визит в столь поздний час. – Гость виновато развел руками. – Вас трудно застать днем. Меня зовут Егор, я друг Ратибора.

Настя почувствовала слабость в ногах и противную сосущую холодную пустоту в груди. Очнулась от прикосновения к спине: ее поддерживала горячая сильная рука гостя.

– Извините, – проговорила она, сделав глубокий вдох, выпрямилась и отвела руку. – Не подумайте, будто я настолько слаба, что не могу справиться с собой... Проходите.

– Спасибо. – Молодой человек, обдав хозяйку волной воздуха с запахом сена и моря, прошел в гостиную, ступая бесшумно и мягко, несмотря на рост и вес; точно так же ходил и Ратибор. И сел он в предложенное кресло осторожно и бесшумно. Настя устроилась напротив, стиснула кулаки, пряча их в рукавах халата.

– Слушаю вас.

Гость покачал головой, с откровенным любопытством разглядывая ее. Настя поймала себя на досадном чувстве: она никак не могла нащупать эмоциональной и мысленной сферы Егора. Попыталась сосредоточиться, но у нее ничего не вышло.

– Это я вас слушаю, – сказал он, удовлетворившись осмотром. – Ратибор сказал, чтобы я зашел к вам, если с ним что-нибудь... вот я и зашел. Могу я чем-нибудь помочь?

Настя расслабилась, откинулась в кресле, улыбнулась сквозь набежавшие слезы.

– Господи, а я подумала... Ратибор говорил мне о вас, я вспомнила, только не совсем представляла, какой вы.

– И какой же?

Она снова улыбнулась.

– Вы на него похожи. Хотите кофе?

– Хочу, – серьезно кивнул он.

Настя выпорхнула из кресла, удивленная и обрадованная.

– Подождите минуту. Если хотите, включайте видео, там есть хорошие кассеты, выберите. Или полистайте альбомы, второй ряд кристаллотеки.

Когда она вернулась из кухни с подносом, гость сидел с кассетой стереофотографий на коленях. Ткнул пальцем в одну из фотографий:

– Ваша мать?

Настя поставила поднос, наклонилась над плечом Егора, с интересом посмотрела на его сосредоточенное лицо.

– Вы проницательны, это моя мама. Еще никто из моих знакомых не угадал, кто это, все считают – я. Пейте. Это пироги с вязигой, готовила сама. Я вообще неплохой кулинар.

Егор кивнул, беря пирог и чашку с кофе.

– Ратибор мне говорил.

Они пили кофе и болтали о «вертикальном» туризме, психоэкологии, балете «саундай» и о всяких пустяках, и Настя с удивлением прислушалась к себе, чувствуя, как глухая стена тоски и боли, выросшая в душе и отделившая ее от остального мира после ухода Ратибора, вдруг стала трескаться и разрушаться.

Егор оказался серьезным собеседником, любившим и умевшим не только говорить, но и слушать. Чувствовалось, что у него по каждому затронутому вопросу есть своя собственная точка зрения, каковую он и отстаивал аргументированно и с достаточной уверенностью. Он был серьезен, обстоятелен и уравновешен в той мере, которая почти всегда нравится женщинам в возрасте, называющим таких мужчин одним словом «хозяин», и Настя невольно улыбнулась, отвечая своим мыслям, хотя через минуту всю веселость ее как рукой сняло: какой-то неувловимый жест Егора внезапно живо напомнил ей Берестова.

– Расскажите, что с ним случилось. – Гость чутко реагировал на эмоции хозяйки и точно знал, когда и какие вопросы можно задавать. Такая его пронизательность, в общем-то, контрастировала с внешне простоватым видом, Настя отметила это машинально, однако ее в данный момент занимало другое. Сначала запинаясь, потом на одном дыхании, она пересказала Егору всю историю своих отношений с Ратибором и, закончив рассказ на слове «ушел», замолчала, вдруг всхлипнув по-бабьи.

– Понятно, – сказал Егор, задумчиво потирая переносицу пальцем. – Значит, Конструктор вылутился, а послы остались внутри?

– Еще неизвестно, вылутился ли он вообще, ученые не могут разобраться. Канал БВ сжимается, а на месте «пули» возникла зона странных эффектов, область гипергеометрии, как ее называют, продолжающая мчаться в прежнем направлении, и ничего похожего на того Прожорливого Младенца, съевшего половину Марса сто лет назад.

– Тогда не все еще потеряно. Я думал, вы точно знаете, что Ратибор... м-м... погиб, а оказывается, ничего не известно.

– Габриэль сказал... – голос у Насти сорвался, и она закончила шепотом, – что у Ратибора один шанс из миллиарда...

– Габриэль – это Грехов? А разве он не может ошибаться, как и любой другой человек?

– Он – нет. – Настя глубоко вздохнула, вытерла щеку и виновато улыбнулась. – Хотя я очень надеюсь, что он ошибается.

Егор кивнул, не теряя невозмутимости, лишь в серых глазах его промелькнула едва заметная тень озабоченности.

– Он вернется, Настя, поверьте, Ратибор не такой человек, чтобы погибнуть за здорово живешь.

– Правда? – жадно спросила она, тут же сдерживая порыв.

– Правда, – твердо сказал он, потом встал и протянул руку. – До связи, Анастасия, мой телекс у вас есть, звоните, если понадобится, особенно если срочно. В свою очередь, не сердитесь, если позвоню в неурочное время, характер моей работы не позволяет мне владеть свободным временем по своему усмотрению.

– А где вы работаете?

– В одном из детских учебных городков Крайнего Севера, простым учителем.

– «Простым», – невольно фыркнула Настя, провожая Егора. – Будто я не знаю, насколько сложна эта работа. Спасибо за визит. Честно говоря, я захандрила, и вы меня вытащили из болота хандры вовремя. Буду рада новому визиту.

– Доброй ночи, Анастасия.

– Зовите меня Настя или Стася, хорошо?

– Идет. А вы меня Горка или Егорша, так меня мама в детстве называла.

Настя засмеялась, чувствуя удивительное облегчение и желание что-то сделать. Спыхватилась:

– Как же я вас найду? У меня нет вашего номера.

Егор оглянулся.

– Уже есть, спросите «домового».

Настя растерянно посмотрела в его умные глаза с блесками иронии, позвала, смутившись:

– Панса, дай мне телекс Егора... э-э?

– Малыгина, – подсказал Егор. – Хорошая память.

– Так вы... интрасенс? – догадалась наконец Настя, припомнив свои мелкие удивления по ходу знакомства, сложившиеся в цепь умозаключения.

– Я шаман первого сука, – серьезно ответил Егор. – По древним легендам шаманского культа, сложенного некогда эвенками и якутами, души будущих шаманов воспитываются в гнездах на суках «мирового дерева», так вот я – шаман из гнезда первого сука. Доброй ночи, Настя.

– Доброй ночи, – ответила Настя и добавила, улыбнувшись, когда он ушел: – Егорша...

Побродила по комнатам, мысленным усилием меняя освещение, пока не остановилась посреди гостиной с ощущением какого-то внутреннего неудобства. Ощущение длилось недолго, но она уже поняла, что это такое – Габриэль давал знать о себе, посылая пси-волну с только ему присущими характеристиками. Понимая ее чувства, может быть, лучше, чем сама Настя, он не тревожил ее звонками и не добивался встреч, но всегда давал понять, что не выпускает ее из поля зрения и может оказаться рядом в любой момент.

Вздохнув, Настя сняла халат, критически оглядела себя в зеркале, отмечая появление новых черточек в облике, с удовольствием расправила пеньюар – она любила красивые вещи, – и тут раздался третий за этот поздний вечер звонок. Сердце подскочило и провалилось вниз, кровь отлила от щек, первой мыслью Насти было – Ратибор! Потом вернулась мудрая и тоскливая способность трезвой оценки: Ратибор вошел бы без звонка, и Настя открыла дверь, не пытаясь вычислить, кто стоит за ней.

– Я не слишком поздно? – спросила Забава Боянова, с интересом разглядывая хозяйку, забывшую накинуть халат.

Настя опомнилась, невольно краснея под этим взглядом.

– У меня сегодня вечер гостей, – сказала она, отступая в гостиную. – Извините, Забава. Не думала, что это вы.

Боянова улыбнулась.

– Я это поняла. А кто был? – Она прошла вслед за хозяйкой, принохаясь. – Фу-фу, русским духом пахнет! Уж не Иванушка ли дурачок заходил? Помнишь сказки про Бабу Ягу?

– Помню. – Настя улыбнулась, внутренне собираясь. Боянова была интрасенсом «большой силы», Насте не хотелось, чтобы она видела ее состояние и внутренний дискомфорт. – Только на Бабу Ягу вы похожи мало. Были у меня двое добрых молодцев, нашедших свободную минуту, чтобы проявить сочувствие и милосердие.

– Ага, вижу, ты в этом не очень-то нуждаешься. Что ж, люблю сильных женщин. Как и сильных мужчин. Я не займу у тебя много времени, у меня самой его нет, но кое-что интересное сообщу, не возражаешь?

Настя не возражала. Они сели и некоторое время присматривались друг к другу, согласовывая психоэмоциональные связи.

Боянова была одета в удивительное, черное, как ночь, играющее звездными огнями платье, скрывающее и одновременно подчеркивающее фигуру, и хотя Настя тоже знала секреты, как в зрелые годы сохранить красоту и молодость, тем не менее и она с невольным восхищением отметила умение женщины держать себя в форме и быть естественной всегда и со всеми.

Забава едва заметно усмехнулась.

– Ты тоже не обделена природой, красна девица, от друзей отбоя нет, так что не печалься. Как долго я тебя не видела? Два месяца? И все это время ты просидела в затворничестве? – Боянова осуждающе покачала головой. – Уходить в саньясу² в твои годы рано, погоревала и хватит, досыть, как говаривала моя бабуля, впереди. Да и не все ясно с послами, может быть, они и не погибли.

Настя обхватила руками плечи, уголки губ ее грустно опустились, придав лицу неповторимый колорит Феи печали.

– Не надо, Забава, ни утешений, ни надежд, Ратибор не вернется, я знаю.

Боянова нахмурилась, в ее облике вдруг проглянула натура властная и решительная, как нестираемая печать должности председателя СЭКОНа.

– Это тебе твой Грехов навещал? А сама ты разве не знаешь, что будущее подчиняется вероятностному закону? Разве рассчитанные тобой футурграммы всегда сходятся с абсолютной точностью? Допускаю, что Грехов способен видеть глобальные изменения временного ствола и даже отдельные крупные ветви, но не все же веточки и листочки. Не знаю почему, но я уверена, что Берестов выкарабкается.

Настя снова покачала головой, отвечая скорее себе, чем гостье. Потом с усилием преодолела готовые вырваться возражения.

– Спасибо, Забава. Вы не первая, кто верит в его возвращение, но никто из вас не знает пределов знания Габриэля. Не беспокойтесь, я возьму себя в руки... уже взяла. Завтра выхожу на работу. В последнее время я действительно не следила за событиями и совершенно отстала от жизни. В самом деле много новостей?

– Главная новость, что Конструктор, каким мы его провожали сто с лишним лет назад, не вышел из канала БВ. Вернее, вышел наполовину, а может быть, трансформировался до неузнаваемости. Канал БВ за ним практически стянулся в «струну», но не исчез, и физики предполагают, что эта «пуповина» продолжает связывать зернистый кокон Конструктора со вселенной, откуда он пробивался к нам. Отсюда и все эти дикие эффекты с «булгаковской метрикой», «плывущей топологией», многомерным пространством, появлением странных частиц вроде предсказанных теорией монополей и «голых» кварков, с «конвульсиями вакуума». А ведь кокон, объем которого равен объему доброго десятка звезд, продолжает двигаться к Солнцу, правда, уже со скоростью, близкой к световой.

– Выходит, Т-конус больше не понадобится?

– Кто знает? Свою миссию он таки выполнил – вывел «тень» впереди Конструктора за пределы Рукава, но если иксоид – как называют появившийся объект специалисты – будет двигаться в том же направлении и с прежним темпом, он достигнет Т-конуса через полгода. Так что безопасность и погранслужба продолжают сидеть на «джоггере». Нечто подобное Конструктору, только в меньшем масштабе, осталось и от звезды ню Гиппарха – то же многомерие, гипергеометрия и тому подобное. Кое-кто из нетривиалов даже предполагает, что это отколовшийся «кусочек» Конструктора.

– А сам он молчит?

– Что можно понять в той каше излучений, которой окутан иксоид? Во всяком случае, дешифровке излучение не поддается. Оптимисты утверждают, что Конструктор зализывает раны, но я не люблю дежурного оптимизма... как и пессимизма, впрочем. Кстати, твой Грехов придерживается того же мнения – о «зализывании ран».

Настя прищурилась, откидывая голову, но Забава не вкладывала особого смысла в слово «твой».

– Железовскому не хватает эфналитиков, хорошо знающих историю Конструктора и его особенности, – продолжала Боянова. – Поэтому выходи, девочка, он ждет. Проблем накопи-

² Саньяса – стадия полного отречения от материальной жизни.

лось много: «серые люди», чужане со своими комплексами поведения, разработка новых штатных режимов, прогноз последствий «экстремума» – если дойдет до его включения, сфинктура³ иксоида, нацеливание Т-конуса и черт знает что еще! Короче, тебе вместе с профи безопасности придется тянуть весь воз МАВРа⁴.

Настя вздохнула, виновато посмотрела на гостью в ответ на ее острый оценивающий взгляд.

– Я... – небольшая заминка, – готова.

– Ну и прекрасно. – Забава легко, словно девочка, выпорхнула из кресла, потянулась всем телом, поправила прическу, искоса посмотрела на вставшую хозяйку. – Ну и как, я еще ничего выгляжу?

Настя по-мужски показала большой палец.

Боянова засмеялась, чмокнула ее в щеку и, пожелав доброй ночи, исчезла, словно растворилась в воздухе, только тихо зашипела закрывшаяся дверь.

Впервые за время, прошедшее с момента появления Конструктора, вернее, иксоида, Настя уснула сразу, как только щека ее коснулась подушки. Шел второй час ночи девятого ноября...

Железовский движением брови указал на стул, и Забава со вздохом облегчения села рядом.

– Набегалась!

Она все еще была одета в свое неотразимое платье, и человек-гора с видимым усилием пытался сообразить, что бы это значило.

– А ничего, – ответила Забава вслух, а не мысленно, как обычно, когда у нее было хорошее настроение. – Я была у Насти Демидовой, передала ей эмоциональный заряд, хандрит девка. Пообещала завтра выйти в свет, подключи ее к МАВРу, специалист она неплохой.

– Специалистов ее класса у меня хватает.

– Не надо оставлять ее наедине с собой надолго. Ты знаешь ее историю?

– Нет.

– Она влюбилась в Берестова девочкой, когда увидела его в «Чернаве» во время бунта монстрозавра. А потом Грехов проговорился ей, что Берестов погибнет. Она стала высчитывать критические точки его судьбы и заставлять Габриэля, чтобы он предупреждал Берестова... в общем, странное сплетение судеб. А сейчас она ждет своего Ратибора, хотя уверена в его гибели... Понимаешь?

– Понимаю. – Железовский помолчал и продекламировал:

Любовь, любовь – безбрежный океан.

Любовь, что смерть, не знает легких ран⁵.

Боянова внимательно посмотрела на комиссара. Тот не шевельнулся.

– Ты тоже считаешь, что он погиб?

– Не знаю. Грехов выразился иначе: пропал без вести, и он о Берестове ничего не знает. А по-моему, знает, но не хочет говорить. Кстати, Настя прекрасно осведомлена об истории Конструктора, а во-вторых, не надо забывать, что Грехов – ее друг. А этот человек загадочен не менее, чем сам Конструктор.

– Не преувеличивай.

³ Сфинктура – степень загадочности объекта, качественные характеристики его таинственности.

⁴ МАВР – многоцелевой анализ вариаций решения.

⁵ Г. Мелвилл.

– Ты прекрасно понимаешь, что я не преувеличиваю. Проскопией⁶ такой глубины, как он, не владеет ни один интрасенс, в том числе и мы с тобой. Не знаю, как ты, но я чувствую в нем такую бездну непроявленных качеств, что захватывает дух. Помни мое слово, Грехов еще не раз преподнесет нам сюрприз, и дай Бог, чтобы он был на нашей стороне.

Железовский угрюмо промолчал. Боянова оглядела его неподвижное лицо, обратив внимание на глубокие складки у губ, заглянула в глаза.

– Устал?

– Нет, – ответил он спустя минуту.

– Есть новости?

– Для физиков – да, для нас... не знаю. Термин «К-физика» все больше входит в моду, и мы все больше убеждаемся в том, что Вакула был прав: это физика иных материй, физика чужих вселенных. Савич высказал мнение, что Конструктор не смог просочиться к нам чисто и спустил в нашу Вселенную «воздух» чужого пространства, вернее, не воздух, конечно, а вакуум, отсюда и эти невообразимые эффекты.

– Это не главное, – тихо проговорила женщина.

– Что? Почему? – не понял Железовский.

– Потому что для нас с тобой главными остаются социально-экологические аспекты проблемы, а через полгода, даже раньше, снова придется решать этическое уравнение – Конструктор или мы.

Комиссар долго не отвечал, застыв холодной глыбой камня, хотя Забава все время ощущала «тепло» его мысли – он думал о ней, и ток эмоций был живым, пронизанным волнами нежности, ласки и тоскливого ожидания.

– А если не свернет или остановится, не дойдя до Т-конуса?

– Остановка проблему не решает, ты же знаешь.

– Зато отменит уравнение выбора.

– Не знаю, мне кажется, не отменит, а просто оттянет на время, потому что никто и ничто не запретит Конструктору продолжить путь к Солнцу. Ладно, оставим этот спор, Аристарх, выкладывай, что тебя тревожит конкретно.

Железовский изменил позу, все они были у него «скульптурными», словно отлитыми из металла или камня, и стал похож на «изваяние отдыхающего Геракла». Забава усмехнулась пришедшему на ум сравнению, и Аристарх усмехнулся в ответ – он поймал ее мысль.

– «Джоггер» съедает много нервной энергии у людей, и это меня беспокоит в первую очередь, потому что недалеко то время, когда снова придется включить высшие формы тревоги, а резервы отдела небесноконечны. И отменить «джоггер» я не могу, К-мигранты остаются реальной силой и несут реальную угрозу команде Т-конуса, да и отряду исследователей.

– Вы до сих пор их не вычислили?

– Нет, – проговорил Железовский с отвращением. – На Земле их нет, да и вообще в Системе, но я чувствую, что они все время рядом и следят за событиями, возможностей для этого у них хватает. Большинство «серых людей» мы выловили, их программы были строго конкретными – уничтожить Т-конус, так что особой опасности для людей они не представляют, но все же мы их изолировали.

– Мне все еще не дает покоя вопрос: почему один из них предупредил Берестова, когда тот решился на встречу с посланцем К-мигрантов? Кто заставил «серого» действовать именно таким образом, кто дал ему информацию и впихнул в «голем»? Ведь это же, по сути, прямая утечка сведений из стана К-мигрантов.

– Меня тоже мучит этот вопрос. Судя по виду «серого», его бегству предшествовала хорошая драка, он был буквально изрезан и держался только на жестком приказе. Оживить его

⁶ Проскопия – дар предвидения.

не удалось, ментоскопировать тоже – память его практически пуста. По-видимому, мы так и не узнаем, кто его запустил.

– Но ведь кто-то же его все-таки заставил. Может быть, этот «кто-то» еще даст о себе знать?

Железовский шевельнул плечом и, видимо, мысленно приказал «домовому» включить оптическую плотность стен комнаты: одна из них стала прозрачной и впустила в гостиную ночное небо с перевернутым вниз головой серпом Луны.

Вот сидим мы с тобой на мху
Посреди болот,
Третий – месяц наверху —
Искривил свой рот, —

нараспев прочитала Забава.

– Мне больше нравится финал, – проворчал Аристарх:

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы – забытые следы
Чьей-то глубины⁷.

Боянова улыбнулась:

– Это намек? Впрочем, может быть, Александр Блок был прав и мы с тобой действительно забытые следы чьей-то глубины. Ведь интрасенсами люди становятся из-за того, что начинают срабатывать латентные, скрытые гены, «следы» прежней человеческой глубины.

– Я имел в виду не нас, а К-мигрантов, они – «следы» Конструктора... как и «серые люди».

– А чьи тогда «следы» – чужане? Неужели тоже Конструктора? Вернее, его родичей? – Забава зябко вздрогнула, ладонями потерла локти.

– Холодно? – встревожился Железовский. – Я-то привык. Сейчас будет тепло. Хочешь кофе? Собственный рецепт – с жареными орехами. Или ты, как обычно, торопишься?

Боянова покачала головой, разглядывая хозяина с каким-то странным вниманием.

– Не тороплюсь, но...

– Я вызову патруль.

– Не надо, Аристарх, я останусь. До утра. Не возражаешь?

Долго-долго, несколько минут Железовский с мучительными сомнениями изучал лицо Забавы, пока не понял, что она не шутит. Медленно встал, приблизился к женщине, опустился у кресла на колени и почувствовал, как горячие пальцы Забавы бережно коснулись затылка, взъерошили жесткие волосы, горячие ладони обожгли плечи и прижали голову к ее груди...

Все поле зрения было забито метелью мигающих разноцветных огней: красные габаритные принадлежали исследовательским шлюпам, оранжевые – аварийным маякам, ограждающим опасную зону, желтые предупреждающие – патрульным «пакмакам» погранслужбы и зеленые с фиолетовым – базовым «гиппо» и фоновым станциям, имеющим собственные метро. Вблизи эту световую круговерть нельзя назвать упорядоченной, но издали становилось заметным основное движение «метели» – она спирально обвивала гигантский сгусток плотной все-ленской тьмы, мчавшейся поперек Галактики едва ли не со скоростью света.

⁷ Блок А. Болотные чертеники.

Изредка в недрах этого сгустка, внутри которого свободно могло уместиться Солнце с планетами вплоть до орбиты Венеры, возникали вдруг гигантские причудливые всполохи света, напоминавшие полярные сияния Земли, и тогда пространство вокруг иксоида начинало «шататься», скручиваться и вибрировать, заставляя следовавшую по пятам мошкарку земных машин разлетаться в разные стороны, отставать, бежать прочь. И лишь два или три «мотылька» из всей стаи как ни в чем не бывало продолжали бег рядом с Конструктором, упакованным в кокон иного континуума, не обращая внимания на судороги вакуума и прочие жутковатые эффекты; то были чужанские корабли.

Грехов навел видеокамеры драккара на один из «мотыльков» и дал интегральное увеличение. «Мотылек» ринулся навстречу, разросся, последовательно превращаясь в «воробья», «орла», «слона» и, наконец, в гороподобное страшилище размером в два километра – помесь черепахи, клуба змей и мухомора с дырчатой бахромой. Ничего похожего на искусственное сооружение, имеющее определенную функционально геометрическую форму, – передвигаться в космосе с возможно большей скоростью.

Габриэль усмехнулся, поймав себя на мысли, что еще ни у кого ни разу при виде чужанских кораблей не возникало иных ассоциаций, кроме растительных. Наглядный пример подсознательного отражения истины при недостатке прямой информации. Вряд ли кто-нибудь из ученой братии догадывается, что такое на самом деле роиды, а также их «звездолеты».

– Предположения подтверждены, – прорезался в наушниках рации голос командира погранзаставы Демина. – Это скоростной когг класса «Серебряный дракон», именно такие были похищены с финской базы «Фиорд-III», идентификация полная.

– Откуда он появился, рассчитали?

– Для данного расположения всего парка подключенных машин возможен только один коридор входа в координационную карусель – вектор Гиппарх – Солнце.

– Значит, «Афанеор» может быть только возле омеги Гиппарха, недаром на бывшей звезде замолчал один из базовых «гиппо» – К-мигранты превратили его в опорный пункт.

Демин не ответил.

– Придумайте, как заманить его на спейсер, – продолжал Грехов. – Не хотелось бы начинать силовой захват в гуще машин, связав себя отсутствием свободы маневра. В отличие от нас, он не связан категориями этики и морали и начнет стрелять по любому объекту в пределах досягаемости, когда поймет, что раскрыт.

– А если там не один К-мигрант, а вся их команда?

– Один, – сказал Грехов равнодушно.

– Это интуиция или точные данные?

– Абсолютно точные.

– Гарантии?

– Моя жизнь, – отрезал Грехов, понимая чувства молодого пограничника. – Заманите его к себе, я буду рядом.

– Хорошо, полагаюсь на вас. Предлагаю смену режима с возвращением и заменой патрульных машин. Если он хочет попасть на спейсер, то не преминет воспользоваться предоставленной возможностью. Остальные варианты автоматически переходят в силовой контакт со всеми вытекающими последствиями. Простите... э-э... Габриэль. – Демин пытался подобрать вежливую формулировку вопроса. – Вы уверены, «а» – что это К-мигрант, «б» – что он ищет способ «тихого» проникновения на Землю через наше метро, и ничего больше?

– Я не могу без конца повторять одно и то же. – Грехов подумал и смягчил тон речи. – Вы же знаете, что все дальние метро Земли находятся под нашим контролем, а дел у К-мигрантов на планете хватает, нужна связь с теми, кто остался, нужна координация, постоянный обмен информацией, каналы снабжения...

– Все это я понимаю, – сухо сказал Демин. – Не понимаю, откуда вы знаете цели К-мигрантов. Однако поскольку времени на консультации у нас нет, я принимаю ответственность. Вы готовы?

Грехов понял: в данной ситуации лицом, отвечающим за последствия в подконтрольном районе во время постоянной тревоги по форме «джоггер», был сам Демин, а никак не проконсул Грехов, и надо было иметь немалое мужество, чтобы принимать решение на основании устного заявления стопятидесятилетнего старика.

– Начинайте. Через пять минут я буду на месте, только посмотрю за сменой.

Драккар, управляемый К-мигрантом, не обманул ничьих ожиданий и вслед за коггами смены выписал аккуратную траекторию к спейсеру «Перун», словно всегда принадлежал команде погранзаставы. Пилот драккара, покинув борт машины в эллинге крупнотоннажного транспорта и не встретив препятствий, неторопливо направился к отсеку метро, одетый в синий стандартный кокос погранслужбы. Грехов узнал его сразу, наблюдая за коридорами по видеомонитору.

Войдя в отсек метро, гость обнаружил только двух человек, возившихся с грудой контейнеров возле тележки-антиграва и не обращавших ни на кого внимания. Но стоило чужаку подойти к двери в старт-кабину метро, сзади раздался мягкий и тихий голос:

– Не торопитесь, маэстро.

Гость стремительно обернулся, в руке у него сам собой появился «универсал». Но и у людей в отсеке тоже в руках были пистолеты. Один из них – Грехов – шагнул вперед.

– Здравствуй, Эрнест, бывший спасатель. Я почему-то так и думал, что это будешь ты.

– Как ты узнал? – спокойно сказал Эрнест Гиро.

Грехов так же спокойно пожал плечами.

– Я знаю практически каждый ваш шаг, за вами наблюдают мои друзья.

– Кто именно? – прищурился с иронией Гиро.

– Чужане. Спрячь оружие. Уйти отсюда на Землю тебе не удастся, а разговор с оружием в руках имеет несколько иной характер. К тому же в реакции я тебе не уступаю, а нас здесь двое.

– Второй не в счет.

– В счет, в счет, этот парень – интрасенс и специально тренирован.

Гость подумал и спрятал пистолет, причем выглядело это так, будто пистолет исчез из его ладони. «Универсал» Грехова «исчез» подобным же образом, а его напарник просто прищелкнул свое оружие к поясу.

– Зачем вы пытаетесь попасть на Землю, я знаю, – продолжал Габриэль. – Ответь мне всего на два вопроса, и ты свободен.

Гиро, безуспешно пытавшийся прозондировать пси-сферу собеседника, вытянул губы трубочкой, словно собирался плюнуть, в глазах его проступило недоверие.

– Ты меняпустишь?

– Мне твоя жизнь не нужна, мы не враги, как вы себе внушили. Вопрос первый: кто убил Вакулу?

Гиро помедлил.

– А если я?

– Твое алиби я проверил, не уходи от ответа.

– Мэтьюз Купер.

– Зачем?

– Физик подсказал идею Т-конуса и начал реализацию формулы, мы надеялись остановить работу в этом направлении.

– Оказывается, даже став сверхлюдьми, вы не в состоянии избежать ошибок, основанных на худших человеческих качествах: эгоизме, властолюбии, трусости и равнодушии. Понимаю, что решения вы принимаете коллегиально, однако прошу передать Куперу – я убью его. А

также подумайте над предупреждением: каждый из вас, кто совершит убийство – из любых побуждений, будет уничтожен.

– Кем? – с пренебрежением спросил Гиро. – Оперативниками безопасности? Пограничниками?

– Мной, – сказал Грехов. – Вспомните Батиевского. Он тоже был уверен в своем превосходстве. Черт возьми, когда же вы наконец сообразите, что мы могли бы жить мирно, соединив усилия для решения проблемы. Или будете продолжать войну до победного конца? Когда вас всех перебьют?

– Я могу идти?

– Дима, пропусти его.

Демин в «бумеранге» отступил в сторону, Гиро медленно направился к выходу из отсека, задержался на пороге, оглядываясь.

– Отбой прикрытие, – тихо сказал Демин в усик рации. – Клиента проводить до его машины без шума.

– Почему ты с ними, а не с нами? Ведь ты тоже обязан всем Конструктору.

Грехов хмуро усмехнулся, разглядывая Гиро с видимым сожалением.

– Неизвестно, кто кому обязан больше. А почему с ними?... Я скорее сам по себе, чем с ними, это будет точнее. Но с вами мне не по пути.

К-мигрант безмолвно исчез, словно растворился в воздухе. Габриэль расслабился, отвечая понимающим кивком на взгляд Демина.

– Все правильно, Дима. Задержать мы его могли бы, удержать – нет. Надеюсь, некоторое время мы поработаем спокойно, хотя бдительности терять не стоит.

– Пойду сообщу Железовскому, – пробормотал пограничник, – и Эрбергу.

– Который час?

– Второй по среднесолнечному.

– Значит, ночь и там... Что касается командора – звони, он – твое непосредственное начальство, а комиссара-два не трогай до семи утра хотя бы. – Грехов улыбнулся своим мыслям. – Этой ночью он, считай, родился снова.

– У него день рождения? – поднял брови Демин.

– Нет, но пусть хотя бы эту ночь проведет без тревог.

– Хорошо, – кивнул пограничник, ничего не поняв. – А вы сейчас куда? Извините...

– Я? – Габриэль снова стал прежним Греховым, мрачновато-спокойным, скупым на слова и мимику. – Я на Землю. Держись, кобра, отдыхать тебе рано.

Смерть чужанина

Железовский прибыл на куттере погранслужбы в сопровождении шустрого, взъерошенного Шадрина, бывшего заместителя кобры-один Берестова.

Савич смотрел, как они вылезают: Железовский, невзирая на размеры и свои сто с лишним килограммов, спрыгнул на землю не менее ловко и проворно, чем малыш Шадрин.

Маяк границы, «открытый» Берестовым на Марсе, был уже оцеплен кибами погранслужбы, и возле него вырос небольшой городок исследователей объекта: три стандартных жилых купола, кессон реактора и четыре конуса лабораторий. Сам «маяк» уже не был похож на изделие рук человеческих, голографический камуфляж выключили, а то, что пряталось под ним, больше напоминало двадцатиметровую этажерку, завернутую в ослепительно белую «авоську» с крупными неровными ячейками. На двух нижних полках этажерки, открытой со всех сторон, лежали два пятиметровых «булыжника» непередаваемо черного цвета.

– Роиды? – прогудел Железовский, подходя ближе и оглядывая угловые глыбы.

– Совершенно верно, – кивнул Савич. – Мертвые. Поэтому и лежат здесь, забытые. Судя по размерам «авоськи», а на самом деле это полевой стабилизатор, выращенный неизвестным способом, – роиды были раза в три крупнее, но за сто с лишним лет «похудели», сохли, так сказать.

– Они в самом деле умерли?

– В том смысле, как мы это понимаем. Они не излучают ни в одном из диапазонов электромагнитного и других полей, хотя каждый имеет массу – около десяти тонн. Ребята обнаружили любопытные эффекты, не хотите посмотреть? Если повезет, конечно.

Железовский оглянулся на близкий вал кратера, выеденного Прожорливым Младенцем – рождающимся Конструктором.

– Что они здесь делали? Чего ждали?

Савич тоже оглянулся на гребень кратера.

– Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем, сфинктура этих объектов даже не поддается измерению. – Лидер команды ученых обошел этажерку, подобрал камешек, подкинул в руке.

– Видите пятно? Оно чуть светлее. Мы назвали его «трупным».

Савич с силой метнул камешек в глыбу чужанина. Тот отскочил.

– Не попал.

Второй камень также отскочил от глыбы, а третий канул в черноту, как в воду.

– Пойдемте. – Савич увлек прибывших за собой, обходя сложные антенны всевозможного рода устройств, измерительных комплексов и аппаратов. Работавшие у приборов люди расступались и продолжали заниматься своим делом, неторопливо, методично, буднично и спокойно. Савич остановился с другой стороны этажерки, ближе к роиду, в которого бросил камень, посмотрел на часы, кивнул в сторону глыбы:

– Сейчас появится. Мы засекали: время пребывания пробника внутри роида не превышает четырех минут.

Словно в ответ на слова ксенолога, из черной грани мертвого чужанина выпрыгнул брошенный ученым камешек и едва не попал в Шадрина. Железовский проследил за его падением, шевельнул бровью:

– Он что же, вылетает с той же скоростью, с какой был запущен?

– Практически с той же. Словно летит в вакууме метров шестьсот, не подчиняясь земному тяготению. Однако некоторые камни не возвращаются, зато вместо них мы ловим слабые вспышки гамма-излучения.

– Любопытно. Как вы это объясняете?

– Идеи есть. – Савич с легким замешательством пошевелил пальцами. – Но они несколько экстравагантны... если не сказать резче. Ксенологи, например, начисто с ними не согласны. Одно пока стало ясно: чужане совсем не то, что мы о них думали.

Железовский хмыкнул:

– Темните вы что-то, уважаемый.

– Ничуть, просто привык опираться на факты или хорошо просчитанный эф-прогноз, прежде чем выносить гипотезу на обсуждение.

– А как вам удалось выключить их маскирующий генератор?

– Он выключился сам, видимо, иссяк источник энергии.

Железовский в задумчивости пошел вокруг чужого сооружения с мертвыми чужанами, остановился перед полоской ползучих растений темно-серого, почти черного цвета, нагнулся и потрогал.

– Это их флора?

– Нет, – ответил Шадрин, забежавший то слева, то справа от комиссара, успевающий следить за обстановкой, говорить по рации сразу с тремя абонентами и перекинуться парой фраз с исследователями «маяка». – Это дремлик марсианский, разве что потерявший свой голубой

цвет. А вот это берегень седой, а дальше – шерстонос ядовитый. – Шадрин показал на колючку фиолетового цвета с широкими дырчатыми листьями. – Больше здесь ничего не растет.

Железовский покосился на него заинтересованно, но сказал только одно слово:

– Возвращаемся.

Уже у куттера он вспомнил о Савиче:

– В двадцать три по среднесолнечному жду вас на «Перуне» с материалами. – Ответа комиссар не ждал. – Что ты об этом думаешь? – спросил он спутника, когда они были уже в воздухе.

– Темно, – односложно ответил Шадрин, который ни минуты не мог просидеть спокойно, находя работу для рук, ног и тела. Со стороны казалось, что он нервничает, на самом деле то была врожденная манера поведения, а хладнокровия у грифа безопасности Юры Шадрина хватило бы на троих.

Железовский покосился на него и буркнул в усик рации:

– Группе Дюлы сегодня же перенести чужан в бункер со спецзащитой в Такла-Макан. Императив «модерато».

– Принято, – донесся голос дежурного инка Марсианского центра. – Вам только что пришло сообщение по треку: на трассе Гиппарх – Солнце появилась эскадра чужан.

– Как? – не понял комиссар. – Эскадра? Они что же – идут строем?

– Выражение применил для образности, – поправился инк. – Такое количество чужанских кораблей наблюдается впервые – более десяти тысяч.

– Сколько?! – переспросил Шадрин, впервые превращаясь в статую: он тоже был включен в постоянную опер-связь.

– Более десяти тысяч, – терпеливо повторил дежурный. – Впечатление такое, будто роиды вылетели приветствовать дорогого гостя – Конструктора.

– По охранной зоне иксоида – «три девятки»! – отреагировал Железовский, увеличивая скорость куттера. – Всему исследовательскому флоту очистить зону до особого распоряжения и следовать колонной в кильватере иксоида на расстоянии в две единицы.

– Начальник погранотряда в зоне иксоида уже дал такую команду.

– Молодец Демин, быстро ориентируется, – сказал Шадрин.

– Председателям СЭКОНа и Совета безопасности прибыть на «Перун» через два часа.

– Принял, – отозвался дежурный.

– Найдите по связи проконсула ВКС Грехова, пусть тоже прибудет на спейсер.

– Принял.

– Кобре-два погранотряда Демину: я буду у него через сорок минут. Без меня ничего не предпринимать.

– Чтoб я сдох! – произнес Шадрин хладнокровно. – Это больше похоже на подготовку к массовой атаке, а не на встречу с хлебом-солью.

Железовский представил тысячи чужанских кораблей, идущих строем, сплетающихся в неповторимый злобный узор атакующей колонны, и ему показалось, что он слышит крик чужан, крик устрашающий и завораживающий, слагающийся из рычания зверя, пения ангелов и рокота боевых индейских барабанов, способный ужаснуть слабых и предостеречь мудрых, звучащий отовсюду и ниоткуда конкретно, и впервые в жизни комиссару захотелось быть просто зрителем этой феерической картины, а не главным действующим лицом.

«Пора уходить на покой, – подумал он без привычного тоскливого ощущения потери, трезво и спокойно. – Догмат эмоциональной напряженности не проходит даром даже для интрасенсов, а я давно исчерпал свой запас душевного равновесия. И Забава почувствовала это, иначе не осталась бы у меня...»

Железовский подавил поднявшуюся было к глазам волну соленой влаги, подумал с неудовольствием: «Этого еще не хватало! Кличка „роденовский мыслитель“ – еще куда ни шло, но

„плачущий мыслитель“ – это уже нонсенс. Хотя никто не знает, что последние годы я держался в службе исключительно благодаря умению выделять ситуации, действительно требующие максимального напряжения и собранности... Вот почему я привязался к Ратибору – он тоже умеет расслабляться и драться до последнего, когда этого требует реальная обстановка. Где же ты застрял, сынок?...»

Чудовищная, невообразимая по масштабам метель мела наискось по центральному полю обзорного виома, и не было ей ни конца ни края! «Снежинки», каждая размером в три километра и больше, имели неповторимый узор, и по их сложным телам катились волны желтого свечения, искажая очертания, превращая их в пульсирующие световые бакены или маяки, предупреждающие всех встречных неведомо о чем.

Конечно, глаз почти сразу узнавал в этих конструкциях ставшие обычными, с нерегулярным рисунком выступов и впадин, асимметричные обводы чужанских кораблей, но на сей раз странная траурная иллюминация заставляла людей снова и снова вглядываться в бесконечную мигающую колонну чужих космолетов, прикидывать их намерения и мощь.

Колонну сопровождали несветящиеся корабли, похожие на древесные комли, грибы-сморчки или трутовики, на морские раковины, но их было мало, по подсчетам наблюдателей – от силы два десятка. На людей, их запросы и попытки контакта чужане не обращали внимания, а через два часа похода – с момента обнаружения – колонна остановилась и стала превращаться в стенку толщиной в один «кирпич» – корабль.

Когда на «Перун» прибыли Боянова и Баренц, стенка, вернее, решетка, была уже выстроена, и располагалась она точно на пути следования иксоида с предполагаемым внутри Конструктором. До подхода иксоида к этому району оставалось не более полутора часов.

– Что будем делать? – спросил Демин, держась с деликатной властью отвечающего за порядок хозяина.

Вместе с Бояновой на борт спейсера прибыли почти все ответственные представители тревожных служб человечества, научные сотрудники высших рангов и корреспонденты агентств передачи новостей, всего около двадцати человек, и Демину пришлось устраивать их в экспедиционном зале, не рассчитанном на столь обширную аудиторию.

– Пусть говорят ксенопсихологи, – предложил Шадрин, успевший раз двадцать выскочить из зала и зайти обратно. – Это их епархия.

Демин посмотрел на него, сдерживая усмешку. Когда Шадрин увидел колонну чужан, он сказал всего два слова: «Мама родная!»

– Мы в таком же положении, как и все остальные, – нервно проговорил темнолицый лидер ксенопсихологов по имени Ранбир Сингх. – Тем более что по закону – чем проще решение, тем труднее его найти.

– Но ведь специалисты по чужанам – вы, неужели за сто лет изучения не сумели определить их параметры и мотивы поведения?

– Если это можно назвать изучением, – огрызнулся один из молодых ксенопсихологов. – Вы разве не знаете, что роиды не контактируют с нами? Я лично ни разу не видел живого чужанина, да и мертвого увидел только вчера, когда его привезли в лабораторию с Марса. И у меня сложилось впечатление, что все мы чудовищно ошибаемся в определении сущности чужан. Они – не разумные существа в полном смысле этого слова, вернее, – не только существа, обладающие разумом, но гораздо более сложные объекты.

По залу растеклось недолгое молчание. Потом раздались звуки шагов, и в зал вошел Габриэль Грехов.

– Предлагаю не трогать чужан и убраться подальше от их сооружения. Через полтора часа здесь будет весьма неуютно.

Сингх с любопытством оглянулся, он был мало знаком с бывшим спасателем.

– Вы, кажется, Грехов? Не могли бы вы расшифровать термин «неуютно»? В лексиконе психологов он имеет довольно определенное значение.

– Чего уж определеннее, – угрюмо проворчал Грехов. – Как может быть кому-то уютно в области пространства с переменной геометрий и «вспененным временем», где ядра атомов спонтанно распадаются на составляющие? Какая защита способна выдержать столь глубокое преобразование материи?

– Вы имеете в виду область пространства, занимаемую иксоидом? – в замешательстве спросил Сингх.

– Я имею в виду ту область, которая образуется после столкновения Конструктора с чужанской стенкой. Обещаю появление в наглядном изображении всех предсказанных эффектов К-физики.

– Думаю, что проконсул прав, – задумчиво сказала Боянова. – Хотя каждый раз поражаюсь его уверенности. Жаль только, что он никогда не говорит до конца все, что знает. Габриэль, скажите, вы знаете, что это такое? – Председатель СЭКОНа кивнула на виом с плывущей в нем плоской решеткой из чужанских кораблей.

– Знаю, – помолчав, ответил Грехов. – Хотите, покажу? У нас еще есть время.

– То есть как – покажу? Вы хотите?...

– Ну да, слетать к ним и посмотреть вблизи.

– А роиды не помешают?

– Мы их не интересуем. Да и пограничники подстрахуют.

– Я с вами, – заявил учтиво, но с непреклонной решимостью Демин.

– Я тоже, – буркнул Железовский. – Предлагаю отменить «три девятки», пограничникам и безопасникам можно перейти на «джоггер», но исследователям до встречи иксоида с... – «роденовский мыслитель» поискал слово, – с чужанской перегородкой ближе, чем на тысячу метров, не подходить.

– Я понял так, что ученых вы с собой не берете, – сказал ксенопсихолог с удивлением и обидой.

– Вы правильно поняли, – кивнул Демин. – Обещаю, что вы увидите все, что и мы.

Для обеспечения безопасности он взял «пакмак» с полной обоймой когтов, кое-как усадив пассажиров в осевом драккаре связи: в трех креслах-коконах расположились он сам – в качестве пилота, Боянова и Железовский – после того как Грехов отказался занять кресло и остался стоять, надвинув резервный эмкан связи с инком шлюпа.

Перегородка из чужанских кораблей, каждый из которых в три-четыре раза превосходил земные спейсеры, приблизилась, распалась на отдельные объекты, самый крайний из них стал увеличиваться в размерах, превращаясь в гору, полосатую от катившихся по ней волн сияния.

– Вас не наводит на размышления, – сказал негромко Грехов, – что параметры всех сооружений чужан определяются не технологической обработкой, не технологией вообще, а направленными процессами типа «рост кристалла»?

– Что вы хотите сказать? – раздался в наушниках рации голос главного ксенопсихолога, оставшегося на борту спейсера.

– Только то, что роиды не имеют эффекторов, подобных человеческим рукам, и все, что им необходимо, они выращивают, используя направленное стимулирование естественных для данной среды процессов. Это дает возможность управлять открытыми физическими системами без мощных энергетических процессов. Аналогий не видите?

Ученый не ответил. Никто в рубке драккара не проронил ни слова, только Демин изредка оглядывался, словно хотел убедиться, что Грехов никуда не делся.

Корабль чужан приблизился, закрыл собой все переднее обзорное поле видеокамер шлюпа.

– Ведомым – особое внимание! – мысленно скомандовал Демин. Снова оглянулся: – Что дальше?

– Ищу каверну с пульсацией электромагнитного поля, – сказал Грехов. – Там вход.

Демин посмотрел на Боянову, лицо которой то усиливало желтый блеск, становясь золотым, то темнело – в зависимости от волн свечения, продолжавших бесшумный бег по сложному телу чужого космолета; хотя каждому из сидящих изображение передавалось от видеокамер напрямую к зрительным синапсам, инк дублировал передачу, превратив стену напротив в обзорный виом.

– Не комплексуйте, капитан, – сказала Боянова суше обычного. – Вы не один в таком положении.

– Извините, – пробормотал Демин.

– Пустое, – равнодушно отозвался Грехов. – Видите прямоугольное пятно? Это вход. Дальше, к сожалению, на шлюпе не пройти, придется идти в скафандрах.

– Внешнее наблюдение – обстановка?

– Два «динозавра» дрейфуют в пяти единицах от вас, – доложили наблюдатели, – еще один, похожий на раковину, идет за вами, остальные группируются в центре перегородки. Такое впечатление, что они совещаются.

– Ведомый-два, возьмите управление, мы идем внутрь. Ведомым-три и четыре обеспечить прикрытие, особое внимание уделить «раковине».

– Выполняем.

– Пошли? – Демин открыл люк в камеру выхода из драккара, и лифтодесантный автомат по одному выбросил их наружу.

Вход внутрь чужанского исполина оказался достаточно широким, чтобы все четверо могли свободно войти в него одновременно. Однако Грехов сделал знак рукой и вошел первым. Внутри коридора вспыхнул свет его фонаря, высветил неровные, голубоватые, с рельефным фиолетовым узором стены.

– Все в порядке, – раздался вызов проконсула. – Опасности нет. Предлагаю не тратить время на осмотр второстепенных деталей и обстановки, а сразу проследовать к главному отсеку.

– Я гляжу, вы свободно ориентируетесь в чужанских кораблях, – не удержалась Забава. – Уже путешествовали внутри этих монстров?

Проконсул не ответил.

Спустя несколько минут бешеного аллюра внутри многократно изломанного коридора, в котором царил вакуум, остановились перед глухим тупиком, стена которого казалась твердой и зыбкой одновременно.

– Обычное эм-поле, – буркнул Грехов, – смелее. – И первым шагнул в стену, породив дифракционную картину, похожую на бегущие по воде кольца от брошенного камня.

Демин вошел, вернее, влетел вторым и вынужден был остановиться, потому что за стеной силового поля ничего не было! Точнее, начинался колоссальный провал, в котором луч фонаря тонул, словно в бездне. Лишь неясные сероватые тени, выхваченные конусами света метрах в двухстах от людей, говорили, что разведчики находятся внутри какого-то помещения, а не вылетели из корабля в космос.

Грехов посторонился, уступая место Железовскому и Бояновой, достал из батареи спецснаряжения на поясе цилиндрик блейзера и выстрелил им из «универсала» вперед и вверх. Спустя несколько секунд под куполом гигантского цирка вспыхнул ослепительный клубок пламени, высветив громадную шарообразную кучу камней черного цвета с размерами от метра до трех десятков метров в поперечнике. Впрочем, это были не камни.

– Роиды! – прошептала Боянова. – Мертвые роиды!

Демин понял это мгновением позже. Он, конечно, не встречался в своей жизни с живыми чужанами, но знал, как они выглядят. Живые чужане струились – если можно было применить этот термин к глыбам из похожего на камень материала, то есть постоянно, хотя и в небольших пределах, меняли форму. Их «кожа» топорщилась кристалликами и «дышала». Эти же роиды ничем, кроме цвета, не отличались от обломков скал. Некоторые из них были так глубоко черны, что становились практически невидимыми, поглощая свет, как рассчитанное теоретиками абсолютно черное тело, создавая иллюзию «черных дыр» в пространстве.

– Сколько же их тут? – сказал со странной интонацией Железовский. – Целое кладбище!

– А в трюмах других кораблей? – спросил Демин.

– То же самое, – ответил Грехов.

– История повторяется. – Железовский в скафандре отплыл в сторону, углубился в полость. – Чужане повторяют ритуал, только в большем масштабе. Помните, они пытались запустить свой поврежденный транспорт с соотечественниками в канал БВ? Может быть, это и в самом деле ритуал погребения, так сказать, похороны по-чужански по высшему разряду.

Грехов хмыкнул:

– Вы все время пытаетесь наделить чужан человеческими качествами, психологией и моралью, хотя уже давно доказано – они не только не гуманоиды, они объекты с более чем странной структурой. Неужели никто из вас до сих пор не увидел никаких аналогий?

– Увидели, увидели, – проворчал комиссар. – Мне нравится ваша манера тыкать носом несведущих в истины, известные только вам. Вы хотите сказать, что чужане и чистильщики Тартара – родственники?

Демин, не сдержавшись, с шумом выдохнул: он был поражен. Боянова тоже была удивлена, хотя и в меньшей степени.

– Вы шутите, Габриэль?

– Ничуть, – раздался смешок проконсула. – Чужане и черные чистильщики Тартара действительно родственники, разве что первые проэволюционировали чуть раньше и размеры их на порядок-два меньше.

– Вот это новость! – сказал Демин, переводя дыхание. – То-то мне все время чудилось, будто я уже где-то встречался с роидами... Но ведь чистильщики – это локализованные гравитацией огромные области чужих пространств со своей жизнью в каждом, просто их масштабы несопоставимы с нашими, так? Выходит, внутри каждого роида тоже заключается иное пространство? А внутри мертвого?

– Внутри мертвого чужанина – мертвые пространства, пустые, – задумчиво проговорила Боянова. – Ну и свинья ты, Аристарх! Знать такое и не поделиться!..

– Я не знал до сегодняшнего дня, – не обиделся Железовский, – пока не увидел на Марсе мертвого роида и Савич не бросил в него камень. Догадывался, конечно, но не верил, уж очень разные масштабы деятельности и, главное, поведение. Чистильщики потому и названы чистильщиками, что контролируют экологию Тартара – в их понятии, естественно, нападая на наши аппараты с целью выдворения их за пределы атмосферы планеты, а чужане уже способны понять, что мы – не просто живая материя, но и материя созидающая, обладающая разумом, свободой воли. – «Роденовский мыслитель» выдохся и замолчал, он никогда прежде не произносил таких длинных речей, что говорило о его волнении.

– Но тогда вы, Габриэль... – начала Боянова.

– Согласен, – быстро ответил Грехов. – Хотя меня никто об этом почему-то не спрашивал. Железовский издал низкое клокотание – он так смеялся. Усмехнулся невольно и Демин.

– А красивая была идея – насчет похорон. Однако зачем чужанам подбрасывать «сгоревшие куски шлака», если так можно выразиться, на пути Конструктора? Чего они добиваются?

– Идемте домой, оставаться здесь опасно, – вместо ответа предложил Грехов и первым устремился сквозь мерцавшую завесу в коридор, пронизывающий весь чужанский корабль по оси.

Столкновение иксоида с перегородкой, смонтированной чужанами из целых с виду космических кораблей с мертвыми роидами внутри, наблюдал весь флот землян, идущий кильватерной колонной рядом с иксоидом в трехстах миллионах километров от него.

В экспедиционном зале спейсера «Перун» некуда было яблоку упасть, так он был набит, и Демин попытался было использовать власть и силу лозунга «Посторонним вход воспрещен», но смирился, расслышав короткую фразу комиссара-два: «Пусти их, это ненадолго».

Рядом с Бояновой стояла Анастасия Демидова, бледная, но спокойная. Грехов тоже был недалеко, но на нее не смотрел. Он и в тесном окружении умудрялся казаться одиноким и чужим, вернее, отчужденным, отгородившись глухим мысленным барьером.

– Не знаю почему, но волнуюсь, – шепнула Боянова Анастасии. – Ты знала о том, что роиды, по сути, тартарианские чистильщики?

Настя кивнула.

– Ксенологи с хором скорбных молитв хоронят свои теории, для них это открытие – чувствительный удар по самолюбию. Но зато до чего интересно!

Лицо Бояновой отразило мистический восторг, прозвучавший в ее голосе, и Настя, с долей недоверия прислушиваясь к своим ощущениям – она почувствовала пси-волну Забавы, но не сразу поняла, – кивнула, соглашаясь.

– Сколько же непознанных и великих тайн ждет нас впереди! – Боянова будто разговаривала сама с собой. – И сколько их сокрыто в прошлом! У великого русского ученого двадцатого века Константина Циолковского есть такое высказывание: «Сзади нас тянется бесконечность времен. Сколько было эпох, сколько случаев для образования разумных существ, непостижимых для нас!» В этих словах таятся исключительный смысл и притягательная сила, которым нет цены. Ведь, по сути, мы только начали разгадывать сфинктуру Вселенной как вне нас, так и внутри себя.

– Внимание! – раздался сверху, из-под купола зала, четкий голос. – Минута до столкновения.

Разговоры в зале стихли, все головы повернулись к главному обзорному виому, по центру которого светилась желтая тонкая вуаль чужанской перегородки. Чуть ниже обреза виома раскрылись черные колодцы оперативных объемов связи, изображения на которые передавались с видеокамер зондов, расположенных от снимаемого объекта на разных расстояниях.

Настя превратилась в слух, прижав руки к груди. Казалось, на ее лице жили только глаза, жадно впитывающие слабый свет далеких звезд. Боянова вдруг ощутила в молодой женщине яростную борьбу волнения, боли и надежды и, подойдя к ней, обняла за плечи, пытаясь успокоить. А еще она услышала тихий пси-рефрен со стороны, словно заклинание: успокойся, успокойся, успокойся... Вероятно, это был пси-вызов Грехова.

Звезды в виоме, образовавшие волокна, слабые россыпи и «дымные» струи, вдруг исчезли, будто их задуло ветром, и тут же на месте ажурной перегородки чужанского «кладбища» вспыхнули тысячи пронзительных зеленых молний, вернее, совершенно прямых огненных копий, сложившихся в один колоссальный пучок. Эти «копья» прыгнули слева направо по полю виома, вытягиваясь в одно длиннейшее миллионокилометровое «древко», и превратились в колонны бурлящего пламени, на глазах изменяющие цвет от ярчайшего зеленого до желтого и багрового.

В оперативных виомах та же картина расчленилась на фрагменты, причем ближайшие зонды с видеопередатчиками были разбиты уже через мгновение, держались лишь те, что находились на больших расстояниях. Но спустя несколько секунд и они перестали передавать изоб-

ражения, один за другим окна виомов погасли, остался лишь обзорный виом спейсера, на который жадно смотрели десятки глаз.

– Флоту – императив «Кутузов»! – раздался по пси-связи приказ Железовского, означающий быстрое организованное отступление.

Однако судорога пространства, рожденная столкновением иксоида с «похоронным строем» чужанских кораблей, бежала быстрее и догнала земные корабли.

Волна искривления пробежала по залу спейсера, жутко сплющив предметы, кресла, интерьер, тела людей. Не помогли ни защита, ни скорость, ни переход на режим «кенгуру», и спасло экипаж и пассажиров спейсера только то, что он успел удалиться от этого страшного места на достаточно большое расстояние – около четырех миллионов километров.

Зал перестал корчиться, ломаться и плыть, дрожь ушла в стены, успокоился пол, виом перестал показывать «вселенский пожар», вернул изображению пространства бархатную черноту и глубину, но люди опомнились не сразу. Не потеряли сознание лишь единицы, самые закаленные и сильные: Железовский, Боянова, Баренц, Демин, незнакомый высокий негр в сером кокосе и Габриэль Грехов.

– Помощь нужна? – раздался из стены голос командира спейсера. – Все живы?

– Они сейчас очнутся, – отозвался Грехов, наклоняясь над Настей. Взял ее на руки и посадил в кресло, которое уступил Демин. Потом посмотрел на негра.

– А вы здесь какими судьбами, бывший археонавт Нгуо Ранги?

– Хэлло, – ответил негр певуче, морща лицо в улыбке, хотя глаза с тремя зрачками в каждом оставались холодно-спокойными и выжидающими.

– Вы все еще играете в казаков-разбойников. Не надоело?

– Ситуация не изменилась.

– Ошибаетесь. К тому же в настоящий момент никакое изменение ситуации вам неподвластно. Как и нам, впрочем.

Негр сделал неопределенный жест рукой, и в то же мгновение два рубиновых лучика с плеч Грехова как бы обняли незнакомца, просверкнув в сантиметре от его лица справа и слева. Негр замер, улыбка его погасла. Несколько долгих секунд они смотрели друг на друга, потом проконсул качнул головой:

– Идите. Ваша беда в том, что я знаю, кто вы, что делаете и зачем. И помните: мы – мирные люди до тех пор, пока к нам идут с миром, но кто придет с мечом...

– Я понял, – сказал Нгуо Ранги, становясь бесстрастным. И исчез. Не в физическом смысле слова, конечно. Просто движения его были так быстры, что человеческих реакций не хватало на их фиксацию.

– Кто это был? – поинтересовалась, подходя ближе, Боянова: ее все еще тошнило, хотя она и сдерживалась.

Грехов посмотрел на нее, потом озабоченно – на Анастасию, погладил ее по руке – девушка приходила в себя – и оглянулся на Железовского, неотрывно глядевшего на виом.

– Где он? – спросил комиссар глухо. Он не понял.

Вместо ответа проконсул вызвал рубку:

– Дайте на обзорный дальновидение.

Изображение в виоме вздрогнуло, зеленовато-голубые световые нити, едва видимые в центре обзорного поля, стали увеличиваться, приближаться, словно спейсер резво устремился к ним в режиме двойного ускорения. «Нити» превратились в удивительные ажурные сгустки голубого и зеленого огня, напоминавшие живую шевелящуюся мыльную пену: отдельные «мыльные пузыри» отрывались от нее, двигались некоторое время по замысловатым траекториям и рассыпались роями цветных искр. Создавалось впечатление, будто пространство в этом месте кипит на протяжении десятков миллионов километров.

– Что это? – спросила Боянова, забыв о визите К-мигранта.

Люди в зале постепенно приходили в себя, начинали двигаться, раздались первые голоса, неровные вздохи, восклицания, шорохи, слившиеся в легкий шумок.

– К-физика в наглядном изображении, – буркнул Грехов, не оборачиваясь. – Рождение и гибель всех предсказанных теорией Великого объединения⁸ частиц и полей. С другой стороны – это борьба физик, нашей и «завселенской», столкновение абсолютно разных вакуумов с разными наборами физических констант. Я понятно изъясняюсь?

– Вполне, – отозвался очнувшийся Савич.

– Где Конструктор? – повторил вопрос Железовский.

Грехов снова ответил по-своему:

– Рубка, дайте запись столкновения, самую кульминацию, в замедленном темпе.

Черный провал виома с «пенной» затянулся на миг твердой белой эмалью холостого режима и снова превратился в громадное окно, только теперь на месте «пены» расцветал колоссальный протуберанец пламени, пронзенный множеством огненных зеленых струй-стрел. Медленно-медленно этот сгусток неистового огня просочился сквозь поток жалящих струй пламени, словно сдирая с себя лохмотья дымящейся материи, становясь чище и прозрачней, и наконец превратился в стремительное, мигающее с небывалой быстротой, меняющее форму полупрозрачное тело – широкий конус, из дна которого сочились голубые, клейкие с виду, дымящиеся нити, отрывающиеся где-то в невообразимой дали очередями прозрачных «водяных капель»...

– Его Величество блудный Конструктор, – пробормотал Грехов с непередаваемой интонацией.

Боянова быстро взглянула на него, но ничего не смогла прочесть на металлически твердом лице проконсула.

– Что нам делать, Габриэль? – спросила она тихо.

Грехов не отвечал с минуту, разглядывая уходящий вдаль, состоящий из подвижных гранул «призрак» Конструктора. Потом нехотя сказал:

– Что и раньше – ждать. Примите только совет: не подходите к нему близко... хотя бы первое время, и вообще верните весь исследовательский флот на Землю, исследователям нечего делать возле Конструктора.

– Но проблема контакта должна решаться ксенопсихологами и контактерами, – возразил Сингх. – Ученые других дисциплин могут действительно возвращаться, но мы...

– Проблема контакта с Конструктором будет решаться не нами. – Грехов мельком посмотрел на Анастасию.

– Кем же? – требовательно спросила Боянова. – К-мигрантами?

– Нет, самим Конструктором. Вы, Забава, как-то сказали, что не любите дежурного оптимизма, так постарайтесь доказать свою точку зрения ксенологам ИВК, они не готовы к диалогу с Конструктором... судя по их эмоциям. Извините, джентльмены, мне необходимо срочно убраться на Землю. – Проконсул направился к двери, дружески кивнул Демину.

– Постой, Эль, – раздался сзади голос пришедшей в себя Анастасии. – Я с тобой.

Они вышли.

Боянова повернулась к комиссару.

– Аристарх, у меня чувство, что с нами сейчас говорил не Грехов, а сам Конструктор. – Она зябко передернула плечами. – Я боюсь их обоих!

Железовский наконец оторвался от виома, подошел и положил ей на плечо свою огромную руку.

⁸ Физическая теория, объединившая электромагнетизм и теории слабых (с участием нейтрино) и сильных (с участием кварков) взаимодействий.

Запределье

Он лежал лицом вниз, раскинув руки и ноги, на чем-то твердом, напоминающем утоптанную землю с россыпью мелких и острых камней, впивающихся в тело. Сил не было, как и желания дышать и думать. Судя по ощущениям, волны боли прокатывались по коже, вскипали прибоем у островков наиболее чувствительных нервных узлов – все тело было изранено, обожжено, проткнуто насквозь шипами и колючками неведомых растений. Иногда наплывали странные, дикие, ни с чем не сравнимые ощущения: то начинало казаться, что у него не две руки и две ноги, а гораздо больше, то голова исчезала, «проваливалась» в тело, растворялась в нем, то кожа обрастала тысячами ушей, способных услышать рост травы... Но все перебивала боль, непрерывная, кусающая, жалящая, дурманящая, следствие каких-то ужасных событий, забытых живущей отдельно головой.

Шевелиться не хотелось. Однажды он попробовал поднять голову, разглядел нечто вроде склона холма, полускрытого багровой пеленой дыма, и получил колоссальный удар по сознанию: показалось – тело пронзило током от макушки до кончиков пальцев на ногах! Он закричал, не слыша голоса, извиваясь, как раздавленный червяк, и потерял сознание, а очнувшись, дал зарок не шевелиться, что бы ни случилось.

Кто-то внутри него произнес:
Подыми меня из глубин
бездны вечного униженья,
чтобы я,
как спасенный тобою пророк,
жизнью новою жил⁹.

Ратибор напрягся и на мгновение выполз из скорлупы внушенного кем-то или чем-то образа «раненного на холме», сумев понять, что находится в гондole «голема», укутанный в слой компенсационной физиопены, однако тут же последовал беззвучный, но тяжелый и болезненный удар по голове (пси-импульс!), и снова вернулось ощущение, будто он лежит, изувеченный, на склоне каменистого холма...

Ленивые мысли обрывались, мешали друг другу и копошились в болоте успокоения: черт с ним, полежу, так хоть меньше болит... интересно, кто сейчас говорил про бездну? Он что – не видит, в каком я положении?... Неужели никто не видит, что я здесь лежу?...

И снова рядом тихо, но четко кто-то произнес:

– Очнись, опер, пока совсем не рехнулся...

– Кто говорит? – вяло поинтересовался Ратибор. Голову пронизала острая свежесть, пахнуло холодом и озоном, он снова увидел перед глазами красный транспарант: «Тревога АА», но не удержался на краю сознания и скатился в пропасть видения, призрачных ощущений и боли...

Еще дважды он пытался бороться за самостоятельность и свободу, испытывая чудовищные боли и муки, и наконец преодолел барьер внешнего воздействия, с которым яростно боролся на уровне эмоций и подсознания. Он находился в кокон-кресле «голема», подключенный к системе аварийной реанимации: в венах обеих рук иглы питания и гемообмена, на груди – «корсаж» водителя сердечного ритма, на голове – шлем максимальной пси-защиты.

Жив, подумал Ратибор почти с испугом, но ситуация дошла до реанимации, как говаривал Аристарх... Ничего не помню! Удалось или нет? Где я, черт побери? «Проводник, – мыс-

⁹ Книга скорбных песнопений. 1002 г. (перевод Г. Державина).

ленно позвал он, испытывая приступ слабости, вспомнил имя координатора „голема“ и поправился: – Дар, высвети информацию и дай внешний обзор».

– Слава Богу, ожил! – отозвался инк. – Здесь не слишком уютно и повышен пси-фон, чувствуешь?

Ратибор только теперь ощутил неприятную давящую тяжесть в голове и покалывание в глазных яблоках – результат воздействия мощного пси-поля.

– Где – здесь?

– Не знаю, – честно сознался координатор. – Попробуй разобраться сам. Даю обзор.

В глаза Ратибора хлынул призрачный свет, мелькнули более темные полосы, потом более светлые, длинным серпантинном закружились вокруг светящиеся кометы, искры, шлейфы дыма...

«„Голем“ вращается! – сообразил Ратибор. – Вернее, кувyrкается в воздухе... или в вакууме?»

– Стабилизация по трем осям! – приказал он координатору. – Локацию в длинноволновом диапазоне, выдачу параметров среды.

Верчение цветных струй и полос вокруг замедлилось, полосатый хаос распался на бесформенные пятна, мигающие огни, клубы и полотнища дыма, странные скрюченные тени, движущиеся в дыму. Изредка сквозь дым пробивались зеленые зарницы, и весь пейзаж передергивался, будто его сводила судорога. В такие моменты в гондоле «голема» раздавался гудок и перед глазами пилота вспыхивало слово «Радиация» и цифры – ее уровень внутри аппарата.

Локация в длинноволновом диапазоне ничего не дала: радиоволны вязли, словно в дыму, и не возвращались, поглощаемые средой. Высокочастотные волны оконтуривали в дыму какие-то зализанные, округлые предметы, медленно перетекающие друг в друга, за которыми на пределе видимости проступили твердые, ребристые и бугристые стены, перемежающиеся с нишами, пещерами и бездонными провалами.

– Миражи, – изрек координатор. – Я не в состоянии правильно оценить поступающую информацию. Все, что мы видим, на самом деле – фантомы, отражение и преломление внешних воздействий в наших органах чувств. Ложное видение.

– Отстроиться можешь?

– Пока не удастся, слишком высок радиационный и пси-фон плюс мощное акустическое поле, сбивающее точную наводку датчиков. Хочешь послушать, что делается вокруг нас?

В уши Ратибора хлынула какофония звуков – от мяуканья кошек до взрывов и визга пил, выдержать этот грохот не смог бы никакой, даже специально тренированный человек. Координатор убавил громкость до бесцветного шипения, и Ратибор невольно пробормотал:

– Белый шум... это был шум, Дар, просто исключительно большой мощности.

– Около трехсот децибелов, далеко за болевым порогом, хорошо, что «голем» рассчитан на подобные воздействия.

Ратибор помолчал, впитывая порции данных, вводимых ему координатором.

Среда, в которой висел «голем», оказалась гелием с примесями инертных газов и паров металлов от железа до осмия, и была она пронизана целым «пакетом» смертельных для человека излучений. Инк «голема» сумел разобраться лишь с тремя их типами: гамма-радиацией, нейтринным потоком и протонными пучками высоких энергий, остальное излучение Дар мог оценить только качественно, по реакции универсальных регистраторов. Не ответил он и на вопрос пилота, где находится «голем».

– Во всяком случае, не в открытом космосе, – заявил он не без юмора. – Это может быть и поверхность неизвестной планеты, куда нас закинул чужанский «перевертыш», и ее недра, или ядро формирующейся звездной системы.

– Или внутренности Конструктора. Я склонен полагать, что роиды хорошо просчитали путь своего посла и теперь мы где-то в недрах Конструктора. Единственное, что меня тревожит, это отсутствие самого роида. И К-мигранта. Запускали-то нас вместе.

Накатила вдруг волна слабости, в глазах замерцала льдистая зелень, руки и ноги стали ватными, тошнота подступила к горлу, сознание померкло... ненадолго. Дар реагировал мгновенно, вводя стимулятор и питание.

Голова прояснилась, хотя тошнота осталась.

– Давай поищем, – сказал Ратибор, обливаясь потом; и тут же по коже спины, груди, под мышками щекоотно пробежали пальцы медкомплеса, стирая пот.

Координатор направил «голем» вверх – если можно было назвать верхом пространство над вершиной аппарата, и словно прорвал невидимую пленку, скрывавшую до этого от человека иные пейзажи, – «голем» вырвался в солнечный день на Земле! Впрочем, не на Земле, как понял ошеломленный Ратибор, взглядевшись в представший перед глазами пейзаж, освещенный так, словно светился сам воздух.

Холмистая равнина, поросшая ковром густых трав и цветов, уходила во все стороны в бесконечность, а не до линии горизонта, как на Земле, и точно такая же равнина простиралась над головой, словно отражение в полупрозрачном зеркальном слое. Но этого было мало: справа и слева, достаточно далеко от «голема», если верить ощущениям и датчикам машины (около тысячи километров, подсказал Дар), угадывались вертикальные эфемерные стены с горными и другими ландшафтами, которые иногда становились реальными, четко и ясно видимыми. Этот мир напоминал геометрическую фигуру из по крайней мере шести пересекающихся под прямыми углами плоскостей, каждая со своим пейзажем и особенностями рельефа, но пять из них были эфемерными, призрачными, как миражи, и лишь одна не давала повода к сомнениям относительно своей реальности.

– Гексоид Гаргантюа, – проговорил Дар, и Ратибор вспомнил, откуда ему известен диковинный мир: в материалах о первом появлении Конструктора, тогда еще в виде споры – сверхоборотня, как его прозвали, было описание иллюзорного путешествия одного из безопасников, Диего Вирта, по точно такому же миру, которому дали название Гексоид Гаргантюа. История повторилась. Разве что путешествие Берестова происходило наяву.

– Мы внутри Конструктора, – подвел итог своим размышлениям Ратибор. – Это его масштабы и ландшафты.

«Голем» двинулся над равниной по разворачивающейся спирали, преодолевая тугое сопротивление местной воздушной среды: гелий, инертные газы, пары металлов.

– Гелий? – внезапно удивился Ратибор. – И трава на холмах? Что это значит?

– Только то, что мы внутри Конструктора, – буркнул координатор. – У меня нет никаких сомнений в реальности холмов и всего остального, поступающая информация однозначна и не требует специального анализа. А почему трава не может расти в гелиевой среде?

– На вид-то она земная...

За одним из дальних холмов блеснула серебристая полоска. Ратибор не раздумывая повернул в ту сторону и через минуту полета посадил «голем» на холме рядом с дорогой из тускло блестящего материала, напоминающего серебро.

– Я выйду.

– Не советую, – хмыкнул Дар. – Радиационный фон тут поменьше, но пси-фон пульсирует за пределами обычных человеческих возможностей.

– Открывай.

Координатор подчинился.

Кокон-кресло «голема», представляющее, по сути, его рубку, «вывернулось наизнанку», словно толстая шуба, освободив пилота. Ратибор, упакованный в герметичный кокос, выбрался из кресла, обошел его и влез в тесный прозрачный цилиндр, занимавший все остальное сво-

бодное пространство рубки. В то же мгновение цилиндр сжался и обтянул пилота прозрачной бликующей пленкой. Ратибор защелкнул энергопояс, прицепил к нему «универсал», встал на белый круг у стены, и упругий бутон трапа вынес его наружу.

Материал дороги оказался не серебром, не металлом вообще: стоило Ратибору шагнуть, как вся блестящая полоса дороги вдруг покрылась сеткой трещин, будто была сделана из хрупкого фарфора. Цветы по обочинам дороги напоминали сложные детали каких-то машин, зубчатые колесики старинных часов и просто абстрактные головоломки, зато трава была настоящей земной травой, мягкой и шелковистой, и, сорванная, ни во что не превращалась. Ощущая непривычную тяжесть во всем теле и раздражающий глухой шум в голове, Ратибор задумчиво перетер в пальцах зеленые волокна, побродил в окрестностях черной островерхой скалы «голема» с распахнутым зевом люка и прозрачным пузырем трапа, закрывавшим люк, и влез в аппарат. Процедура пеленания и подключения к системам связи, управления и анализа заняла две минуты, после чего «голем», превращенный в плоский летательный аппарат, помчался над дорогой, скрывавшейся в дымке где-то в невообразимой дали. В следующее мгновение ландшафт под «големом» искривился, холмы вспыхнули электрическим сиянием, потрясающей силы удар обрушился на пилота неожиданно и бесшумно, словно удар лапы подкравшегося тигра, Ратибор ничего не успел понять и предпринять...

Он снова лежал на склоне холма, израненный и беспомощный, и боль кругами ходила по телу, и кровь толчками вытекала из открывавшихся ран, и не было сил поднять голову, чтобы оглядеться, принять более удобную позу и позвать на помощь...

Следующее видение было иным и неожиданным: он лежал, связанный, в каменной темнице, кругом стояли враги и раз за разом били по телу ногами в сапогах с твердыми мысами...

Ратибор очнулся.

«Голем» висел над дорогой, упиравшейся в город, вполне земной, с рощами и садами, комплексами зданий и старинных архитектурных сооружений, памятников старины, ставших музеями, и город этот был знаком пилоту до боли. «Рославль!» – сообразил Ратибор, глотая витаминизированное желе через подсунутый Даром мундштук.

– Что это было со мной? – спросил он мысленно.

– Скачкообразное повышение мощности тета-линии пси-фона, – ответил координатор. – Эффективной защиты от излучения найти пока не могу. Терпи.

– А что за город впереди? И когда он появился?

– Судя по некоторым особенностям, это ваша родина – Рославль, хотя есть и «лишние» детали, а появился он минуту назад, сразу после пси-импульса, практически мгновенно. Конструктор демонстрирует нам возможности К-физики.

– Вряд ли эти странные метаморфозы – демонстрация, скорее попытки осмыслить свое положение в «шубе» иного пространства. Возможно даже, что Конструктор в данный момент находится в бессознательном состоянии. Надо искать его нервные узлы, попытаться сообщить о себе, выдать всю привезенную информацию, и хорошо бы отыскать коллег по посольской миссии – К-мигранта и чужанина.

– По-моему, они здесь, в городе, даю вариацию.

В панораме, развернувшейся перед глазами пилота, возникли два светящихся кольца, ограничив часть изображения, понеслись навстречу, увеличиваясь, пока не заняли все поле зрения, причем пейзажи и в том и в другом кольце Ратибор мог рассматривать по очереди, не переводя глаз.

В первом кольце сквозь заросли тополей и бамбука виднелся стройный контур драккара, в котором находился посол К-мигрантов, а во втором за старинной церквушкой с зеленым куполом и золотыми крестами чернела стометровая глыба роида. Но самое странное состояло в том, что жителями города, спешащими по своим делам, были... «серые люди»!

– Бред! – сказал Ратибор, растворяясь в очередном приступе слабости.

– Тогда мы бредим оба, – отозвался координатор с горечью. – Вынужден констатировать, что мои возможности адекватного отражения действительности исчерпаны, а методы анализа обстановки несовершенны.

Ратибор, напрягаясь, попытался сфокусировать внимание на псевдо-Рославле, созданном не то его воображением, не то какими-то сложными движениями души Конструктора, и получил очередной удар пси-поля, потрясший организм до глубин подсознания; он полз по горячим углям и зарослям острых игл, сплошным ковром покрывающим пол, стены и потолок бесконечной узкой пещеры, и кричал от боли, когда стены сближались, а потолок опускался, сжимая тело в страшных тисках акульей пасти...

Кто-то наклонился над ним, прохладные пальчики пробежали по затылку, снимая боль и жар, осторожно коснулись спины, рождая щекотные волны пупырчатой кожи.

Ратибор заставил себя открыть глаза, повернуть голову набок и увидел чьи-то босые ноги, загорелые, стройные, легкие. Женщина присела, и он увидел ее лицо, лицо Насти Демидовой, строгое, красивое, тонкое, с бровями вразлет и пухлыми губами с печально опущенными уголками.

– Вставай, мастер, – сказала Настя низким голосом, кладя ему на лоб прохладную ладонь. – Надо идти.

– Куда? – прошептал он, привычно ожидая боли, но боли почти не было, лишь покалывание в кончиках пальцев рук и ног, да пульсировал сосудик на виске, словно в голове тикала заведенная мина.

– Нас ждут. – Настя просунула руку под его шею и приподняла голову. – Поднимайся, мастер, пора выбирать друзей.

Ратибор осторожно приподнялся на локтях, сел, прислушиваясь к себе, – почти никаких болевых ощущений, только в глазах все поплыло от слабости; он сжал зубы, борясь с организмом, а когда приступ прошел и мутная пелена слепоты сползла с глаз, обнаружил, что сидит на траве совершенно голый, весь в страшных рубцах и недавно затянувшихся лиловых шрамах.

Настя, одетая в струящееся нежгучее пламя, подала ему кокос.

– Одевайся, опер.

Ратибор, не испытывая никакого смущения, потрогал длинный глянцево-синий шрам на груди, уловил пульсацию крови под пальцами, поднял голову.

– Когда это меня так?... Где я? – Он огляделся.

Поляна в лесу, заросшая травой и грибами с бусинками глаз, над головой зеленое небо с белыми пушистыми облаками, воздух свеж и ароматен, стволы деревьев светятся и потрескивают, кора на них слегка шевелится, как живая, меняет рисунок...

– У нас в Рязани грибы с глазами, – пробормотал Ратибор. – Их едят, а они глядят... Где я, Стася?

Что-то мешало ему последовать совету Анастасии, какая-то внутренняя неуверенность, неловкость, стеснение, тревожное чувство ожидания беды... и нечто похожее на шепот в голове. Ратибор прислушался и уловил слабый, как дыхание, голос:

– Очнись, очнись, опер, выходи из транса, рискуешь не выкарабкаться никогда... очнись...

Тревога усилилась, внутренняя неловкость переросла в сомнение в собственной трезвости. И все время казалось, что откуда-то сквозь стенку глухоты доносится неистовый шум: грохочут барабаны и литавры, режут трубы, визжат валторны, но он ничего этого странным образом не слышит, лишь чувствует...

– К черту! – громко объявил Ратибор, вспоминая, кто он, и бросая кокос на траву, которая стала торопливо поедать косточку. – Я посол, и все это мне грезится! Извини, Настя. – Он изо всех сил ударил себя кулаком в шрам на груди и зарычал, кусая губы, – боль навалилась обжигающим водопадом кипятка и кислоты, сознание помутилось...

Тампон влажной кошачьей лапой прошелся по лицу. Ратибор открыл глаза и обнаружил себя в рубке «голема». Кожа лица и рук горела, в костях застыл расплавленный свинец, мышцы тела судорожно передергивались, дезорганизованные внешним пси-излучением, в ушах стоял глухой шум, рожденный бессвязным говором сотен людей.

– Плохо дело, – прошелестел еле слышный мысленный голос координатора. – Мне все труднее возвращать тебя из глубин иллюзорного бытия. Конструктор постепенно растворяет в себе твое «я»... да и мое тоже, хотя бредить я и не способен. Что делать будем?

– Дай картинку.

– Какой в этом смысл? Видеокамеры тоже не в состоянии отделить реально существующий ландшафт от миража.

Перед глазами Ратибора вспыхнул цветной туман, в протаявшем черном окне сверкнула изумрудная капля, приблизилась, превращаясь в планету... Земля?!

Пилот закрыл глаза, проглотил ком в горле, ощущая себя совершенно разбитым, но тут же открыл снова, сопротивляясь слабости и нежеланию жить вообще. Се человек, подумал он о себе в третьем лице, пока борется – живет. В памяти всплыло: человек начинается там, где кончается удовлетворение потребностей.

Кто-то засмеялся, задыхаясь. Может быть, он сам.

– Вперед, к Земле!

– Этот объект не может быть Землей, – неуверенно возразил координатор. – Советую не идти на посадку.

– Нас испытывают, и отказаться от испытания – значит проиграть.

– Откуда известно, что нас испытывают? Скорее мы попали в один из больных органов Конструктора, и все наши видения – следствие его беспамятства, бессознательных судорог.

– Ты, наверное, прав, Дар, но и я чувствую в себе странную уверенность в правоте своих предсказаний. Конечно, интуиция – символ не знания, а веры, но я себе верю.

Зеленоватый пушистый шарик планеты рванулся навстречу, закрыл поле зрения, распахнулся гигантской чашей с размытыми очертаниями материков. Ратибор попытался сориентироваться, нашел Европу, Белое море, Волгу, попытался развернуть «голем» к югу и обнаружил, что его ведут – аппарат не подчинялся воле пилота, словно в генераторах движения не осталось ни крохи энергии. Однако энергия была – Ратибор мгновенно считал показания датчиков, выдаваемые напрямую в мозг, и убедился в наличии половины запаса по сравнению со стартовым энергоресурсом. И команды по всем комплект-узлам «голема» проходили нормально, пилот удостоверился в этом с помощью тестов за считанные мгновения. Тогда он сделал разворот и дал максимальную тягу в режиме двойного ускорения. И провалился в алу пропасть забвения...

Открыв глаза, понял, что «голем» летит над горной страной, пронзая ключья ослепительно белых облаков.

– Поворачивай! – сказал сквозь зубы координатору, пытаясь унять готовый выпрыгнуть из тела желудок. – Я сам не смогу. Поворачивай и давай «аллюр три креста», кому сказал!

Но ему ответил не Дар:

– Успокойся, опер. – Голос звучный и знакомый. – Все идет нормально, никто тебя не тронет, только не дергайся и не пори горячку.

– Кто говорит?

Смешок, тоже знакомый.

– Не узнал?

– Грехов!

Снова смешок.

– Порядок, оклемался.

«Голем», ведомый неизвестной силой, сделал пируэт и мягко приземлился на зеленом газоне рядом с красивым двухэтажным коттеджем, выстроенным в стиле «русский храм». На пороге открытой двери, выходящей на резное крыльцо, стоял человек в черном костюме, но Грехов это или нет, Ратибор сразу не разглядел – слезились глаза.

– Вылезай, здесь ни радиации, ни прочей грязи. – Голос проникал прямо в мозг, и от него, казалось, резонировали кости черепа. – Не трусь, опер, у тебя накопилось много вопросов, и я на них уполномочен ответить.

Ратибор позвал координатора, ответа не услышал, да и голос мешал и плывущий в ушах звон; выпростался из кресла, отдыхая после каждого движения. Сделал два глотка витаминного концентрата, набрался сил и вылез из аппарата на траву, сообразив тем не менее натянуть пленочный скафандр – автоматически, не думая об этом.

Человек махнул с крыльца рукой, хмыкнул:

– Профессионал остается профессионалом, даже когда болен. Заходи в дом.

Ратибор огляделся.

Вокруг дома раскинулся пышный цветущий сад: яблони, вишни, гигантская морковь, помидорное дерево, банановые пальмы, тополя, араукарии, орех, просто какие-то пушистые жерди, камни на многоходульных корнях, похожие издали на пауков, – все было покрыто ослепительно белыми цветами величиной с голову человека, причем многие цветы дышали и складывали лепестки, словно бабочки, готовые улететь. Небо над головой было лимонно-желтого цвета с серыми трещинами, складывающимися в рисунок такыра.

Глаза продолжали слезиться, и Ратибор перестал напрягать зрение. Ощущение опасности притупилось, захотелось принять душ, переодеться, лечь на диван и – максимум блаженства! – чтобы Настя сделала массаж...

– Насти здесь нет, – заметил человек.

– Жаль, – вздохнул Ратибор. – Как поется в старинной песне: всю-то я вселенную проехал, нигде милой не нашел.

Накатило вдруг странное ощущение раздвоенности, вернее, растроенности, Ратибор осознал себя в трех местах одновременно: стоял возле дома Грехова, сидел в пилотской гондоле «голема» по горло в шубе физиокомпенсации и лежал израненный на холме лицом вниз... Ратибор мотнул головой – отступило.

Как оказался в доме – не помнил. Он сидел в старинном деревянном кресле с резными подлокотниками, которое стояло на выскобленном до медвяного блеска светлом деревянном полу. Напротив в таком же кресле черной глыбой сидел кто-то очень знакомый и смотрел на гостя исподлобья. Железовский?!

Ратибор вытер глаза ладонью, мимолетно удивившись, что он без скафандра, разлепил веки и увидел знакомую физиономию Габриэля Грехова с ироничным прищуром глаз.

– У меня что-то со зрением, – пробормотал Ратибор. Попытался разглядеть комнату, однако не смог: стены ее терялись в струящемся полумраке, словно размытая акварель, и в этой размытости смутно угадывались какие-то щиты, светящиеся алым квадратные окна, ниши со звездным узором внутри, картины с непонятными композициями цветных пятен и застывшие тени, странные, живые и неживые одновременно.

– Это пройдет, – сказал Грехов, на секунду превращаясь в Железовского в тот момент, когда Ратибор на него не смотрел.

– Что это – импрессионизм? – кивнул Ратибор на картины.

– Это старинные иконы, изображающие Христа.

Берестов наконец разглядел одну из картин: прибитый к кресту человек в набедренной повязке распростерт над мрачной равниной с цепью озер...¹⁰

¹⁰ Картина С. Дали «Христос на кресте».

– Коллекционирование икон – ваше хобби?

– Не как факт религиозных устремлений, а скорее как тяга души к отражению реальности, ведь Христос тоже был одинок.

Ратибор с усилием разобрался в смысле сказанного, соображать, думать было исключительно тяжело, к тому же мучительно хотелось спать.

– Вы хотите сказать, что вы тоже одиноки?

Грехов-Железовский кивнул.

– И я тоже, но это не суть важно, в данном случае речь не обо мне.

– О ком же?

– О Конструкторе.

Ратибор вспомнил вдруг, что он посол, востепенный, но волна безразличия снова захлестнула сознание, топя в своей пучине чей-то настойчивый тревожный зов. Грехов что-то спрашивал, Ратибор что-то отвечал, погружаясь в сладостное забытие. Лишь временами накатывало знакомое ощущение многократного раздвоения личности. Самое интересное было в том, что и с закрытыми глазами Ратибор видел собеседника, который изредка превращался то в Железовского, то в К-мигранта Батиевского.

– К-мигранта! – прогрохотало в голове, отдаваясь эхом под сводами черепа. – К-мигранта, мигранта, гранта, анта...

– А где мои спутники? – спросил Ратибор, выдираясь из дремы. – Меня посылали с роидом и К-мигрантом. Где они?

Грехов неопределенно махнул рукой.

– Где-то там, в запределье.

– Мне надо к ним... с ними... я как-никак посол. – Ратибор внезапно вспомнил, с какой целью и к кому был направлен послом, голова прояснилась, вернулась острота зрения, а с ней и способность оценивать обстановку. Сквозь гулы и свисты, рожденные фоном связи, донеслись чьи-то тягучие слова:

– Надо... бороться... – Гул, свист, хрипы, дребезжание, и снова: – На-до... бо-ро-ться...

Человек напротив шевельнулся. Грехов или нет?

– А ты сильнее, чем я думал, опер. – В голосе человека прозвучало уважение. – Маэстро Железовский не ошибся в тебе.

– К черту разглагольствования! Я уже понял, что вы не Грехов. К-мигрант? Один из «серых»? Впрочем, неважно, главное, что вы представляете Конструктора. Итак, я прибыл по назначению и нахожусь, очевидно, внутри его. Где остальные послы?

Человек напротив, похожий на Грехова, улыбнулся:

– Насчет роида сведений не имею, он – не тот, за кого вы, люди, его принимаете, точнее, он – не разумное существо, а область иного пространства со своими законами и константами, закапсулированная гравитацией, ну, а внутри его обитают и разумные существа. Что касается К-мигранта, – Грехов слегка нахмурился, прислушиваясь к чему-то, – он давно соединил свое «я» с «я» Конструктора, растворился в нем.

– И теперь Конструктор знает, что мы хотели его...

– Боюсь, что так. – Грехов развел руками. – Хотя вряд ли можно прогнозировать его дальнейшее поведение, ведь Конструктор – на самом деле бесконечно сложный объект, на много порядков сложнее известных вам информационно-физических систем. И контактирует с вами в настоящий момент не он, а... м-м... вторичный контур, так сказать, матрицированное отражение твоей психики в одной из мириад интеллектуальных ячеек, а сам Конструктор сейчас слишком занят, да и травмирован изрядно...

Снова наплыв ощущения, что он лежит на холме, лишил Ратибора воли к сопротивлению с продолжавшейся пси-атакой на мозг. Очнувшись он от укола и долго приходил в себя, то

теряя собеседника из поля зрения, то видя на его месте чуткого монстра, полудракона-получеловека, – разыгралось воображение.

– Но если Конструктор без сознания, – начал Берестов через силу, – то как же он сможет разобраться в ситуации, выйдя в нашем пространстве? Через полгода он наткнется на Солнце...

– Он уже вышел, – грохочущим гулким голосом проговорил Грехов, превращаясь в глыбу чужанина. – Ваши действия – на вашей совести.

– Но мы не беремся за оружие, если нам не угрожают, – слабо возразил Ратибор. – А в данном случае под угрозой существование цивилизации!

– Просто вы не нашли другого выхода.

– Какого?

– Ищите. – Грехов исчез с ударом грома, потрясшего все тело пилота. Ратибор осознал себя лежащим в защитном коконе «голема» и услышал тонкий-тонкий всхлип координатора:

– Выплыл?

– Где мы? – вяло поинтересовался Ратибор.

– Все там же – внутри Конструктора. На всех диапазонах – белый шум, на вызовы не отвечает никто, в том числе и сам Конструктор.

– Я выходил из машины?

– Нет.

– Значит, встреча с проконсулом была наваждением.

– Скорее наведенной пси-передачей, мне удалось замерить ее основные параметры.

– Не ошибаешься? Если дело обстоит так, то нас заметили и пытались войти в контакт. Но кто? Сам Конструктор? Часть его интеллекта, ведающая связями с «пришельцами», или та часть, которая борется с загрязнением организма? Ведь мы для него, по сути – микробы, попавшие в тело.

– По-моему, ни то ни другое. В первом случае представитель Конструктора был слишком человечен, а во втором – если бы с нами пытались бороться, как с микробами, то для такого существа, как Конструктор, уничтожить нас – раз плюнуть.

– Тогда с нами пытались связаться другие послы: либо чужанин, либо К-мигрант... хотя лже-Грехов сказал мне, что К-мигрант «растворился» в Конструкторе.

На несколько секунд Ратибор потерял способность видеть и слышать, волна слабости прокатилась по телу, превратив его в слой ваты. Нить рассуждений потерялась в шуме расстроенных чувств.

– Что будем делать? – напомнил координатор.

– Попробуем прорваться наружу, если здесь нас никто не хочет встречать как послов. Я посплю, а ты выходи на режим «кенгуру» и держи направление, не сворачивай. Встретишь препятствие – разбудишь.

– Сон в данной ситуации опасен, – встревоженно предупредил Дар. – Мои арсеналы по реабилитации и поддержанию тонуса не бесконечны.

– Но и мои силы не беспредельны. Вперед, дружище!

«Голем» начал разгон, обходя неожиданно появляющиеся на пути препятствия: он шел не в пустом пространстве, а в среде с переменной структурой и не мог развить скорость более ста километров в секунду.

Ратибор спал, и ему снилось, что он на Земле, а Грехов с лицом свирепым и диким принимает у него экзамен по интрасенсорному восприятию.

– Закрой глаза, – приказывал Грехов.

Берестов послушно закрывал.

– Что видишь?

И Ратибор перечислял, что видит, восторгаясь и ужасаясь одновременно: он видел сквозь веки, в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах, чувствовал броуновское движение молекул, слышал, как течет кровь по мельчайшим сосудам, и ощущал звуки собственных работающих мышц!..

Очнулся от того, что по венам левой руки потекла горячая струя.

– По-моему, я слышу чей-то вызов, – доложил координатор.

– Что значит – чей-то?

– Сигналы очень слабые, иногда пропадают, не дешифруются, но резко отличаются от фоновых.

– Как долго я пребывал в нирване?

– Час сорок две.

– Поворачивай.

– Уже иду по пеленгу, но скорость набрать не могу, мы не в открытом космосе. Здесь полно странных шатающихся объектов и болидных потоков – иной термин подобрать трудно, и бездна всякого рода полей, создающих интерференционную картину, причем устойчивую, типа стоячей волны.

Ратибор промолчал. Они находились в организме колоссального разумного существа со сверхсложной структурой, и этим все было сказано.

Комплексное действие короткого сна, лекарственных препаратов аптечки и волнового массажа наконец сказалось, и пилот почувствовал себя гораздо лучше, хотя изредка появлялись блуждающие по телу боли, перехватывающие дыхание, и нечеткие галлюцинации, повторяющие знакомые картины: он лежит на холме или сидит в деревянном кресле напротив псевдо-Грехова.

Прошел час, другой, по расчетам координатора, они преодолели около полумиллиона километров по сложному зигзагу – источник сигналов, отличных по информационному насыщению от фонового излучения, маневрировал, в широких пределах изменяя скорость. В диапазоне видимой части спектра почти ничего не было видно, кроме хороводов блуждающих огней, скоплений звезд-искр и туманных пятен, а локация в радиодиапазоне давала странную картину: «голем» прокладывал путь словно в мякоти арбуза, насыщенной «семечками» уплотнений. Точных характеристик этих уплотнений гравизондаж дать не мог, но было ясно, что столкновение с одним из «семечек» чревато непредсказуемыми последствиями, поэтому Ратибор вынужден был еще уменьшить скорость аппарата, понимая, что шансы догнать источник сигналов становятся равными нулю. Однако судьбе угодно было распорядиться шансами иначе – после особенно головокружительного изменения траектории источник остановился. Спустя еще час «голем» подобрался к одному из уплотнений – масконов, по терминологии координатора, возле которого продолжал ритмично «дышать» низкочастотным радиоизлучением загадочный объект.

Координатор в темпе пулеметной очереди перебрал диапазоны видения локаторов и остановился на мягком рентгене, в котором наконец удалось разглядеть, что же собой представляют «семечки» уплотнений. Ратибор изумленно причмокнул: перед ним в облаке серебристого тумана висела уменьшенная копия омеги Гиппарха, тех самых остатков звезды, по которой прошелся луч Большого Выстрела, – те же колоссальные кружева «мха», та же пенная структура в глубине сфероида и плоские диски на тонких ножках, уходящих в неведомую толщу верхнего слоя объекта, словно листья кувшинок на длинных стеблях.

– Диаметр сфероида – около пяти тысяч километров, – сообщил координатор, имевший полную информацию о стародавнем походе Берестова на омегу Гиппарха. – Ощущаю внутри него высокую концентрацию энергии, подходить ближе опасно.

– Сам вижу. Попробуй отстроиться от тумана, плохо видно.

– Это не туман, какой-то квантово-полевой эффект, пространство вокруг сфероида «мерцает», «пенится».

– А где тот приятель, сигналы которого мы запеленговали?

– По-видимому, вот он, даю вариацию.

Тонкая световая нить очертила часть поля зрения слева, как ее ощущал Ратибор, переместилась в центр, изображение в ней стало расти, укрупняться, уходя краями за световую нить, один из «листьев кувшинок» заполнил собой все поле зрения, и Ратибор увидел на его серо-мраморном фоне полупрозрачный шар. Впрочем, не полупрозрачный, а скорее зеркальный... или все-таки?... Через несколько секунд стало ясно, что шар постоянно меняет плотность, то становясь прозрачным, то металлически твердым, то рыхлым и белым, как вата, и делает это в такт дыханию радиошума.

– Это не К-мигрант, – сказал Дар, – и не чужанин. Могу предположить, что, судя по описаниям, это...

– Серый призрак! – прошептал Ратибор, ощущая головокружение. – Грехов встречался с ним... с таким же, как этот, не узнать его невозможно. А ну крутани программу контакта на всех волнах и последи за обстановкой, идем к нему.

«Голем» рванулся сквозь туман неизвестных физических реакций к сфероиду с мохообразным ландшафтом, в четверть часа преодолел стокилометровую толщу атмосферы с упругим сопротивлением среды и вышел точно над зонтичной структурой с шаром серого призрака, не обращавшего никакого внимания на земной аппарат с включенными передатчиками.

Серый призрак был невелик – шар диаметром в две сотни метров, но у Ратибора возникло такое чувство, что он видит перед собой разверзающуюся бездну, еще миг – и она его поглотит, засосет!..

– Пси-поле с широким спектром, – отреагировал координатор. – Эта штука излучает пси-поле, как целый город!

Какая-то черная тень упала на «голем», Ратибор невольно поднял голову, но никого не увидел, лишь через несколько мгновений понял, что внутри него сработало чувство опасности.

– Держись, уходим! – предупредил Дар, начиная выражать возвращения до того, как пилот понял, в чем дело. – Резко возрос волновой фон. Говорил же, что объект опасен...

Ландшафт под аппаратом заколебался, вспух и расплылся дымом.

Ратибор успел заметить, как серый призрак растянулся в ленту серебристого сияния, направляясь к «голему», после чего пилот и потерял сознание от тяжелого удара, причем не внешнего, а, как показалось, внутреннего, превратившего тело в надутый воздухом шар...

Человек был виден как сквозь струящееся марево – размытый нечеткий силуэт в ореоле свечения. Потом он перестал дрожать и расплываться, и Ратибор криво улыбнулся.

– Опять вы? Бред!

– Ни то ни другое, – невозмутимо ответил «Грехов».

Ратибор отметил про себя, но не придавал значения, что, когда собеседник говорит, лицо его выступает четко и рельефно, зато другие части тела становятся зыбкими и расплывчатыми.

– Кто же вы? Еще один посол? – Берестов невольно рассмеялся, заметив, что не слышит собственного смеха.

– В какой-то мере посол. – Собеседник никак не реагировал на смех, оставаясь вежливым и корректным. – Хотя то, что вы видите, – фантом, фигура для беседы. У меня мало времени, спрашивайте.

Ратибор вдруг вспомнил предыдущую ситуацию, и в сознании включился колокол тревоги.

– Вы серый призрак! Что случилось?! Мне показалось, что я налетел на скалу... или она на меня упала... до сих пор тело рыхлое!

– Вы слишком близко подошли к «нервному узлу» Конструктора, да еще в момент передачи «массивного нервного импульса». Я успел в последний момент.

– Что значит «массивного импульса»?

– Конструктор принадлежит к разумным системам с нулевой информационной энтропией, а эволюция подобных систем определяется уже не электромагнитными взаимодействиями, а гравитационными и даже совершенно экзотическими «суперструнными». Поэтому информпотоки внутри Конструктора энергетически мощны, «массивны», как говорят ваши ученые.

– И масконы, то есть нервные узлы, перераспределяют эти потоки?

– Вы неплохо схватываете суть даже в сумеречном состоянии.

– Да, признаюсь, чувствую я себя скверно... однако это не главное, я, кажется, нашел способ выполнить свою миссию посла. Помогите мне... или посоветуйте, как избежать энергоудара вблизи маскона, я попытаюсь передать в узел всю записанную специально для Конструктора информацию. Может быть, он сможет воспринять хотя бы часть ее, это очень важно...

– Я в курсе ваших проблем. Конструктор же давно впитал все, что вы хотели сообщить, я имею в виду вас и К-мигранта, так что можете считать свою задачу выполненной. Единственное, на что я не могу дать ответ, – как и когда прореагирует Конструктор на эту информацию. Вы даже не представляете, насколько вы, люди, правы, назвав его бесконечно сложным объектом! Возвращайтесь.

– Как? – хотел спросить Ратибор, но голос сел.

«Грехов» внимательно взгляделся в него, хотя Берестов так и не разобрался – видит ли собеседника по видеоканалу рубки или изображение передается ему прямо в мозг, минуя глаза.

– Пожалуй, для вас это действительно проблема. И честно говоря, вы меня приятно удивили: далеко не каждый человек способен работать за пределами человеческой выносливости, по крайней мере я знаю всего одного такого индивида – Габриэля Грехова.

– И я его знаю. Но вы ошибаетесь, многие мои товарищи способны работать в zapределье, выполняя свой долг. Извините, но мне почему-то кажется, будто мы с вами уже встречались недавно... разговаривали...

– Вы говорили не со мной, а, очевидно, с одним из своих пси-отражений в одной из интеллект-ячеек Конструктора... собратьев которого вы совершенно напрасно называли Звездными Конструкторами: они не создавали ни звезд, ни галактик, они сделали только одну вещь – четырехмерный континуум, рассчитав эволюцию нашего галактического домена с точностью до нейтринного порога. Но и они всего предвидеть не смогли, в том числе и появления человека на заурядной пылинке материи под названием Земля. До встречи, опер.

– Погодите! – не сразу отреагировал Ратибор, с усилием переваривая услышанное. – Чего они не предвидели?

Но было уже поздно.

Дорога к дому

Железовский проснулся от предчувствия, что он не один в комнате. Полежал с закрытыми глазами, чувствуя пространство квартиры, как свою кожу, но никого не увидел и не услышал. Подумал: нервы? Или проспал чей-то пси-вызов?

Встал, сделал несколько глотков травяного настоя, снова обнял всеми девятью органами чувств комнату и весь дом. Никого... Попробовал послать пси-импульс Забаве, но вспомнил, что она не на Земле, лишь когда не получил ответного нервного толчка. Собрался лечь снова, и в этот момент приглушенно зазвонил дверной автомат.

Сердце сделало сбой – еще мгновение назад за дверью никого не было! Аристарх бросил взгляд на квадрат черного стекла в стене – зеленые звезды, все в порядке, свои. Во всяком случае, не К-мигрант. Скомандовал мысленно двери открыться.

В прихожую вошел Грехов, одетый в необычный серый с зеркальными блестками комбинезон, остановился в проеме двери в гостиную, разглядывая хозяина, стоявшего в одних плавках. Железовский шевельнулся, и мышцы тела ожили на мгновение, подчеркнув чудовищный мускульный рельеф комиссара.

– Проходите, – пригласил Аристарх.

– Извините, что разбудил. – Грехов шагнул вперед, протягивая руку. – Рад видеть вас живым и здоровым.

Ладони их встретились, напряглись, причем рука проконсула полностью утонула в громадной ладони комиссара. С минуту оба сжимали ладони и пытались прочесть мысли друг друга, однако пси-блок у обоих был непроницаем.

– А с виду вы довольно субтильны, – проворчал Железовский, отпуская руку гостя, посмотрел на свою ладонь. – Я жму пятьсот с лишним, это больше, чем может выдержать кокосовый орех.

– Знаю. – Грехов быстро оглядел спартанское убранство комнаты, остановил взгляд на полупроницаемой двери в спальню. – Так и думал, что не страхуетесь.

– Какой смысл? Конструктор уже вылез в наш континуум из своего БВ, и о его судьбе К-мигранты могут не беспокоиться. Я им не страшен.

– Ошибаетесь, комиссар. Конструктор продолжает идти в прежнем направлении, а это значит, что система безопасности вынуждена будет снова заниматься проблемой его остановки, что, в свою очередь, означает новую вспышку активности К-мигрантов. Мне ли вам напоминать, что они проповедники имморализма¹¹ и какие последствия из этого вытекают?

Помолчали, стоя друг против друга совершенно неподвижно. Потом Железовский надел халат, сел, жестом указал на кресло.

– Аристарх, вам уже почти сто. – Грехов, поколебавшись, сел тоже. – Не пора ли сменить ампулу?

Железовский ответил спустя несколько минут.

– Пора, но у меня нет преемника... в настоящее время. Был... один.

– Берестов?

– Как вы считаете, он вернется?

Теперь надолго замолчал Грехов.

– У него есть шанс... если он выдержит пси-давление Конструктора. Я не все вижу в будущем, некоторые детали размыты вероятностными процессами, поэтому иногда приходится перестраховываться. С вами тоже.

– Что имеется в виду?

– Уходите из отдела. Передайте дела кому-то из лучших кобр сектора или комиссару-один и уходите.

– Не могу. Не имею права. Доводить дело до конца придется мне, и вы это хорошо знаете. Был бы Берестов, я бы еще подумал.

– Тогда хотя бы будьте осторожнее в следующие три дня, просчитывайте каждый свой шаг, а лучше подстрахуйте себя по императиву «ланспасад».

Железовский молча, не мигая, смотрел на Грехова. Тот кивнул.

– Вы поняли.

– Благодарю за предупреждение, но я редко расслабляюсь. Один вопрос: почему мне надо быть осторожным именно в ближайшие три дня?

¹¹ Имморализм – отрицание всякой морали.

Гость вытянул вперед руку ладонью вниз, ладонь налилась розовым свечением, которое вдруг стало собираться в капли, падающие вниз, как настоящая кровь. Пахнуло озоном. Грехов перевернул ладонь, свечение погасло. Проконсул легко и гибко встал, словно перелился из положения «сидя» в положение «стоя».

– Потому что, по представлениям К-мигрантов, вы олицетворяете реализующую решения человечества силу... что не так уж и далеко от истины. Вы опасны и подлежите нейтрализации в первую очередь. А резервы К-мигрантов изучены мало. Это все, что я хотел сказать. Прощайте. – Вышел.

– Спасибо, – низко, почти в инфразвуке, сказал Железовский ему вслед. Посидел немного, потом выключил свет в гостиной и вытянул руку вперед жестом Грехова – кончики пальцев засветились изнутри: свет был мягким, розово-фиолетовым и пульсировал в такт работе сердца.

Прогноз эфналитиков, выданный после включения системы МАВР, оправдался почти на сто процентов по всем боковым ветвям «дерева прогноза» и по главному «стволу»: Конструктор не ответил ни на один запрос, вызов и запуск доброй сотни программ связи с ним, никак не отреагировал на волновое и аппаратное зондирование, а потом на движение способом кенгуру, с каждым прыжком преодолевая около двух световых лет. Двигался он в том же направлении, что и раньше – к Солнечной системе, и перед Советом безопасности снова встала во всей остроте проблема его остановки.

– Видимо, послы все-таки погибли при запуске чужанского генератора, – со вздохом проговорил председатель ВКС Хакан Рооб в беседе с Баренцем и Железовским, прибыв на спейсер погранслужбы «Перун». – В противном случае Берестов нашел бы способ известить нас о результате.

– Не уверен, – качнул седой головой Баренц. – Конструктор – дитя не нашего континуума, он пресapiенс, родичи его жили в эпоху, когда не было ни галактик, ни звезд, ни космического пространства, и законы, по которым он живет, это не наши физические законы, а законы К-физики, мы только приступили к их изучению. Вряд ли Берестову удастся пробиться наружу, к нам, из глубин Конструктора, если он... туда попал. И еще мы не знаем, с какой целью запустили своего посла чужане... плюс разрешили запустить К-мигранта.

– Как бы то ни было, предстоит решать, что делать, причем очень скоро.

– Все уже решено, – прогудел Железовский, одетый в кокос, превращавший его в металлическую статую атлета. – Нет смысла еще раз устраивать дискуссию на эту тему, альтернативы все равно нет. Т-конус готов к новому пуску, и если Конструктор не свернет с дороги...

– Да, – кивнул Баренц, подождав продолжения. – По-видимому, это единственное правильное решение, жесткое, чудовищное, но верное. И кто знает, может быть, Конструктору и не повредит нестандартный бросок по «струне», может, он уцелеет.

– Забава Боянова требует включения «экстремума», – сказал Хакан Рооб, морща пергамент лица. – СЭКОН принял решение подготовить общественное мнение на тот случай, если Т-конус не справится с Конструктором.

– Тогда экстремобилизация станет реальностью.

– Вы не представляете, о чем говорите, – проговорил Железовский тяжело. – Включение «экстремума» потребует разрушения базы цивилизаций! Допустим, мы уйдем из Системы, успеем переселиться, уж не знаю, какой ценой, ну а если Конструктор остановится сам?! То есть не столкнется с Солнцем, минует его? Что тогда? Откуда мы знаем, что ему нужно, почему он так упорно целит в Солнце? И знаете, что меня смущает больше всего?

– Что он, возможно, травмирован, находится «без сознания», так сказать, поэтому и не отвечает на сигналы.

– И это тоже, но в первую очередь меня смущает поведение Габриэля Грехова. Он знает, что будет, и уверен, что Т-конус не понадобится... да и экстрамобилизация тоже.

– Да, Грехов персона таинственная, – улыбнулся одними губами Хакан Рооб. – Ходят слухи, что он тоже преследует свои цели, каким-то образом связанные с Конструктором, и я не удивлюсь, если это окажется правдой. Вот бы вашему отделу проверить.

– Отдел безопасности не занимается слухами, – угрюмо пробасил комиссар-два. – В действиях Грехова нет компромата. Что касается организации дальнейшей работы, то у меня нет вопросов, равно как и сомнений: если Конструктор не остановится, Т-конус должен быть включен. Секунда нон датур.

В каюте отдыха, где они разговаривали, вспыхнул вiom, из которого выглянул встревоженный Шадрин.

– Аристарх, зайдите в отсек двадцать три, есть новости.

– Извините. – Железовский кивнул и исчез, словно превратился в бесплотную тень, дверь пропустила его беззвучно.

Баренц и Рооб переглянулись.

– Ему тяжело, – сказал председатель ВКС, – но держится великолепно. Кто в секторе может его заменить в случае... э-э?

– Он готовил Берестова. Другой такой кандидатуры нет, хотя пара способных ребят найдется. Да и в наземном секторе у Юнусова есть надежные парни, и в погранслужбе.

– Всех их надо готовить, все-таки специфика работы в космосекторе иная, а мы с тобой уже не потянем. Как говорит старая пословица: беда и время щадят только Бога. Ну, что... – Рооб не договорил, в каюту заглянула Боянова, тонкая и стройная в своем неизменном белом комбинезоне. Она торопилась.

– Простите, патриархи, у вас тут был Аристарх, куда он ушел?

– В отсек двадцать три, – ответил Баренц. – Не хочешь... – Последнее слово повисло в воздухе, Боянова исчезла, как и Железовский до нее.

Баренц пожал плечами, собираясь продолжить разговор, но перед ними возник вдруг тот, о ком они говорили, – проконсул Габриэль Грехов собственной персоной.

– Где он?!

– Если Аристарх, то в двадцать третьем, а если... погодите! – Баренц взмахнул рукой, словно пытаясь удержать гостя, но тот уже пропал. – Что случилось?

Ответом был резкий двухтональный вопль сирены тревоги.

Двадцать третий отсек, располагавшийся рядом с отсеком метро, представлял собой походную мастерскую по срочному ремонту недублированного оборудования, в состав которой наряду с компьютером входил еще и бокс ручной подгонки с полным набором инструмента. На памяти Железовского еще ни разу этот отсек на спейсерах не был использован ни пограничниками, ни научными экспедициями, вполне хватало того потенциала, которым изначально обладали машины для преодоления пространства, несмотря на возникающие иногда аварийные ситуации и непредвиденные обстоятельства. Мастерская на «Перуне» также практически не открывалась за время эксплуатации спейсера, и Аристарх никогда не вспомнил бы о ее существовании, если бы не вызов бывшего зама Берестова, ставшего командиром обоймы риска.

Шадрин он увидел сразу, как только вошел, хотя света в отсеке не было: безопасник лежал ничком на полу у выходной потерны линии доставки, неловко подвернув руку. В следующее мгновение на голову комиссара обрушился жесткий парализующий удар пси-поля, и если бы он не обладал интуитивным видением и развитым чувством опасности, все закончилось бы печально, но защитные силы организма, мобилизованные интуицией, сработали безошибочно. Отразив удар, Железовский не раздумывая прыгнул к полукруглой двери одного из шкафов с инструментом, мгновенно включившись в ритм жизни, недоступный неинтрасенсу. Опасность была повсюду, она разлилась по отсеку, словно вода из прорвавшейся канализации,

ориентироваться пришлось уже в действии, на ощупь, и прошло целых полсекунды с момента его появления, когда наконец Аристарх определил, где находится противник.

В то место, где он только что стоял, с гулом ударил невидимый кулак гравитационного разряда.

– Браво, комиссар! – раздался отчетливый пси-голос. – Реакция у тебя превосходная, и тем не менее...

– Стойте! – ответил Железовский мысленно. – Вы слишком много говорите, в этом одна из причин ваших поражений. Посмотрите на мою руку.

– Вижу, это «универсал-101».

– Ошибаетесь, это полевой аннигилятор «шукра». Я пробью насквозь весь корабль... вместе с вами, разумеется. И реакция у меня не хуже. Уходите, пока не подспела обойма «ланспасад», ваша жизнь нам не нужна.

– Зато мне нужна твоя, комиссар, и задание должно быть выполнено.

– Слова, слова. Или стреляйте, или уходите, но успею выстрелить и я. Что вы сделали с ним? – Железовский кивнул на лежащего Шадрина.

– Он пока жив. А тебя, оказывается, наши аналитики недооценили и дали неполную информацию. И все же задание будет выполнено.

– Уничтожив меня, вы все равно ничего не добьетесь, просто на моем месте будет работать другой человек, и не исключено – более энергичный.

К-мигрант выстрелил, но за мгновение до выстрела Железовский переместился на несколько метров в сторону, не открывая огонь в ответ. Многотонный удар гравиразряда, сконцентрированный в невидимую «пулю» размером с голову человека, пришелся на стол, решетку и колонну манипулятора, сплющив и разгладив их в ровную дорожку.

– Идиоты! – выговорил Аристарх, продолжая двигаться бесшумно и быстро, резко меняя направление, высоту прыжков и положение тела; руки и лицо его в темноте засветились изнутри розовато-малиновым светом. – Неужели вам недостает элементарного интеллекта, чтобы сообразить – благородные цели не могут быть достигнуты негодными методами! Неужели опыт цивилизации, ее история ничего вам не подсказали, если вы продолжаете играть в старые детские игры с засадами, выстрелами из-за угла, планами завоевания плацдармов и прочей белибердой? Неужели еще не ясно, что мы как профессионалы в эти игры обучены играть специально, дабы ни у кого не возникло желания реставрировать прошлое?

Выстрел – с грохотом разлетелся купол вакуум-камеры. Еще один – рухнула крайняя стойка, поддерживающая монорельс над сборочным столом. Последний выстрел задел ложемент мастера и колонну инка, разлетевшуюся фонтаном ослепительных искр, а потом Железовский достал-таки стрелявшего и вырвал у него пистолет. Весь разговор и схватка длились не более полутора минут.

Противники застыли друг против друга, и только теперь Аристарх с опозданием определил, что перед ним не К-мигрант. В то же мгновение в отсеке вспыхнул свет, одев сторбившегося напротив комиссара «серого человека» в серебристый ореол, в потерну проскользнула Боянова, и в голове Железовского взорвался ее отчаянный пси-крик:

– Аристарх!

Он успел только прыгнуть – не группируясь, рефлекторно, не собрав силы и волю, просто чтобы не стоять на месте, успев лишь с сожалением подумать: поздно!

Выстрел, бесшумный и неяркий, раздался со стороны высунутой из стены мульды транспортера – К-мигрант прятался там, и на сей раз это был точный лазерный импульс, пронзивший плечо Железовского. Комиссар выстрелил в ответ, не целясь, еще в падении, и ему на краткий миг удалось дезориентировать нападавшего: штриховая очередь лазерных импульсов чуть в стороне, в то время как молния аннигилятора проделала в стене рядом с челюстями транспортера широкий огненный пролом. И в действие вмешались еще двое: Забава Боянова,

открывшая огонь из «универсала» в направлении неведомого врага, и Габриэль Грехов, сбивший ее с ног и тем самым спасший от новой очереди. Двигался проконсул так быстро, что даже Аристарх, успев сориентироваться и справиться с болью, с трудом улавливал па его странного танца – бега-атаки. Стрельбы Грехов не открывал, хотя и держал в руке пистолет.

Лазерные импульсы прекратились, мульта транспортера упряталась в стену, с шипением сработали замки грузовой капсулы, и автомат швырнул ее в трубу отправки. Взыла сирена тревоги, в отсек вбежали безопасники группы подстраховки, остановились. Грехов выбежал, едва не сбив с ног оперативника. Боянова, держась за шею, и Железовский, поддерживая руку, поднялись с пола, глядя друг на друга.

Грехов вернулся через минуту, кивнул командиру обоймы, спрятал пистолет, посмотрел по очереди на председателя СЭКОНа и на комиссара-два:

– Это был Мэтьюз Купер, он у них «штатный палач».

– Ушел? – спросил командир группы, озабоченно разглядывая дыру в стене. – Мы засекли его драккар по сетке непривязанных объектов, хотя он и знал код автоответа, но потом повторил дробь погранслужбы, и мы отвязались. Однако в драккаре его ждут.

– Вряд ли он собирался уходить тем же путем, – проворчал Железовский, из черного пятнышка на его плече появилась струйка крови.

– Он снова ушел через метро, – сказал Грехов. – Отсек рядом, и операция была подготовлена неплохо. Каким образом К-мигранты используют метро со стационарным выходом, не появляясь на подконтрольных станциях? Как им удается переориентировать выходы?

– Проблема пока не решена, – буркнул Железовский. – Но по ней уже работают коллективы ученых. Что с ним? – обратился он к оперативникам, осматривающим Шадрину.

– В шоке, но дышит.

– В клинику!

– И ты тоже, – подошла к нему Забава, прижалась к выпуклой груди, маленькая и хрупкая в сравнении с мощным торсом комиссара, похожая на девочку; повернулась лицом к Грехову: – Спасибо, Габриэль.

– Не за что, – ответил Грехов. – Но в другой раз я могу и не успеть. К-мигранты чертовски изобретательны, а главное, лишены человеческих слабостей, прошу это учитывать. С вашего позволения, я заберу этого монстра. – Он кивнул на застывшего «серого человека».

– Зачем он вам?

– Попробую кое-что выяснить. Айда за мной, террорист.

«Серый человек» выпрямился и, мягко ступая, послушно двинулся за проконсулом. Железовский, Боянова и молодые оперативники молча смотрели им вслед.

Конструктор достиг Т-конуса через три дня после описанных событий. За это время погранслужбе удалось напасть на тайную стоянку спейсера К-мигрантов в тысячекилометровой толще «мха» поверхностного слоя омеги Гиппарха, и тем пришлось убираться в открытый космос, подальше от цепи застав и погранпостов. Видимо, это обстоятельство и помешало им нанести прицельный и мощный удар по Т-конусу, хотя безопасники и пограничники и были готовы к нападению. Удар был нанесен, но лишь силами «серых людей», «пакмаки» которых были перехвачены еще на подступах к гигантскому сооружению.

Конструктор и теперь не имел определенной формы, непрерывно меняя очертания, в его гранулированной, многосложной, светящейся фигуре угадывались эллипсоиды, параболоиды, конусы, многогранники, иглы, плоские и винтовые поверхности, и все это текло, изменялось, прорастало друг в друга, создавая непередаваемо сложную картину, от которой кружилась голова и захватывало дух. Не укладывалось в голове, что перед тобой не просто сложнейшая физическая система размером со звездную семью, включающую десяток планет, но разумное существо, мыслящее категориями, далекими от всего, чем жило человечество.

Как сказал Савич, лидер исследователей, занимавшихся проблемой пресапиенса:

– Он намного сложнее человека! Все наше знание, которым мы так кичимся, составляет какую-то очень малую, миллионную долю его Знания. Перед нами действительно разумная галактика, история которой уходит в неподвластные нашему уму глубины вселенской истории. И давайте так к нему и относиться – с почтением и благоговением, ибо он не только старше человечества, он старше нашего метagalактического домена, который мы ничтоже сумняшеся горделиво называли Вселенной, хотя это всего-навсего пылинка в настоящем, постоянно бурлящем океане Метавселенной. Вряд ли он когда-нибудь заговорит с нами, живя по своим законам, и это, наверное, тоже придется признать аксиомой.

Никто с ученым не спорил, все мнения были уже высказаны, решение сформулировано, и теперь оставалось только ждать действий самого Конструктора. Затаив дыхание, тысячи очевидцев события наблюдали за его полетом в залах и рубках машин звездного флота, а миллиарды землян смотрели объемные передачи по каналам видео с самыми разными чувствами – от страха, негодования и возмущения до равнодушия и ненависти. Лишь одно чувство было общим – чувство тревоги.

Забава Боянова после нападения на Железовского не покидала борт спейсера «Перун», перенесла атрибутику своего рабочего места в каюту, и постоянно держала связь с секретарями СЭКОНа, работающими на Земле. От ее внимания не ускользнула ни одна мелочь в организации погранслужбой контроля важнейших участков работы и соблюдении норм экоэтики.

Момент выхода Конструктора в зоне действия Т-конуса совпал с появлением в зале спейсера Грехова и Анастасии Демидовой, и Боянова не могла не заметить, что оба волнуются, хотя и по-разному. И если волнение Насти было понятно, то чувство Грехова давало повод к размышлению.

Конструктор остановился всего в сотне километров от той незримой черты, которую наметили люди и за которой его ждала всасывающая воронка Т-конуса, величайшего из сооружений, когда-либо построенных землянами, готового сжать любой попавший в него объект в тончайшую «струну» и вышвырнуть его за пределы местного звездного скопления. Чудовищный реликт невообразимо далеких эпох, занимавший в последнее время все великие умы, ставший предметом поклонения разного рода мистических сект, источником новых религий, артефактом Третьего Великого Пришествия – по терминологии всеземной христианской церкви, замер перед хрупкой преградой, словно только сейчас очнулся от долгого мучительного сна.

Люди ждали.

Прошел час, второй – ничего не изменилось в пространстве, насыщенном, казалось, плотным излучением мук неизвестности, а потом, заставив всех вздрогнуть, во всех залах, рубках, каютах и в наушниках раздался спокойный бас Железовского:

– Отбой «полундре»! ЧП-вахте «бег трусцой». Остальным штатные режимы.

Люди в зале зашевелились, заговорили, возбуждение схлынуло не сразу, тем более что ситуация не разрядилась, ожидание не закончилось. Боянова подошла к стоявшей особняком паре: Настя держала Грехова под руку, и лицо у нее было застывшим и печальным.

– Извините, проконсул, вы всегда все знаете, ответьте на вопрос: почему Конструктор выбрал этот путь и следует по нему со слепым упрямством носорога?

Грехов покосился на девушку, по обыкновению помолчал.

– А вы еще не догадались?

Боянова внешне спокойно встретила взгляд проконсула.

– Нет.

– Это его дорога к дому, Забава, только и всего. Самая короткая дорога к дому.

– Что?! – прошептала председатель СЭКОНа. – Как вы сказали? Дорога к... дому?

Взгляд Грехова смягчился, наполнился странным мокрым блеском, словно Габриэль собирался заплакать, и еще в глубине его глаз проступила на миг такая тоска, что у Забавы перехватило дыхание.

– Он родился в Системе, Забава, на Марсе, а кроме того, в его генетическую память вошла память всех проглоченных им людей, понимаете? Со всеми вытекающими последствиями.

– Вы хотите сказать, что Конструктор... обладает теперь какими-то человеческими чертами? Почему же он в таком случае, признавая нас в качестве «крестных», не спешит вступить с нами в контакт?

– Я уже говорил и могу повторить: сей чудовищный монстр, способный погасить звезду и не заметить этого, – личность, хотя и не в человеческом понимании этого слова, но он гораздо сложнее всех тех прокрустовых рамок и определений, в которые вы пытаетесь его загнать. До сих пор человек, воспитанный на антропном принципе, убежден в том, что он – венец эволюции. Да не так это, существуют формы движения материи гораздо более сложные, на порядок-два выше человеческого разума, и вам рано или поздно придется принять это как данность, не зависимую ни от каких капризов логики. Не знаю даже, можно ли употреблять к такому существу термин «разумное», да и само слово «существо». Конструктор – наглядное доказательство нашей ограниченности. Надеюсь, он все-таки заставит всех нас пересмотреть уютные, веками слагавшиеся стереотипы на жизнь вообще и на роль человека во Вселенной в частности. Я ответил на ваш вопрос? До свидания, коллеги, до встречи на Плутоне.

Грехов кинул последний взгляд на обзорный виом, показывающий мерцающее, струящееся тело Конструктора, и вышел в сопровождении молчаливой Анастасии Демидовой. Разговор Забавы и Габриэля слышали только Демин, Баренц и Железовский, остальные, присутствующие в зале, разбившись на группки, обсуждали ситуацию.

– Я его не поняла. – Забава Боянова зябко повела плечами, подойдя к Железовскому вплотную. – В его рассуждениях есть какой-то логический... Впрочем, не логический, а скорее психологический прокол, какое-то несоответствие этике, эдакое пренебрежение свыше, принижение человеческого интеллекта и его нравственных принципов... – Она снова поежилась. – И в то же время в его словах есть надежда, если не на Конструктора, то на самих нас... а с другой стороны, страшно, если Грехов прав и Конструктор ищет дорогу к дому, к той колыбели, из которой вышел. Ведь в этом случае нам снова придется решать вопрос защиты отечества, потому что любое его проявление «чувств» вблизи Солнца будет сродни всепланетной катастрофе. Окажутся ли доступными его сверхвниманию призывы не уничтожать наш дом?

– Успокойся, – мысленно ответил женщине Аристарх.

– Не могу, меня всю трясет. Если уж между нами и К-мигрантами объявилось столько различий, то сколько их между человеком и Конструктором, между его моралью и нашей? Насколько окажутся далеки друг от друга оценки поступков и шкалы ценностных ориентаций? И во что это выльется?

– Ты не учиываешь один фактор: Конструкторы – не просто предтечи, они в какой-то мере строители нашего мира и невольные, может быть, но родители человечества, а посему изначально не враждебны нам. Мы найдем способ договориться.

Забава улыбнулась.

– Во всяком случае, попытаемся. Хотя я буду настаивать на экстремобилизации.

– Мне почему-то кажется, что Грехов поможет нам. Как-никак он мой крестный.

– А я все равно его боюсь и ничего не могу с собой поделать. В нем сокрыта бездна, по сравнению с которой мой внутренний мир – просто мелкое озерцо.

Железовский погладил спину женщины ладонью, и в это мгновение Конструктор исчез. Сначала все подумали, что по какой-то причине пропало изображение, передаваемое видеокамерами многих десятков зондов и аппаратов, но голос координирующего компьютера развеял недоумение:

– Конструктора не наблюдаю! В зоне его нахождения отмечаю колебания полей и гравитационные вихри, которые обычно сопутствуют ударным выделениям энергии в результате «нечистого» перехода на «струну».

По залу разлилась изумленная тишина, подчеркиваемая тихим зуммером какого-то автомата, взгляды присутствующих скрестились на фигуре Железовского.

– Где же его теперь искать? – растерянно спросил кто-то.

– «Полундра» службам в Системе! – объявил Железовский, отстраняя Забаву, оглянулся на остальных. – Где искать? Возле Солнца, вернее, возле Плутона или за его орбитой... если верить Грехову. ДД?

– Здесь, – шагнул из толпы Демин.

– Т-конус в этой точке пространства не нужен, сворачивайте комплекс. Исследовательскому флоту – старт к Земле, там решим, когда, что и как надлежит изучать. Флоту СПАС-службы...

– Внимание! – перебил комиссара инк. – В районе исчезновения Конструктора обнаружен плохо наблюдаемый объект в форме белесого шара массой около двухсот тысяч тонн.

– Что значит – плохо наблюдаемый? – быстро спросил Демин, переглядываясь с Железовским.

– Объект мерцает и почти не лоцируется, то есть отражает излучение радаров как разреженное облако дыма.

– С массой в двести тысяч тонн?

– Я сообщил показания экспресс-анализаторов... минуто!

– Что случилось? Дайте прямую связь с наблюдателями.

Голос в наушниках раций изменился:

– Я «пакмак»-два. Он разделился... нет, исчез... нет, на его месте что-то осталось... небольшой предмет... метра четыре в поперечнике...

– Что вы мямлите? Дайте картинку!

– Плохо вижу сам, вы не увидите совсем. Это небольшой обломок скалы в форме тетраэдра... Господи! Это «голем»!

Боянова вцепилась в руку комиссара.

– Аристарх!..

– Захватите его и доставьте на спейсер... со всеми предосторожностями. – Железовский накрыл ладонь Забавы своей. – Ты думаешь?...

– Это Берестов!

– А мерцающий шар?

– Неужели сам не догадался? Это мог быть только серый призрак.

О том, что Конструктор миновал ловушку Т-конуса, по «струне» ушел к Солнечной системе и остановился за орбитой Плутона (остановился – то есть стал двигаться со скоростью Солнца в пространстве), Анастасия узнала только на второй день после своего возвращения из района расположения Т-конуса, и не от Грехова, а от Егора. Сбежав от всех, в том числе и от Габриэля, никого не желая видеть, она заявила в дом бабушки, расположенный под Рязанью в старинном русском селе Милославское, чем повергла ту в изумление и вызвала радостные охи и причитания, в свою очередь вызвавшие ответную реакцию. Женщины наплакались, насмотрелись друг на друга, наговорились вдосталь (нагомонились, так говорила баба Фруза), провели вечер в воспоминаниях и разглядывании фотоальбомов и долго не могли уснуть, вместе переживая впечатления от встречи, которые всколыхнули омут памяти. А рано утром, когда Насте приснился чудесный сон, будто она идет на лыжах по сказочно красивому зимнему лесу, в доме появился Егор Малыгин, учитель, «шаман первого сука».

Настя проснулась еще до того, как сухая и теплая ладонь бабы Фрузы коснулась ее волос, но сообразила не сразу, чего от нее хотят.

– Какой шаман? – недовольно спросила она, прячась под одеяло.

– Говорит, «первого сука», – зашептала бабушка. – Но человек хороший, добрый.

Сон с Насти как рукой сняло, и, прыгнув с кровати, прямо в ночной рубашке, она выбежала из спальни в прихожую, где с невозмутимым видом подпирал потолок Егор Малыгин. С разбегу чмокнула его в щеку и вдруг отступила, побледнев.

– Ты... что?...

– А ничего, – певуче ответил Малыгин. – Однако холодно на дворе, хозяйка, чайку бы не мешало, с малиной.

Настя оглянулась на бабу Фрузу, с любопытством поглядывающую на обоих, прижала руки к груди.

– Бабуля, поставь чай, пожалуйста, это мой друг.

– Не вижу, что ли? Раненько появился, и дня не выдержал. – Баба Фруза засеменила на кухню, сухонькая, беленькая, светящаяся насквозь, улыбающаяся так, что лучики морщинок превратили ее лицо в старинную икону.

Настя фыркнула, спохватилась, что стоит в рубашке, и умчалась в спальню, ткнув рукой в сторону гостиной:

– Иди в горницу, гость ранний. – Она уже успела воспринять общий эмоциональный фон Егора и поняла, что вести, которые он принес, если и не добрые, то и не злые.

В гостиной, устланной старинными коврами и увешанной расшитыми вручную полотенцами (дому было лет триста с гаком, но он стоял, свято храня традиции русского быта), она появилась в таком же старинном халате с золотыми петухами и цветочным орнаментом.

– Я тут маленько заблукнул, – сказал гость, пряча улыбку в глазах. – Добрался до площади, пошел наобум, залез в болотце, думал – каюк, не выберусь.

Настя снова фыркнула.

– У нас тут отродясь болот не водилось.

– Да? Значит, это было в другом месте. Но если бы не болото, я бы еще раньше пришел.

– А пять часов утра – не рано. – Удивительное дело, но Настя чувствовала себя так, будто знала этого человека всю жизнь, и говорила с ним, как с другом детства, а не как со знакомым, которого видела всего второй раз в жизни.

– Не надо сказки рассказывать, что ты просто шел мимо и завернул на огонек. Что случилось, Егорша?

– А хорошо тут у вас. – Гость вдруг зевнул, сумев, однако, прикрыть рот ладонью. – Я, честно говоря, тоже спать хочу, поднялся ни свет ни заря. У нас, правда, уже давно полдень миновал. Не думал, что под Рязанью такие морозы стоят.

Настя только сейчас обратила внимание, что одет Малыгин почти по-летнему, в белую спортивную майку и лыжные брюки, хотя на дворе стоял январь. Тревога снова овладела девушкой, ее не развеяло даже появление бабы Фрузы с чаем. Но Егор умел разбираться в чувствах собеседницы.

– Две новости, – сказал он, с удовольствием отправляя в рот ложку малинового варенья и запивая его глотком чая из блюдца. – Первая: Конструктор ушел из Гиппарха и торчит со вчерашнего дня за орбитой Плутона. – Он сделал еще глоток.

– Правда?! – растерялась Настя, едва не выронив чашку.

– Вторая новость. – Егор был невозмутим. – Пограничники поймали в том месте, где находился Конструктор, нашу машинку для работы в жутких условиях, «голем»...

Видимо, она на какое-то время потеряла способность дышать, видеть и слышать, а когда очнулась – Егор уже поднимал с пола выпавшую из ее ослабевших пальцев пустую чашку. Налил чаю, заставил ее сделать несколько глотков, снова сел.

– А еще интрасенс называется...

Настя молчала, глядя на него огромными бездонными глазами. Потом прошептала сухими губами:

– Говори!..

– Там внутри никого, – негромко сказал Малыгин. – Но это «голем» Ратибора. Безопасники пытаются спасти память инка, пока результатов нет. Куда девался сам Ратибор – неизвестно.

Настя прерывисто вздохнула, расслабилась, закрыла глаза, губы ее сложились в горькую улыбку.

– Габриэль прав, чудес не бывает.

– Ну, лично для меня эта философия не годится. – Егор допил чай, поклонился выглянувшей бабе Фрузе. – Примите низкий поклон за гостеприимство, это не чай, а истинное чудо! Как и варенье. Спасибо вам.

Бабушка снова засветилась улыбкой.

– За что ж спасибо, мил человек? Чай – это еще не гостеприимство. Заходи почаще да пораньше. Мы люди простые, деревенские, чем богаты, тем и рады.

– Не надо, бабуля, – снова улыбнулась – через силу – Настя. – Он действительно шаман и все про нас знает.

– И про то знаю, что деревня на Руси не умерла только благодаря таким, как вы. – Малыгин прижал руку к сердцу. – И что люди корни свои знают, прошлое не забывают благодаря таким, как вы. И что доброта на Земле сохранилась только благодаря таким людям, как вы. Вот за это и спасибо. – Он встал. – Ну, я пошел?

Настя проводила его до двери.

– Заходи, когда сможешь, я тут поживу немного.

– Я так и подумал, а потому поговорил кое с кем, тебе позвонят, если что-нибудь выяснится. Но вот что любопытно: «голем»-то этот оставил – кто бы ты думала? Серый призрак. С чего бы это, а? И зачем ему спасать машину без пассажира? – Егор кивнул и, поцеловав Насте руку, вышел, а та осталась стоять на ослабевших ногах, прислушиваясь к усиливающемуся тонкому звону в голове и вспоминая слова из старинного романа «Аэлита»: «Где ты, где ты, сын неба?...»

Где ты, Ратибор? Где твоя дорога к дому?...

Отцы и дети

Железовский усадил Анастасию возле мини-бассейна, заросшего кувшинками, и уселся сам, обратив к ней обветренное, с ощутимо твердым рельефом лицо. Вся его фигура дышала уверенностью в своих силах, непоколебимым спокойствием и надежностью, и девушка немного успокоилась, мимолетно отметив на волосах комиссара налет седины, которого раньше не замечала.

Им не надо было прятаться за слова или искать в интонациях оттенки смысла, оба знали свои интрасенсорные возможности, и поэтому разговор начался в пси-диапазоне.

– У меня всего несколько минут, – сказал Железовский, помня предупреждение Забавы насчет состояния девушки.

– Этого достаточно. Как ваше плечо?

– Спасибо, нормально.

– Я хочу работать с вами, надоело хныкать да искать одиночества.

– Вряд ли это возможно... во всяком случае, в данный момент.

– Я могу работать по МАВРу.

– Штаты МАВРа, увы, заполнены. К тому же СЭЖОН запретил нам привлекать непрофессионалов к работе в условиях тревоги.

- Тогда я попрошусь к пограничникам.
- Слабая улыбка тронула губы комиссара.
- Похоже, права старая пословица: сила желания пропорциональна строгости запрета¹².
- На щеки Анастасии легла легкая краска.
- Но я могу принести пользу...
- Хорошо, я подумаю.
- Мне известно, что найдена... капсула «голема», пустая... а Берестов? Где он? Есть что-нибудь новое?
- Инк «голема» кристаллически мертв, это просто металло-керамический конгломерат с разрушенными блоками памяти, специалисты почти ничего не смогли из него выудить. – Железовский некоторое время молча размышлял. – Единственное, что известно достоверно, – Ратибор не погиб после «выстрела» чужанского генератора пробоя, он проник внутрь Конструктора и некоторое время находился в нем.
- Говорят, что капсулу «голема» оставил серый призрак...
- У вас вполне объективная информация.
- Не иронизируйте, Аристарх, я хотела сказать, что серый призрак не стал бы без причин оставлять машину без экипажа. Век назад, когда наши исследователи обнаружили Тартар, серые призраки лишь трижды контактировали с людьми, и в каждом конкретном случае они вмешивались в ситуацию, безусловно угрожающую жизни людей. Габриэль может подтвердить.
- В общем-то, я и это знаю. Допустимы три варианта: первый – Берестов погиб, второй – остался внутри Конструктора... что также равносильно гибели, и третий...
- Анастасия прерывисто вздохнула.
- И третий – его забрал серый призрак, – закончил Железовский. – Дальнейшая судьба его неизвестна. Что касается Грехова... вы знаете, где он?
- Нет. С ним тоже что-то?!
- Боже сохрани, что может случиться с экзосенсом вообще и с таким, как проконсул, в частности? Он сейчас накручивает витки вокруг Конструктора. Один. Вернее, в компании с роидом. Он не говорил вам, что собирается делать?
- Он никогда ничего не говорит сам, только если его спросить, вы же знаете. Но я могу догадываться...
- Можете или догадываетесь?
- Снова иронизируете? – рассердилась Анастасия и получила в ответ образ: призрак Железовского на коленях с виновато опущенной головой и прижатыми к груди руками.
- Больше не буду.
- Габриэль, наверное, хочет... встретиться с серыми призраками. Он уже дважды встречался с ними, то есть они дважды спасали его.
- Понял, спасибо. Вы прояснили ситуацию. Только хочу дать совет: не спешите делать глупости. Я имею в виду, что в Системе введен в действие режим ГО, и передвижение в ее пределах всем транспортным средствам без особого разрешения запрещено.
- Режим ГО?! – поразилась Настя. – Это же... прошло столько лет, а термин не забыт?
- Да, прошло уже изрядно времени с тех пор, когда люди знали, что такое «гражданская оборона». Увы, пришла пора реставрировать не только термин, но и его смысл. Вчера по всем видеоканалам было передано сообщение о появлении Конструктора и заявление правительства Земли о соблюдении мер предосторожности и безопасности. Вы не слышали?
- К сожалению.
- Железовский встал, за ним Анастасия.

¹² Бертран Рассел.

– Прошу прощения, мне надо идти. Желаю добрых вестей. – Комиссар оказался вдруг рядом с ней, легонько сжал плечо, лицо его уже не казалось каменным. – Я вас найду.

– Спасибо, – прошептала девушка ему вслед.

Баренц ждал Железовского в его кабинете и начал пси-разговор в ускоренном темпе:

– Наконец-то! Я ищу по всему управлению. Что с плечом?

– Без последствий.

– Резерв или УРТ?¹³

– Я сам с усам. Ты для этого меня искал?

– До заседания совета два часа, а мы не обладаем полной информацией о расстановке сил. В Системе полно чужан и серых призраков...

– Ни те ни другие опасности для нас не представляют. Пусть они и не сторонники диалога, в полном отсутствии этики территориальных отношений их упрекнуть нельзя, дальше орбиты Нептуна они не заходят.

– А К-мигранты? Вы определили, под кого они маскируются?

Железовский сел и, не теряя нити разговора, пробежал глазами панель стола с ползущими в глубине строками важнейших бланк-сообщений; если информация его заинтересовывала, комиссар ставил над строкой мысленную точку и получал развернутое инком отдела сообщение.

– Пока не определили. Ты же знаешь, поведение К-мигрантов не алгоритмируется, не поддается никакому логическому и абстрактному анализу. В силу интеллектуальных и энергетических возможностей они должны были бы абсолютно точно просчитывать целесообразность и результативность терактов и прекратить эту свою «повстанческую» деятельность, а коль этого не произошло, значит, мы не все о них знаем.

– Согласен, их поведение, неадекватное реальному положению вещей, сбивает с толку, но учти, в большом совете многие задаются вопросами – почему все это не тревожит безопасность?

– Знакомые голоса, полюс перестраховщиков.

– Есть и прямо противоположные мнения.

– Этих «гуманистов» я тоже знаю – «Общество по спасению Конструктора». Никто из них не видит, как он стучится в дверь? Ты, конечно, уже знаешь о том, что идет накопление траекторных возмущений внешних планет, так вот, если дело пойдет так и дальше, в Системе скоро начнутся необратимые изменения. Выдвигать тезис «спасения Конструктора» в данной ситуации все равно, что в падающем от столкновения с орлом летательном аппарате кричать «спасем птицу!».

– Это ты объяснишь совету. Чего еще я не знаю?

– Психологи разрабатывают гипотезу, что Конструктор, когда уходил, не смог или не захотел воспроизвести в копиях людей все запасы приобретенной ими информации, в том числе и социально воспитанные.

– Ты хочешь сказать, что К-мигранты психически неполноценны, несмотря на высокие интеллектуальные показатели? Что это нам даст?

– Не знаю. Может быть, ничего. Мы все равно не имеем права уничтожать их при выявлении без предупреждения, хотя Грехов и советовал. И все же проблема К-мигрантов не главная, мы в конце концов вычислим их, ребята работают, и есть результаты: скорее всего К-мигранты маскируются под чужан, копируя технику и облик самих роидов. Что будем делать с Конструктором? Забава не настаивает на его уничтожении, но если мы примем решение оставить его в покое, вряд ли он оставит нас, и тогда волей-неволей придется или стрелять, или... убираться из Системы.

¹³ УРТ – сеанс ускоренной регенерации тканей.

– А ты уверен, что, во-первых, он не ответит на стрельбу и, во-вторых, она окажется эффективной?

– Нет, – ответил Железовский после паузы.

– И я нет. Так что же мы предложим совету?

– Это твоя забота, я исполнитель, и забот у меня хватает своих. Ты знаешь, что такое монополю?

– В рамках институтского курса. Это гипотетическая элементарная частица с одним магнитным полюсом. Никто их не наблюдал и вряд ли сможет наблюдать когда-либо, рождались они в эпоху инфляционного раздувания Вселенной и рассеялись по колоссальному пространству.

– Ученые думали так же до вчерашнего дня. Зафиксированы уже две струи монополей, а из того же курса физики ты должен бы знать, что монополи мгновенно разрушают протоны. Простенькая реакция, в результате от протона остается позитрон и мезоны, а монополю продолжает жить, ища «новую жертву». Представляешь, что будет, когда такая частица, так сказать, невидимый убийца вещества, выпадает на любую из планет?

Глаза мужчин встретились. Железовский кивнул.

– Вот именно, страшно. Хотя для меня самое страшное заключается в том, что мы до сих пор не нашли способа внушить Конструктору наши желания. Судя по его поведению, Берестов не дошел, не смог донести наши сообщения по назначению, и я теперь жалею, что вместо него не пошел Грехов. Впрочем, этот шанс остается, и дай Бог, чтобы он не оказался последним.

– Хох! – Оба разом вскинули вверх сжатые кулаки.

Спейсер погранслужбы «Клондайк» жил привычной жизнью пограничного корабля, ничем не отличающейся от жизни погранфлота в контролируемом землянами районе космоса, хотя объектом его внимания был на сей раз чудовищный пришелец из таких глубин Вселенной, что разум отказывался воспринимать чисто умозрительные космологические гипотезы, далекие от всяких реалий. Еще два спейсера несли службу непосредственно возле Конструктора, выполняя одновременно функции базовых «гиппо», то есть научно-исследовательских баз. Остальной флот человечества группировался возле обитаемых планет Системы, отрабатывая непривычные, режущие слух, вызывающие мрачные ассоциации времен Разделенного Мира команды по режиму ГО.

Благодаря четкой работе безопасников и оперативно подготовленным и переданным информслужбой сообщениям паники глобального масштаба не произошло, были отмечены лишь ее региональные рецидивы, подогретые, правда, «идеологами» всяческих обществ, как по «спасению Конструктора», так и по его «скорейшим похоронам», однако все почувствовали дыхание нависшей над миром опасности, психологическое давление которой создало атмосферу неуверенности и тревожного ожидания. Эра вселенского оптимизма кончилась, началась эра взвешивания слов и дел, решений и поступков, жизни и смерти.

В десантном зале спейсера «Клондайк» царила дежурная тишина, изредка нарушаемая короткими репликами командира, киберинтеллекта спейсера по имени Мартин и начальников смен и обойм погранвахты. Перед обзорным виомом в кокон-креслах оперативного управления десантом сидели двое, командор погранслужбы Ингвар Эрберг и Аристарх Железовский. На кресла сходились каналы оперативной компьютерной связи, информационного обеспечения и контроля вахт практически всей Солнечной системы, и не было ничего удивительного в том, что дежурную работу выполняли руководители столь высокого ранга – ситуация требовала исключительных мер, и цена принимаемых решений была исключительно высока. Если обстоятельства того требовали, в зале появлялся третий член качества ответственности, председатель ВКС и его заместители, либо председатель Совета безопасности, либо члены СЭКОНа.

В глубине обзорного виома застыла одна картина: плавно меняющая форму, зыбкая, хрупкая на вид, зернистая, текучая, как пламя костра, фигура Конструктора, добравшегося до орбиты Плутона и продолжавшего медленно двигаться под углом к плоскости эклиптики в глубь Солнечной системы, к Солнцу. В данный момент его скорость составляла всего двадцать шесть километров в секунду. Изображения с видеокамер других аппаратов передавались дежурным прямо в мозг в соответствии с задачами, которые они решали.

Заседание Совета безопасности, состоявшееся несколько часов назад и прошедшее в бурных дискуссиях, снова выявило неподготовленность человечества к решению проблем, подобных проблеме Конструктора, несмотря на опыт цивилизации и достижения культуры в целом: в дело вмешались нюансы психологии, скрытые в человеческом «я», которыми почти не занималась наука, и совет по сути превратился в разобленную, раздираемую противоречиями систему. Конкретные решения не были приняты ни по одному поднятому вопросу: что делать с Конструктором, как установить с ним связь, готовить ли удар по нему, вводить ли в Систему «экстремальную мобилизацию». В конце концов решили подготовить заседание более тщательно, определили составы комиссии по каждому вопросу и наметили сроки выполнения задач анализа и прогноза – трое суток, но никто не смог дать рекомендаций тревожным службам человечества – как им поступать в том или ином случае; руководителям этих служб можно было полагаться только на собственные силы, знания, опыт и мудрость.

– Запрос Савичу, – вызвал Железовский мысленно.

Через две секунды пришел ответ – Мартин выудил пси-голос ученого из каши тысяч сигналов и передач, пронзающих пространство в разных направлениях:

– Савич на связи.

– Что нового?

– Банк данных по К-проблеме пополняется, причем наиболее интересная информация поступает от групп, работающих с бывшими звездами омегой и ню Гиппарха. Например, установлено, что в районах этих сверхзвездных объектов физические константы не соответствуют законам нашего континуума. Для них квантиль, отвечающий заданному уровню вероятности, равен... – Савич умолк. – Прошу прощения, терминологическая абракадабра вам ни к чему.

– Можете дать конкретные рекомендации?

– Работаем в этом направлении.

– Медленно работаете. Канал БВ еще дышит?

– Это, по сути, уже не канал, а глюонная «струна», потихоньку рвущаяся на кварковые «капли». Пространство на всем протяжении БВ стабилизируется. Что касается самого Конструктора, то есть определенные позитивные сдвиги в его поведении. Могу сообщить его реакцию на некоторые из наших программ. Группа Мещерякова работает с музыкой в различных вариациях, и в ответ на одну из передач Конструктор выдал свою музыку – стохастическую, с характеристиками, доступными разве что композитору-гению.

– Не преувеличивайте.

– Ни капли! Знаете, с чем это можно сравнить? Как если бы в ответ на свист погонщика слона, пусть и художественный, слон вдруг ответил сложнейшей музыкальной фразой из произведения Скрябина.

– Вряд ли наша музыка, основанная средой, эмоциями, идеологией, индивидуальной психической культурой, вызывает у него переживания, – пришел чей-то пси-импульс. – Конструктор, конечно, может понять, что человеческие музыкальные шедевры выполнены с великим мастерством, но едва ли способен взволноваться настолько, чтобы ответить.

Савич засмеялся:

– Коллега Паволс? Похоже, выводы коллеги Мещерякова вызывают у вас не совсем положительные эмоции.

– Я уже имел честь спорить с Мещеряковым, но ученому надо быть последовательным и точным в терминологии, особенно по отношению к столь сложному объекту, как ваш Конструктор, иначе смысловая аберрация неизбежно ведет...

– Стоп! – сказал Железовский. – Теоретические споры – не на треке.

– Прошу прощения, – отозвался Мартин, – пропустил реплику при выключенном информмайзинге¹⁴.

– У вас все? – осведомился комиссар у Савича.

– Все, – ответил ксенолог. – И все же для иллюстрации разговора о музыкальном совершенстве прошу послушать отрывок передачи Конструктора.

– Давайте, – после паузы согласился Железовский.

Где-то далеко-далеко родились странные звуки, словно кто-то учился играть на скрипке, пианино и трубе одновременно. А потом в уши, в мозг, в тело хлынула цепенящая, таинственная, завораживающая и будоражащая одновременно неземная музыка. Она заполнила комиссара до краев, хлынула наружу – через глаза, слезами, затопила пространство и время, стерла границы между завтра и вчера. В ней звучали небывалая мука и сумасшедшая радость, смешиваемые в хрустальный водопад звуков. Железовский почувствовал, что погружается в музыкальную пучину все глубже и глубже, растворяясь в этом томяще-сладком хаосе, не желая сопротивляться, думать и чувствовать что-то еще...

Выключение передачи он воспринял как холодный душ.

– Ну как? – донесся голос Савича.

– Дьявольщина! – только и смог выговорить ошеломленный Железовский.

– Поэт сказал бы иначе. Вот послушайте:

В песне Мерлина – Судьбы
Потрясенное звучанье;
Клич воинственной трубы;
Тяжкий стон и задыханье
Рек, зажатых подо льдом;
Голос площадей ревуших;
Стук сердец и пушек гром;
Поступь воинов идущих;
И пустытника в глуши
Вопль о крепости души¹⁵.

– Похоже, он когда-то слышал нечто подобное, точнее и образнее сказать невозможно. Спасибо, вы заставили меня познакомиться с собственным «я». Но к делу. Чем еще, кроме орбитальных нарушений, грозит нам проникновение Конструктора в Систему?

– Не знаю, – помолчав, ответил ксенолог. – Вариантами прогнозов занимаются эфанастики. Сам Конструктор – система с очень высокой степенью утилизации отходов, почти как «черная дыра», его «след», в отличие от следа БВ, чист – ни радиации, ни каких-то шлаков, ни «мусора» он не оставляет...

– А монополи, кварковые «мешки», различные К-эффекты – не мусор, по-вашему? Савич не нашелся что ответить.

– Конец диалогу. – Железовский покосился на соседа, который слышал разговор.

– Хотел бы я знать, – сказал Эрберг, – что ему надо у Солнца? Если человеком движет желание постичь смысл чудес и явления, то что движет Конструктором? Ведь эта музыка...

¹⁴ Информайзинг – оптимизация поступления информации.

¹⁵ Ральф Уолдо Эмерсон.

сродни самой природе, стихии, Вселенной! Никогда в жизни не слышал ничего подобного, даже близко! Лед и пламя! Нет, не так: стон и смех... Впрочем, описать невозможно. Но ведь если на нас так действует его музыка, значит, что-то мы можем понять? Шанс взаимопонимания все-таки существует?

Железовский молчал, вслушиваясь в привычные шумы населенного космоса, отсеивая будничные переговоры пограничников и ученых. Громада Конструктора проплывала мимо торжественно и бесшумно, вспыхивая неяркими переливами свечения и гроздьями искр, будто на его тлеющей поверхности горели колоссальной протяженности леса...

– Пост-семь, – раздался голос командира одной из застав наблюдателей. – Появились роиды. Даю картинку.

Изображение в обзорном виоме не изменилось, но и Железовский, и Эрберг получили одинаковую пси-передачу: перед их глазами, чуть слева, появилась световая окружность, приблизилась раз и два, пока не заняла все поле видения, и в черном колодце передачи, перечеркнутом по центру крестом визира, всплыла цепочка светящихся зеленоватых пятен.

– Очередь из одиннадцати кораблей, – продолжал наблюдатель. – Размеры колеблются от двухсот метров до двух километров, скорость «очереди» – сто сорок четыре каэмс, направление – на «северное плечо». На вызовы – ноль внимания.

Эрберг и Железовский переглянулись.

– Психическая атака, что ли? – пробормотал командор погранслужбы. – Чего они хотят добиться? И ведь не впервые, разве что масштабы «атаки» раз от разу увеличиваются. Вчера «самоубийц» было семеро.

– Издали они напоминают мне скорее пиратские брандеры. Может быть, внутри Конструктора на роидов уже не действуют капсулирующие силы, гравитация, наши физические законы, и они раскрываются, выпуская «на волю» живущих в них существ?

– Пусть ими занимаются фридманологи и ксенопсихологи, у меня воображения поменьше, и голова болит совсем по другим поводам.

«Очередь» чужанских космолетов, похожих на чудовищных морских ежей, без труда преодолела десятитысячекилометровый слой вихревых полей, укутывающий тело Конструктора, и вошла, как нож в масло, в одну из колоссальных щелей, разделяющих отдельные гранулы. Одиннадцать фиолетовых вспышек отметили наблюдатели, одиннадцать нейтринных всплесков – и больше ничего. Конструктор словно не почувствовал столкновения, пребывая в состоянии дремы, а может быть, философской задумчивости.

– Где остальные? – спросил Железовский.

– Около двух тысяч роятся в кильватерной струе Конструктора, – доложил Мартин. – Небольшие скопления – по пять-семь-девять кораблей – описывают вокруг него ломаные траектории. Одиночки рыскают вокруг, иногда залетая за орбиту Урана. Причем, что самое интересное, как только это случается, моментально появляются серые призраки и сопровождают транспорты роидов до тех пор, пока те возвращаются обратно.

– Связи с призраками нет?

– Я бы сразу сообщил.

– Много их в Системе?

– Вряд ли серых призраков можно сосчитать, как чужан, они почти не лоцируются и ходят практически бесшумно, то есть без всяких вспышек, колебаний электромагнитных полей, нарушений метрики и прочих эффектов. Пока замечено семь призраков, да и то пять из них «мигают» – то появляются, то исчезают, и лишь один дежурит постоянно. Кстати, возле него крутится и «пакмак» СЭКОНа.

– Это машина Грехова.

– Хотел бы я знать, что ему нужно, – проворчал Эрберг вслух.

– Так спроси, – философски посоветовал Железовский так же вслух.

Командор погранслужбы хмыкнул.

– А сам что же не рискнешь? Или ты у него в долгу, как крестник, и не хочешь лишний раз напоминать о себе?

– Знаешь, при разговоре с ним меня не покидает ощущение, что он знает все! А у Забавы вообще развился комплекс неполноценности, в его присутствии она буквально ощетиливается, собирается в комок, словно ждет нападения... или в крайнем случае какого-то подвоха. Кстати, от подруги Грехова Анастасии Демидовой Забава слышала утверждение, что у него абсолютная память! То есть он помнит все прожитые моменты. Как тебе это нравится?

– Никак. Бедный проконсул! Хотя он вряд ли нуждается в сочувствии. Он хомозавр, а не человек, как и К-мигранты.

– Ну, это ты напрасно, просто у него ген резерва работает в полную силу, и, возможно, он человек больше, чем мы с тобой.

– «Пакмак» Грехова возвращается, – доложил Мартин. – Даю «зеленую улицу». Через полчаса будет на борту.

– Наверное, он подслушал наши мысли, – предположил Аристарх хладнокровно, поглядев на соседа.

Эрберг засмеялся:

– Это уже из области черной магии.

В течение получаса они вслушивались в переговоры подчиненных, изредка отвечая на прямые вопросы, вызывали нужных абонентов, передавали распоряжения и принимали поступающие сообщения, физически ощущая, как с каждой секундой колоссальное тело Конструктора углубляется в пространство Системы, приближаясь к Солнцу и к Земле. А потом на спейсер прибыл Грехов.

Проконсул вошел в зал в обычном своем одеянии – в черном с металлическими полосами на груди кокосе, остановился у кресла Железовского, глядя на светящиеся контуры многосложной фигуры Конструктора. Сказал вслух, не прибегая к пси-обмену:

– Ну и что решили уважаемые члены капитула¹⁶ насчет блудного Вседержителя?

– Вы о Конструкторе? – вежливо спросил Железовский.

– О нем, болезном.

– СЭЖОН предложил жесткую программу под названием «Предупреждение Титаника».

– Весьма недвусмысленное название. Подробности?

Комиссар отмолчался, и ответил Эрберг:

– Две сотни излучателей начинают работать синхронно, создавая на пути Конструктора плотный энергетический конус. Если это его не остановит, следующий щит будет из антиматерии. Последним в программе стоит квагма-заслон¹⁷.

Грехов прищурился. Ему не надо было объяснять, что такое квагма-заслон – возбуждение и усилие колебаний вакуума, сопровождающихся рождением «голых» кварков.

– Вы считаете, что эти ваши действия смогут остановить Конструктора?

– А вы считаете, не смогут? – осведомился Эрберг. – Ни одно материальное тело не способно выдержать кипение кварковой «пены». Уничтожить Конструктора мы, конечно, не сможем, но почувствовать боль заставим.

– Ясно. Рисковые ребята в СЭЖОНе, если строят свои прогнозы на энтимеме¹⁸, забывая, к чему приводят поспешные обобщения. Ведь уже все убедились, что Конструктор – не просто материальное тело и на него не распространяются законы физики. Он живет по своим законам.

¹⁶ Капитул – собрание рыцарского ордена.

¹⁷ Квагма – кварко-глюонная плазма; кварки – частицы, из которых состоят элементарные частицы: протон, нейтрон и др., глюоны – частицы, «склеивающие» кварки в обычные частицы.

¹⁸ Энтимема – сокращенное умозаключение.

Известно ли вам, что каждый физически реализуемый сигнал ограничен по мощности, в том числе и энергетический импульс типа «суперструнного» возбуждения вакуума? Так вот для уничтожения Конструктора необходим энергоимпульс бесконечной мощности!

– Чушь! – вырвалось у Эрберга, однако он тут же поправился. – Извините, но я математик, и ваше высказывание для меня – что красная тряпка для быка, чисто дилетантское заявление.

Грехов хмуро улыбнулся, ответил иронично-спокойным взглядом Железовскому, указал на пустующее кресло:

– Разрешите посидеть тут с вами? Не помешаю? Надо собраться с мыслями. Чего-то я не учитываю в своих экспериментах.

– А чем вы занимаетесь, если не секрет?

Грехов помолчал, заметил разрешающий кивок Железовского и сел в пустующее кресло.

– Хочу найти одного приятеля, спросить его о Берестове.

– А полномочия?

– Оставь, Ингвар, – мысленно одернул Эрберга комиссар. – У него карт-бланш Совета безопасности. Да и при чем тут полномочия?

В глазах Грехова промелькнула насмешливая искра; несмотря на отсутствие пси-рации, он услышал реплику, но заговорил о другом:

– Аристарх, я тоже сожалею, что не смог отговорить Берестова от визита, его миссия с самого начала была обречена на провал, ибо любой орган Конструктора – если воспользоваться земной терминологией – это область пространства огромной информационной емкости, и выдержать гигантское давление информации ни один человек не может... хотя у Берестова шанс был, все-таки в нем проклюнулся интрасенс.

– Что же вы не доказали этого еще тогда, до запуска послгов? – хмыкнул Эрберг.

– Мне не поверили бы. А времени на подробный футур-анализ у вас не было.

– Что правда, то правда, – кивнул Эрберг, замер. – Простите, я на связи.

Железовский выслушал сообщение о появлении еще одного пакета роидов в сопровождении серого призрака, глянул на Грехова:

– Зачем вам связь с призраками? Вряд ли только для выяснения судьбы Ратибора.

– Не только. – Проконсул заговорил не сразу. – Меня интересуют кое-какие философские аспекты бытия.

– Какие, если не секрет?

Грехов удивленно посмотрел на комиссара, потом понял и улыбнулся с какой-то глубоко затаенной жалостью, обращенной тем не менее не к Железовскому, а неизвестно к кому.

– И что есть разум? И что есть любовь? И что есть жизнь?

Железовский улыбнулся в ответ, он тоже читал «Листья травы» Уолта Уитмена.

В разговор то и дело вмешивались голоса дежурных, командиров погранпостов, оперативных групп, исследовательских отрядов, инков, управляющих всем непрерывно маневрирующим флотом и контролирующим сложнейшую систему взаимодействия включенных в работу коллективов, поэтому комиссар предложил Грехову надеть пси-радио, чтобы каждый раз не извиняться за молчание. Проконсул молча включил кресло и подсоединился к тревожному каналу компьютерной связи в тот момент, когда Мартин сообщил о появлении нового конвоя, как стали называть пограничники редкие группки роидов и серых призраков. Группы эти действительно напоминали конвои: впереди мчался призрак, за ним корабль чужан, и замыкал колонну еще один серый призрак, а то и два. Конвои обычно появлялись из глубин пространства и выходили в лоб Конструктору, словно шли на таран, а Конструктор после столкновения «включал прожектор» – из района падения корабля роидов вырастал толстый, диаметром в километр, луч света.

Посмотрев картину столкновения, выведенную на обзорный виом, и выслушав идеи ученых по этому поводу, руководители погранвахты снова обратили внимание на собеседника, который вдруг попросил координатора сообщать ему новости о перемещении серых призраков.

– Индекс ВП? – спросил Мартин.

– Сто¹⁹. – Грехов кинул беглый взгляд на Эрберга, недовольного решением коллеги. – Прошу прощения, я не слишком злоупотребляю машинным обеспечением? Не хотелось бы ссылаться на необходимость каждого шага.

Командор вспомнил о карт-бланше и проглотил готовые вырваться возражения, признавая в душе, что работать Грехов не мешал.

– Если бдение в кресле можно назвать работой, – меланхолически отозвался Железовский мысленно.

– Работа работе рознь, – возразил Эрберг. – Но мне лучше засыпать вулкан вручную, лопатой, чем сидеть на собственных нервах и дергаться от каждого шороха и скрипа.

– Стареешь, мастер, пора давать дорогу молодежи.

– На себя посмотри.

– Я и о себе говорю то же самое. Вернется Ратибор, уйду.

– Ты все еще веришь, что он вернется?

Железовский не ответил. Их разговор шел в личном диапазоне пси-связи, и Грехов его не слышал.

Эрберг вдруг оживился:

– Габриэль, это легенда или правда, что вы дважды попадали внутрь Конструктора?

– Правда, – ответил Грехов равнодушно.

– И можете с уверенностью утверждать, что он – прапредок всех форм жизни в Метагалактике? Честно говоря, поверить в это трудно. Я могу принять на веру, что Конструкторы могли творить звезды и галактики, но... возможно, мне не хватает воображения?

– Конструкторы не создавали собственно звезды и галактики, вообще звездные скопления, это ложное представление об их деятельности. Они приготовили базу для возникновения звезд – трехмерное пространство, свернув остальные девять измерений; как известно, Вселенная рождалась двенадцатимерной. Кроме того, они изменили и кое-что еще.

Эрберг хмыкнул, покосился на Железовского, ничем не выдавшего своего отношения к сказанному.

– Весьма интригующее заявление. Словно вы и в самом деле были свидетелем деятельности Конструкторов. Что же они изменили еще, кроме количества измерений?

– Не лезь ты к нему в душу, – посоветовал Железовский. – Никто не знает пределов его знаний, а ты, кстати, не фридманолог, чтобы поддерживать спор на профессиональном уровне.

– Я математик и космологию знаю достаточно, к тому же не люблю высокопарных заявлений.

– Напрасно вы иронизируете, – с необычной мягкостью сказал Грехов, разглядывая Эрберга умными, угрюмыми глазами. – Самое глубокое заблуждение – в философском смысле – люди сохранили еще с двадцатого века, сформулировав антропный принцип. Да, жизнь, в том числе и разумная, – уникальное явление во Вселенной, но это вовсе не значит, что природа «старалась» именно для человека, подгоняя свои законы под его условия существования. Вы действительно не фридманолог, иначе знали бы, что уже сейчас наукой накоплено достаточно данных, чтобы сделать вывод: закономерности эволюции и структура нашего метagalактического домена Вселенной таковы, что люди могут, но не должны существовать.

¹⁹ Высший балл по шкале ВП – важности и первоочередности; шкала разработана для компьютерного обеспечения человеческой деятельности в чрезвычайных обстоятельствах в связи с конечной – и недостаточно высокой – скоростью реакций человека.

Грехов помолчал, взгляд его был полон сочувствия, но не к этому конкретному человеку, а к человечеству вообще, Железовский почувствовал это.

– Что вы хотите сказать? – спросил озадаченный Эрберг. – Разве антропный принцип перестал работать? Разве условия, необходимые для существования сложных структур, подобных биологическим, не выглядят так, словно их специально «подгоняли» для возникновения носителя разума – человека?

Грехов покачал головой:

– Кто сказал, что разумная жизнь является высшей формой движения материи? В принципе разум – это изобретение природы, приводящее обычно вид, который им награжден, к эволюционному тупику, и Конструктор – живой свидетель этого постулата. За время скитаний в космосе, еще в форме споры, он не раз встречал обломки цивилизаций, и только человечество, выжив в борьбе с самим собой, составило исключение из правил.

– Это вам сказал сам Конструктор? – не удержался от сарказма командор погранслужбы.

– Да, – спокойно парировал Грехов. – Конструкторы и в самом деле подгоняли условия к осуществлению жизни в нашем уголке Вселенной, но не для человека. Мы – случайные их дети, как и другие разумные, кстати.

– Чужане? Серые призраки?

– Чужане – гости нашей Вселенной, пробившиеся к нам из какой-то другой. Я имел в виду существ, встречи с которыми еще впереди.

Эрберг фыркнул.

– Так спокойно и серьезно рассуждать об этом может только пророк или мистификатор.

– Так считайте меня пророком.

Эрберг не выдержал принятого тона и рассмеялся:

– Всякое читал, мнения философов слушал, но чтобы человек оказался ошибкой в эволюции – слышу впервые.

– Вы хорошо сформулировали: человек – ошибка эволюции. Сколько веков мы возводили в ранг абсолюта лозунг: все – для блага человека! – игнорируя стоны протестующей природы, и в результате подошли к глобальному экологическому кризису, едва не погубившему цивилизацию. Сколько лет мы игнорировали истину: первичный фактор эволюции – дискомфорт особи, комфорт ведет к застою и гибели вида! Что удержало человечество от гибели, какие факторы? Да элементарнейшие! Сначала стресс от сценария ядерной войны, а потом стресс от начавшейся цепной реакции гниения экологической ниши. Когда-то в моде были высказывания, что мир спасут красота и чувство юмора. Не спасли. Спасло человечество только глобальное осмысление последствий стрессовых ситуаций. Кстати, стрессы, подобные явлению Конструктора, тоже эволюционно необходимы человечеству, иначе оно вырождается. Оно и так оказалось глухим к доводам гуманизма, решив судьбу Конструктора. А ведь мы всегда кичились своей нравственностью, этикой, моралью. Чего же мы ждем от него, от нечеловека?

Эрберг, задумавшись, молчал.

Снова по всей громадной сети компьютерной связи, опутывающей Солнечную систему невидимой паутиной, прошел бестелесный сигнал-молния, результаты анализа обстановки интелматами службы пространства: «В Системе введен режим ГО. Все туристические маршруты закрыты. Транспортным службам вменено в обязанность координировать доставку грузов и пассажиров с погрансектором УАСС». Затем Мартин сообщил о задержании на базах Ганимеда и Тритона четырех любителей острых ощущений в возрасте от четырнадцати до двадцати лет и о появлении очередного конвоя. В тот же момент Грехов быстро выбрался из кокон-кресла.

– Кажется, это те, кто мне нужен. Прошу прощения за менторский тон, я и сам не люблю сентенций и нравоучений и на вашем месте отнесся бы к подобным разглагольствованиям с

таким же скептицизмом. Просто я волнуюсь... к собственному удивлению, и поэтому болтлив как никогда.

– Снова пойдете к «призракам»?

– Если не возражаете.

– Подстраховать?

– Спасибо, не надо.

Грехов ушел, стремительный и бесшумный как тень.

– Прошу обратить на «пакмак» проконсула особое внимание, – предупредил Железовский координатора. – Держать визуальный контакт непрерывно, обойме риска из резерва быть готовой к прыжку.

– Пошел контроль, – ответил Мартин.

– Ты записал, что он тут наговорил? – понизил голос Эрберг, будто Грехов мог его слышать; вытер платком вспотевший лоб.

– Записал.

– Дашь мне кассету, послушаю на досуге еще раз. Да-а, комиссар, не каждому удастся услышать откровения экзосенса. Оказывается, проблема отцов и детей гораздо старше человечества, а? Это что же, выходит, что у меня, кроме обычных, есть еще и дедушка Конструктор? – Эрберг хохотнул. – Прапрадедушка динозавров! Твой Грехов или сумасшедший, или действительно... пророк. Как ты думаешь, он всерьез говорил или шутил? Я плохо разбираюсь в его интонациях.

Железовский не ответил. Он тоже не очень хорошо разбирался в интонациях голоса и жестах Габриэля и размышлял над тем, к чему относилась горечь, с которой говорил Грехов.

– Дай-ка мне еще раз послушать супермузыку, – попросил он координатора. Однако Мартин не успел включить запись – громадное тело Конструктора вдруг шевельнулось – все целиком, будто для него не существовало законов инерции! Эфир вскипел криками наблюдателей и донесениями автоматов.

– Обеспечить тишину! – бросил Железовский.

Крики стихли, только посвисты автоматов, считывающих и передающих информацию целой армии датчиков, продолжали сверлить уши, потом пропали и они.

Конструктор шевельнулся еще раз, похожий на кита, выплывшего на мелководье, и на глазах тысяч изумленных людей разделился на две части. Одна из них превратилась в широкий, укутанный в синее призрачное пламя конус, а вторая перестала светиться и словно растворилась в ночи, исчезла из глаз.

Ничейная полоса

Багровая мгла сгустилась до плотности желе, последние звезды погасли, задавленные тьмой, исчезли и паутинки света, соединяющие звезды, все поглотил мрак, физически ощутимый, как вязкая засасывающая тряпина; стало трудно дышать...

Железовский подхватился с кровати, сделал движение к нише в стене, где лежал пистолет, сообразил, что сигнала тревоги не последовало, и только потом открыл глаза.

В комнате было темно, однако он ясно различал в стенах тепловые коммуникации – красивую сеточку алого свечения, электропитание – пульсирующие голубоватые прожилки, и более толстый рукав подвода энергии к пирамиде «домового» – розовато-сиреневато-желтый пучок. А на фоне фиолетовой гладкой плоскости дрожало еще одно пятно света – не то скелет человека, не то фантом «динго».

Комиссар сел на кровати, свесив ноги на пол, и попытался разглядеть видение, не прибегая к освещению спальни. Страху не было, только любопытство, ожидание какого-то сюрприза и ощущение, что в комнате плачет ребенок.

Призрак в углу комнаты усилил свечение, и одновременно Аристарх почувствовал, как чьи-то пальцы погладили его затылок, проникли под черепную коробку, тронули мозг! Более странного ощущения он еще не испытывал. Это не было похоже на пси-обмен, попытку пробить мысленный блок или подчинить волю с помощью внешней гипноиндукции, скорее кто-то пытался прочесть не мысли, а эмоции хозяина.

Вспыхнул свет – Железовский опомнился, внутренне собрался, приобретая способность к анализу ситуации, и успел заметить странную фигуру – не то глыбу ноздреватого известняка, не то кипу мха зеленовато-бурого цвета. Однако видение держалось всего долю секунды и растаяло, всхлипнув напоследок совершенно по-детски. Все непривычные ощущения исчезли, только одно не исчезло – слабый, но отчетливый запах свежескошенной травы.

Железовский нащупал клипс пси-рации и связался с дежурным залом, где коротали время дежурства Баренц и Кий-Коронат.

– У вас все в порядке?

– А тебе что, сон приснился плохой? – быстро спросил Баренц.

Комиссар помедлил, приняхиваясь, проговорил:

– У вас там в зале сеном не пахнет случайно?

– Значит, и ты видел? – проворчал Кий-Коронат.

– Галлюцинациями не страдаю, это физическое явление. Что заметил координатор?

– В том-то и дело, что ничего. Защита не нарушена, никаких полевых аномалий не отмечено, а мы получили уже девять сообщений о появлении «привидений».

– Ты десятый.

– Что они наблюдали?

– Кто что, в зависимости от фантазии и состояния. Юра Полевой, например, увидел стеклянный сосуд с жидкостью, Шохор женщину, хотя и весьма необычного вида, Новиков громадного хариуса... и так далее. А ты?

Железовский снова помедлил, потом лег.

– Разбирайтесь, я спать хочу. И опросите не только оперативную зону, но и всю Систему.

– Ты думаешь, это... он?

– Спросите у Грехова. – Аристарх отцепил рацию, повернулся на бок, подумал: неужели моей фантазии хватает только на глыбу известняка? И уснул, как в яму провалился, он был измучен.

Настя грезилась с открытыми глазами, не снимая с головы эмкан связи с компьютером, и, подчиняясь ее вольной мысли, виом послушно воспроизводил странные картины: море фиолетовых трав со столбами дыма, поле под дождем из молний, вулканический конус в процессе вспучивания, плюющийся мыльными пузырями, – и в каждой из картин сквозь фон проступало смутно мужское лицо с закрытыми глазами...

«Ратибор», – беззвучно прошептали губы девушки, и невидимая кисть фантом-преобразователя послушно начертала имя на склоне вулкана и в каждом «мыльном пузыре».

– Прекрати отвлекаться, – пробирался в мозг тихий, но сердитый пси-вызов Сахангирея, сидевшего в центральном «думательном» боксе лаборатории. – О чем задумалась? Еще раз уйдешь на параллели, сниму с программы.

– Снимай, – ответила Анастасия равнодушно.

И вдруг ей показалось, что кто-то смотрит в спину, внимательно, с настороженным любопытством, ожидающе... Она резко развернула кресло и увидела у двери в лабораторию светящееся облачко с более светлыми прожилками внутри. В голове словно повеяло свежим ветром, так что от холода свело кожу на затылке. Чья-то осторожная рука легонько сжала мозг и тут же отпустила, оставив ощущение глухой тоски и разочарования. Словно кто-то постучался в окно робко и, тут же испугавшись, отдернул руку, отпрянул и затаился. Пси-вызов, поняла Настя,

отгородившись от внешних пси-излучений стеной мыслеблока, пытаюсь понять, грезится ей световая вуаль или нет. «Кто здесь?» – позвала она мысленно.

Световое облачко вздрогнуло, как вода в луже от брошенного камня, засветилось ярче, сворачиваясь в фигуру человека с плывущим нечетким лицом, которая постепенно обрела плотность и цветовую насыщенность.

– Ратибор! – прошептала девушка непослушными губами, протянула руки навстречу человеку. – Ратиборушка мой!..

– Что ты сказала? – скрипнул, как ножом по стеклу, пси-голос Сахангирея. – Кто там с тобой?

В то же мгновение призрак Ратибора Берестова пропал, словно по мановению волшебной палочки, оставив слабый запах свежескошенного сена. Чувство невосполнимой утраты завладело Настей, так что на глазах навернулись слезы. Она попыталась вытереть их, чтобы убедиться – никого в лаборатории нет, а слезы все лились и лились, соленые, как кровь, и такие же горячие...

Заведующий лабораторией эфанализа Института внеземных культур почуял неладное и примчался через полминуты, но увидел только плачущую Анастасию: глаза ее были закрыты, лицо словно окаменело, а по мокрым дорожкам на щеках бежали прозрачные горошины, собирались у губ и срывались на пол...

– Кто у тебя был? – спросил озадаченный Сахангирей.

– Берестов, – по складам, почти неслышно прошептала девушка. – Уйди, пожалуйста, Коста, я сейчас... успокоюсь.

Сахангирей почесал в затылке.

– Ну и дела... Могу поклясться, что и я... чушь какая-то! Мы что же, оба сошли с ума, что ли?

Он с сомнением огляделся, еще раз посмотрел на Демидову, пожал плечами и вышел.

В лаборатории отчетливо прозвучал сигнал вызова личного видео. Настя вздрогнула, широко открыв глаза, скомандовала микроинтелмату браслета ответить на вызов, и над черным квадратиком виома выросло миниатюрное объемное изображение серьезного молодого человека с волосами черными, отливающими синью, как вороново крыло.

– Егор! – проглотила слезы Настя. – Это ты?

– А кто же еще? – кивнул учитель. – Не похож? Что это мы куксимся?

– Похоже, я дошла до ручки: показалось, что вошел Ратибор. Вот и разнюнилась. – Она шмыгнула носом. – Я слабая, да?

Егор покачал головой, сохраняя серьезный вид.

– Когда это случилось?

– Да только что. – Настя рассказала о появлении «призрака», заметно успокаиваясь.

– Ясно. – Егор потеревил мочку уха. – Что-то здесь не так. Две минуты назад я тоже видел странное привидение... похожее на Ратибора. И тоже перед этим думал о нем. Ты никому не рассказывала о происшедшем?

– Не-ет... – Настя вспомнила о Сахангирее. – Шеф прибежал... когда я плакала. Знаешь, он, по-моему, сказал что-то похожее на «мы оба сошли с ума». Может быть, и ему примстилось что-нибудь удивительное?

– Спасибо за информацию, Настена. Придется связаться кое с кем из профессионалов, это явно по их части. Звони, если что, и пореже уходи в бездейственный самоанализ, покой тебе вреден. Бальмонт в свое время писал: «Я знаю, что есть два бога: бог покоя и бог движения. Я люблю их обоих. Но я не долго медлю с первым. Я побывал с ним. Довольно. Я вижу быстрые блестящие глаза. Магнит моей души! Я слышу свист ветра. Я слышу пенье струн. Молот близ горнов. Раскаты мировой музыки». – Егор вдруг остановился и, помолчав, закон-

чил неожиданно: – Не вздумай только напроситься в команду Железовского, тебе там, за Плутоном, делать нечего. До связи.

Изображение свернулось в радужную нить света, втянулось в браслет.

– До связи, шаман, – вздохнула Настя, расслабляясь.

Забава Боянова стоя разговаривала с заместителем в парке на площади Славы, когда ЭТО произошло: рядом, за кустами роз, возник переливчатый метровый шар – мыльный пузырь, да и только! – стал расти и трансформироваться в подобие радужного конуса с волнующейся поверхностью. Одновременно с этим и Забава, и ее собеседник почувствовали беззвучный толчок по нервам – словно волна морская накатила на берег и схлынула, оставив на песке клочья пены.

«Пузырь» превратился в макет когта в одну десятую натуральной величины – два метра в высоту, два по периметру кормы – и повернул к людям «ухо» главной деформационной антенны. Снова на голову Забавы обрушилась «волна кипящей воды», просачиваясь в мозг, ища незаблокированные «щели» и «дыры». Реакция женщины была мгновенной, она всегда была максимально собранной, готовой ко всем неожиданностям, но ее ответный пси-выпад гнева и ярости пришелся на пустое место: «макет когта» исчез, будто выключили проектор, посеяв в душах людей сомнение в реальности виденного. Запахло травой.

Заместитель рассмеялся не очень искренне.

– Кто-то пошутил с «динго», а может, в парке работает автоматика развлечений. Мы с тобой разговаривали о возможностях погранслужбы, а координатор парка подслушал и выдал игровой фантом.

Забава зорко огляделась, отмечая, что некоторые из посетителей парка, видимые в просветы между деревьями и кустами, ведут себя возбужденно, и вызвала дежурного по отделу безопасности (рацию компьютерной связи она не снимала ни днем, ни ночью).

– Срочную связь с опером-прима дать можете?

– Индекс срочности? Он находится за пределами Системы.

– Знаю. Индекс «сто».

– Ждите.

– Ты что? – проговорил заместитель, меняясь в лице. – Кто-то просто пошутил...

– Шутками здесь не пахнет, – оборвала его Боянова. – Разве что это шутки Конструктора, он уже вошел в Систему. А мы ждем... у моря погоды...

– Опер-прима... отдыхает, – с заминкой доложил дежурный инк отдела. – На связи дубль-состав. Сообщение соответствует индексу?

– Соответствует. Кто старший дубль-состава?

– Баренц.

– Ярополк, это Боянова. Я только что была свидетелем необычного происшествия...

– «Призрак»? Я имею в виду голографический фантом.

– Д-да... впрочем, не совсем, «призрак» был с пси-сопровождением.

– Значит, они добрались и до Земли. Мы думали, это местное явление, связанное с близостью Конструктора. Дьявольщина!

– Кто – они?

– Никто толком не знает, Аристарх тоже.

– Савичу говорили?

– Ему лично показалось, что призрак походил на кровать.

– Что?!

– Он давно не отдыхал, «призраки» удивительно точно угадывают желания, яркие мысленные образы.

– Может быть, это и в самом деле деятельность Конструктора? Так сказать, психологическое тестирование человечества?

– Твое предположение уже запоздало, первым его сформулировал твой «роденовский мыслитель». А сообщения множатся, как пузырьки мыльной пены. Вероятно, это действительно фортель Конструктора, недаром он разделился на две части перед появлением «привидения».

– Не пора включать «полундру»?

– Кий-Коронат предлагал, но Аристарх ответил одной фразой: не гони лошадей. Кстати, Грехов его поддержал. Знаешь, что он сказал? Пора вам наконец научиться выделять ситуации, действительно требующие максимального напряжения и организованности.

– Поняла. Конец связи.

Забава задумчиво дотронулась до первых клейких листочков на ветке тополя, глубоко вдохнула свежий весенний воздух. Апрельский лес был похож на рисунок акварелью: нежно-зеленое и туманно-серое пространство, заполненное тишиной пробуждающейся жизни, будило древнюю родовую память, воскрешая ностальгические грезы по ушедшему в прошлое миру детства. Недаром потянуло из кабинета на природу, подумала Забава, борясь с желанием полностью расслабиться хотя бы на несколько минут, пока она не одна. Грехов прав, надо научиться отличать периоды спокойного бытия от периодов бешеной гонки за острыми ощущениями. Жить в постоянном напряжении не может никто, даже интрасенс.

Она пошла по дорожке к выходу из парка, забыв, что заместитель ждет ее заключения, потом наконец расслышала, как растерянный собеседник безуспешно пытается что-то спросить, обгоняя ее и заглядывая в лицо.

– Что?... Извини, Павел.

– Я не понял, вы серьезно о Конструкторе? Он на Земле?!

– Явление Конструктора народу... – пробормотала Боянова, очнувшись окончательно, тряхнула головой. – Похоже, у «спасителей» Конструктора появился лишний повод для раздувания религиозной истерии. Не завидую безопасникам-наземникам. Помчались в совет, Паша, все меняется.

Конструктор углубился в пространство Солнечной системы на пятьдесят миллионов километров, и Совет безопасности собрался вновь, чтобы решить его судьбу, а заодно судьбу и человечества.

Не было торжественных или выпренных речей и заявлений, не было шапкозакидательских призывов к «войне» или панических воплей о необходимости повального бегства за пределы Системы, пружина ожидания чудовищных и непредсказуемых событий сжалась до таких пределов, за которыми уже не было места суете и славословию. Это, конечно, не означало, что все участники совещания были единодушны в обсуждении единственно правильного решения, но они не предлагали и заведомо невыполнимых или откровенно спекулятивных решений, кожей ощущая присутствие чужого в своем космическом доме.

Больше всего споров разгорелось не по поводу что делать – ясно было и так, что Конструктора необходимо остановить любой ценой еще до земной орбиты, дальше ему ходу не было, дальнейшее его продвижение означало гибель основной базы человечества, гибель цивилизации, ибо вряд ли колонии у других звезд смогли бы сохранить технологический потенциал без помощи извне, – нет, основная дискуссия развернулась по вопросу, далекому от объяснений: что означают «привидения», посетившие практически каждого человека в Системе и усилившие отрицательные массовые эмоции у некоторых слоев населения Земли.

Мнения ученых, философов, глобалистов и экспертов разделились, а так как дискуссия грозила затянуться, председатель совещания предложил отложить обсуждение проблемы до появления новых данных. Решено было сохранить в Системе режим ГО, подготовить слой

пространства в поясе астероидов между орбитами Юпитера и Марса в качестве «ничейной полосы» для последних экспериментов по остановке Конструктора, если он не остановится сам, и в качестве последней меры готовить операцию «экстремум», то есть глобальную эвакуацию населения Земли и Марса, для чего срочно начать строительство станций метро на пригодных для жизни планетах ближайшего звездного окружения.

Ситуация требовала чрезвычайных мер, и к управлению ресурсами человечества был привлечен весь интеллект-потенциал цивилизации, способный в считанные часы перестроить работу всех служб и производственных сфер Земли. Но больше всего забот свалилось на голову наземной службы общественной безопасности, ответственной за здоровое психологическое и моральное состояние трудовых коллективов и каждого человека в отдельности. И если космическая безопасность точно знала свои задачи и опиралась на помощь пограничников, то наземная служба оказалась перед проблемой тушения пожара паники и остановки поднявшейся вместе с ней волны преступлений: Земля не была свободна от накипи и грязи подонков, лжецов, лентяев, эгоистов, властолюбцев, карьеристов и прочих мерзавцев, «необходимых» эволюции социума для воспроизведения широкого спектра человеческих характеров, и многие из них заранее выбрали для себя «курортные зоны» подальше от Земли, овладевая с боем станциями метро межзвездных линий. Дело осложнилось еще и появлением во всех регионах планеты сотен мистических и религиозных сект «в защиту вернувшегося Вседержителя», что умело инспирировалось пропагандистами «Общества по спасению Конструктора». В моду вошел неокреационизм – идеалистическое учение о сотворении мира Конструктором. Началось своеобразное аджорнаменто²⁰, только теперь в качестве «апостола-мученика» теологи вознесли не Бога, а разумное сверхсущество, создавая культ нового современного бога, абсолютно не похожего на сынов Адама и Евы. Боевики этих сект не стеснялись в применении методов и приемов по обработке умов и доставляли безопасникам все больше хлопот.

Скрепя сердце Забава Боянова осталась на Земле, изредка позволяя себе короткие сеансы связи с Железовским, жившим со своим штабом на спейсере «Клондайк» в непосредственной близости от Конструктора. Аристарх понимал ситуацию не хуже и не звал женщину на помощь в трудные моменты, хотя мог себе признаться, как ему жестоко ее недостает.

Третье явление «посла Конструктора», или К-гостя, как стали называть его фантомов, застало комиссара в столовой спейсера, где он в одиночестве поглощал не то обед, не то ужин: маринованные грибы, черепаховый суп, котлеты по-киевски, клюквенный морс. «Призрак» объявился за столом в виде полупрозрачной медузы в рост человека, под взглядом продолжавшего жевать Аристарха начал уплотняться, трансформироваться, приобретать осмысленные формы, пока не превратился в человека, в копию Габриэля Грехова. На Железовского повеяло холодным отрезвляющим ветром властной, всепокоряющей силы, способной сломить любое сопротивление. Натиск пси-волны был жесток, но недолог: встретив сопротивление, «призрак» прекратил атаку, оставив только волнуемый фон, воспринимавшийся комиссаром как слабые всплески тоски, разочарования, надежды и любопытства.

По шуму в эфире Аристарх понял, что одновременно с его гостем появились гости и у остальных людей контингента тревожных сил. Он мог вызвать обойму усиления и попытаться захватить «посла», но, во-первых, такие попытки уже предпринимались и не привели к успеху, а во-вторых, хотелось самому разгадать этот феномен, поговорить с ним, выяснить причины появления и преследуемые цели.

Лже-Грехов, напротив, усмехнулся совсем по-греховски.

– Не бойтесь, я не причиню вам вреда.

– Я не боюсь.

– Вы лично – да, но многие боятся. Почему?

²⁰ Аджорнаменто – осовременивание католической церкви.

– Не все способны освободиться от догмата стереотипов, многое зависит от воспитания, запасов знания и культуры, да и просто от эмоционального состояния. К тому же нам некогда особенно вдаваться в анализ причин, приведших к возвращению Конструктора, потому что его возвращение – реальная угроза жизни. Если бы не это...

– А разве гостей встречают так, как встречаете вы – вытаскивая меч из ножен?

– Мы не знаем, чего он хочет, а на вопросы он не отвечает. И мы принимаем меры необходимой обороны, не больше.

Гость снова усмехнулся, хмуро, с иронией; фигура его мерцала и плыла.

– Т-конус, например?

– Я был против строительства Т-конуса, но не потому, что эта мера превышала предел допустимой обороны, а потому, что она была экономически невыгодна и неэффективна. Хотя он, кстати, свое дело сделал.

– Неужели вы так ненавидите Конструктора, что готовы его уничтожить любой ценой, вместо того чтобы найти приемлемую для обеих сторон альтернативу?

Железовский выпил стакан морса, отставил стакан.

– У нас нет ненависти к нему, – сказал он тихо и медленно.

– Но и любви нет, – так же тихо обронил гость. – Вы до сих пор не поняли, что он болен, травмирован, причем настолько, что вряд ли возможно полное исцеление. А равнодушие и любопытство – что вы чувствуете в лучшем случае – не панацея от болезней. И от одиночества.

– Но если вы, его посол, так хорошо понимаете ситуацию, почему же Конструктор не остановится, раз уж мы продолжаем упорствовать в заблуждении, считая, что он способен разрушить наш дом?

– Все не так просто, как вы себе представляете. – Лицо псевдо-Грехова засветилось, заколебалось, волна дрожи превратила его в плоское белое пятно, хотя голос продолжал звучать. – Вы правильно оценили наше предназначение, мы и в самом деле послы, направленные для оценки ситуации и вашего отношения к Конструктору, но представьте себе такую картину: осажденная крепость, причем крепость колоссальная, со множеством башен и строений, и в каждом из них – гарнизон защитников со своим командиром; командиры – а их много! – непрерывно шлют гонцов за пределы крепости, за подмогой; гонцы пробираются сквозь рать осаждающих, подмоги не находят, а когда возвращаются, то попадают не в те башни, не к тем командирам, которые их посылали... Вопрос: кто им поверит, чужим? Кто оценит их информацию, если у каждого командира свой образ мыслей, свое понимание вещей, свой опыт, и координация их действий пока невозможна, хотя и защищают они одну крепость?

Железовский молчал.

Гость исчез, бесшумно и неэффектно, без грома и вспышек, был – и нет его. Разве что запах остался – запах сена, хотя на самом деле это был просто след физиологического эффекта сопротивления, остающийся у людей после контакта с К-гостем. Пропал и пси-фон, ощутимо материальный, как висящий над головой камень. Аристарх, отдыхая, понаблюдал, как стол убирает посуду, потом встрепнулся и направился в свою каюту принимать душ, от неожиданного для себя напряжения он был мокрый от шеи до пяток.

– Что у других? – спросил он из каюты, переодеваясь.

– Информация обрабатывается, – ответил координатор. – Время посещения колеблется от нескольких секунд до двух минут, диалоги можно предварительно свести к трем смысловым группам: отношения людей между собой, их отношение к Конструктору и прогноз последствий остановки Конструктора в «ничейной полосе».

– Субъект контакта у всех одинаковый или снова Конструктор использовал личные эмоции каждого?

– В большинстве своем это реализации свежих воспоминаний о конкретном человеке.

Железовский кивнул сам себе: перед посещением нежданного гостя он думал о Грехове.

- Где проконсул?
- Его «пакмак» в зоне риска не наблюдается.
- То есть? – удивился Аристарх.
- Возле Конструктора его нет.
- Ушел в Систему? Пришвартовался к базовой погранзаставе? Где он?
- Информации не имею. В мою задачу наблюдение за Греховым не входило.
- Дела-а! – Железовский покачал головой. – Объявите розыск, понадобится – подключите «синхро» СПАС-службы, в том числе и земную. Что слышно о К-мигрантах?
- Два когга вертятся в зоне, ведем наблюдение. По-видимому, они тоже пытаются вступить в контакт с Конструктором. Спейсер «Афанеор» с их командой тоже кружит неподалеку в режиме «инкогнито», изредка отмечаем его «следы».
- Два конвоя с юго-запада²¹, – вмешался в пси-разговор доклад пограничника-наблюдателя; доносились и другие сообщения и переговоры, но тихо, на пределе слышимости, создавая пульсирующий фон живого эфира.
- Каковы прогнозы на сутки?
- Через час Конструктор вплотную подойдет к системе Нептуна, но уже и теперь заметны изменения орбит его дальних спутников. – Мартин подумал и добавил на всякий случай: – Все население базовых станций и погранпостов эвакуировано.
- Хорошо, – буркнул Железовский. – Предупредите дежурных, я готов к смене. Я просил найти кобру погранслужбы Демина.
- Ждет в зале десанта.
- Пусть готовится к дежурству, включите его в оперативную связь.
- Наблюдаю очередь роидов – двадцать одну штуку с юго-запада, – доложил наблюдатель.
- Савича на связь.
- Лидер исследователей отозвался почти тотчас же:
- На приеме.
- Как вы объясните маневры чужан? Я имею в виду их «пулеметные очереди» по Конструктору.
- Мы провели две такие «очереди», дистанционно, внутри кораблей находятся только мертвые чужане, нет ни одного живого. Может быть, они используют Конструктора в качестве экологически чистого кладбища?
- Это шутка?
- Отнюдь, одна из гипотез. Есть и другая: роиды транспортируют Конструктору еду, «консервы», так сказать, ведь мертвый роид по сути – область пространства с иными свойствами, метрикой, энергозапасом.
- А почему Конструктор «очереди» пропускает, а конвои нет?
- Конвои – это дело рук серых призраков, они могут чего-то не учитывать или же у них иные задачи.
- Благодарю за разъяснения, – с иронией сказал Железовский. – Почему до сих пор нет доклада о разгадке тайны свободного передвижения К-мигрантов по системе «привязанного» метро?
- Проблема не решена.
- Прошу принять все меры в соответствии с тревожной ситуацией. – Железовский вызвал отсчет времени: его дежурство начиналось через четверть часа. – Вы поняли?
- Да, – ответил Савич, не считая нужным оправдываться.
- Конец связи.

²¹ Пространственная координация в космосе ведется не так, как на «плоскости» Земли, но термины остались, только полюса здесь присваиваются условно, в соответствии с выбранными ориентирами.

В дежурном зале комиссар появился собранным и готовым к любым неприятным событиям, привычно настроив себя на режим длительного нервного напряжения.

Хакан Рооб – он был оператором-прима – встал молча, похлопал комиссара по плечу и вышел. Его напарник – осоловелый заместитель Баренца, тоже уступил место Демину без обычной шутилой пикировки, устав до полного изнеможения, – столько энергии и сил отнимал у людей четырехчасовой сеанс непрерывного стресса.

– Третий угол качества? – спросил Железовский, подмигнул Демину, смущенному тем, что попал сюда по выбору комиссара.

– Пока не надо. Передайте приказ: всему личному составу погранфлота, безопасности и погранвахт в «ничейной полосе» надеть «бумеранги».

– Приказ принял.

– К-мигранты? – осведомился Демин. – Думаете, могут показать зубы?

– Вполне.

– Прямая информация?

– Предчувствия.

Больше они не разговаривали, застыв в кокон-креслах каждый наедине со своими эмоциями, но связанные общей атмосферой беспокойства, тревожного ожидания, а также компьютерной базой огромной сложности и быстродействия.

Железовский переключил зрение на прямой прием видеопередач, закольцованных в колоссальной системе службы наблюдения за пространством, и как бы сам превратился в эту систему. Он ощутил себя одновременно в сотне мест: за орбитой Плутона, на Меркурии, в поясе астероидов, на спутниках Юпитера, на лунах Сатурна, на Земле, в пустом пространстве над полюсами эклиптики. И еще он почувствовал, как плотно пространство человеческой тревоги: люди во всех уголках Солнечной системы думали об одном – что их ждет завтра.

– Ком-два-эс опер-приме! – донесся сквозь шумы эфира тихий голос комиссара наземной службы безопасности. – Только что выяснилось: три дня назад проконсул Габриэль Грехов посещал Чужую, используя метро запасной базовой «гиппо» и ее машинный парк.

– Кого посетил? – не сразу понял Железовский.

– Чужан, роидов.

– Что он там не видел?!

– Сие нам неведомо, наблюдение за ним не велось, засекли его случайно. Примите к сведению. Отбой.

– Может быть, он и сейчас у них? – вслух проговорил Железовский, озадаченный сообщением.

– Вряд ли, – не согласился Демин. – Если только что сам не овладел секретом использования системы метро по опыту К-мигрантов. Он же все время был на глазах.

– Все да не все... данные по Грехову? – спросил Мартина комиссар.

– Есть сообщение, которое невозможно проверить ни по каким каналам, – отозвался компьютер. – Кто-то из людей Савича будто бы видел, как «пакмак» Грехова стыковался с серым призраком предпоследнего конвоя.

– А дальше?

– Дальше ничего. Ученый вернулся к своему занятию, уверенный в том, что все идет как надо. Но после этого момента проконсул ушел из зоны видимости, и никто его с тех пор не видел.

– Так, может быть, он проник в тело Конструктора?!

– Исключено, еще ни один конвой не прошел, все они превращаются в сгустки антиматерии и в конце концов частью аннигилируют, частью рассеиваются вдоль траектории Конструктора.

– Он наверняка в гостях у серого призрака, – сказал вдруг Демин. – Помните, ведь Грехов дважды встречался с призраками еще в самом начале эпопеи с Конструктором, сто с лишним лет назад?

– Не исключено, – пробормотал Железовский.

– Внимание! – перебил все разговоры координатор. – Конструктор в пределах гравитационной сферы Нептуна. По расчетам групп слежения, он пройдет на расстоянии в семьсот сорок три мегаметра от планеты. Время прохождения в контакте с полем планеты – три часа пятьдесят шесть минут. Включаю обзор на все экраны дежурного зала.

Оба руководителя режима ГО в Системе, как и все, кто желал видеть прохождение Конструктора мимо Нептуна, как бы оказались висящими в пустоте над гигантской планетой, всего в ста тысячах километров от ее пятнисто-полосатой пухлой атмосферы, скрывающей твердую поверхность – из металлического водорода – на глубине в четырнадцать тысяч километров.

– Дай логарифмический масштаб, – попросил координатора Железовский.

Вспыхнувшие белые линии отгородили часть «плоскости» изображения слева внизу виома, квадрат приобрел фиолетовый оттенок, и в его глубине развернулось условное изображение системы Нептуна: серо-зеленый сплюснутый сфероид планеты и семь его спутников – Тритон, самый близкий к ней и самый большой, Нереида – трехсотсемидесятикилометровый обломок камня, и пять небольших астероидов с диаметрами от одного до ста сорока километров. Вторгшийся в пределы системы конус Конструктора был розовым, и казалось, вот-вот врежется в кружок Нептуна.

Первым в поле гравитационных возмущений Конструктора попал седьмой спутник, облетающий планету по орбите радиусом в десять миллионов километров. На картинке с логарифмическим масштабом его светящаяся зеленая точка коснулась розового конуса и растаяла, прямая же передачи от видеозондов, следивших за движением пресапиенса, оказалась более содержательной: орбита его начала вытягиваться, превращаться в эллипс, разорвалась, и он устремился навстречу приближавшемуся гиганту, набирая скорость. Последний отрезок его пути, длившийся около десяти минут, напоминал лихорадочный танец мухи, попавшей в сети паука, и закончилось все тусклым фейерверком обломков – спутник был разорван приливными силами, рожденными перепадами физических полей вблизи поверхности Конструктора.

Затем та же участь постигла шестую луну, на которой недавно располагалась станция СПАС, Нереиду с ее тремя поселками исследователей Нептуна, и три пылевых полукольца, которые были буквально высосаны со своих орбит «пылесосом» Конструктора. Два средних спутника были выбиты с орбит и, набрав скорость и преодолев притяжение родной планеты, ушли в пространство по перпендикуляру к плоскости эклиптики.

Тритон, по размерам близкий к земной Луне, но обладавший разреженной азотно-метановой атмосферой, реагировал на прохождение Конструктора с тяжеловесной медлительностью, изменяя радиус орбиты с явной неохотой.

Однако его судьба оказалась не менее драматичной, чем участь малых спутников планеты.

Еще два века назад ученым был предсказан финал его пребывания на существующей орбите: постепенно теряя скорость из-за приливного взаимодействия, он должен был через несколько миллионов лет войти в зону Роша и разорваться под влиянием приливных сил, но момент этот наступил гораздо раньше. Тритон успел только-только подойти к «повороту за угол», чтобы скрыться за «широкой спиной» Нептуна, как вдруг его коснулось притягивающее поле Конструктора, масса которого равнялась двум десяткам масс Солнца.

Скорость Тритона начала катастрофически снижаться, а орбита – превращаться в траекторию падения.

Камеры видеозондов бесстрастно передали незабываемые картины: как неглубокий – в несколько метров – азотный океан Тритона стал собираться в две кипящие «опухоли» – по

вектору, соединяющему Нептун и тело Конструктора; как по его поверхности раз за разом прошли судороги приливной волны, разрывая толстую планетарную кору гигантскими трещинами, образуя дымящиеся горные складки и каньоны; как навстречу приближающемуся спутнику выпятился серебристый протуберанец атмосферы Нептуна, словно пытаясь оттолкнуть Тритон, удержать его от падения; как за считанные минуты серо-пыльный шар Тритона, окутанный серебристо-жемчужным волокнистым туманом, вонзился в толстую шубу атмосферы материнской планеты и пропал из глаз, оставив на прощание в месте падения огромный светящийся воздушный фонтан...

В небольших колодцах радарных виомов он был виден еще долго, погружаясь в атмосферу Нептуна, как чугунное ядро в воду, постепенно разогреваясь и теряя скорлупу внешней материково-океанической коры. Взорвался ли он, сплюснулся или расплавился при ударе о поверхность нептунского океана, никто из людей не увидел не только из-за условий наблюдения, но и за отсутствием времени, только панцирные зонды, запущенные в глубины атмосферы планеты и защищенные от давления и вихревых течений, могли пронаблюдать за финалом драмы и сообщить о ней людям. А в том месте на теле Нептуна, где нырнул Тритон, разгорелось нежное зеленовато-голубое сияние, словно кто-то на поверхности включил прожектор и направил его луч в небо...

С самим Нептуном ничего страшного не произошло.

Воздушный фонтан – «салют» над местом гибели Тритона, как образно выразился Савич, превратился в колоссальный выброс длиной в два десятка тысяч километров: Конструктор буквально сдирал атмосферу с планеты, будто хотел увидеть, что там скрывается на ее поверхности, – но достичь тела пресapiенса не успел. И все же это было феерическое зрелище: окутанный шубой электрических сполохов, косматый шар Нептуна протянул в сторону грозного молчаливого пришельца искрящийся, пронизанный миллионами красочных радуг рукав, почти равный по толщине диаметру планеты, постепенно изгибающийся вслед за движением Конструктора. И за все время, пока Конструктор проходил мимо Нептуна, в эфире царило почти мертвое молчание: люди были поражены невиданным зрелищем, внушавшим трепет и суеверный страх масштабами явления; они еще раз воочию убедились, насколько превосходит Конструктор все те явления и процессы, свидетелями которых они были раньше.

Воздушный рукав сорванной атмосферы Нептуна перестал расти в длину и начал собираться в эллиптическое зеленовато-шафрановое азотно-метановое облако, пронизанное хрустальными волокнами молекулярного водорода.

Нептун заметно похудел, словно облысел, и стал издали твердым на вид, как бильярдный шар.

– Масса выброса три на десять в семнадцатой, – доложил флегматично Мартин. – Это примерно одна восьмая всей атмосферы Нептуна.

– Вряд ли мы его остановим, – впервые за четыре часа нарушил молчание Демин; голос его был хриплым, – шибко велик! Я видел, как он проходил по звездам – омега и ню Гиппарха, но это зрелище меня потрясло больше. Я по натуре воин, однако до сих пор мороз по коже!.. Неужели он неисчерпаем?

– Кто? – не понял Железовский, просидевший в кресле не шевелясь все это время.

– Фонд несчастий человечества. Обязательно висит что-то над головой, как дамоклов меч: то ядерная война, то звездная, то экологический кризис, то генетическое вырождение... только Конструктора не хватало!

– Внимание! – раздался голос координатора. – На монтажные бригады первого марсианского МСС в зоне «ничейной полосы» совершено вооруженное нападение! Есть жертвы!

Железовский встретил затуманенный пережитым волнением взгляд Демина и кивнул: оба понимали друг друга без слов. Пограничник освободился от объятий кресла со всеми его датчиками и мыслеуправлением и выбежал из зала.

– Третьему «углу» квалитета немедленно явиться в зал! – проговорил комиссар. – Всем оперативным группам в этой зоне – императив «дуэль»! Прямую связь с погранзаставой в «ничейной полосе» – на голову.

И вдруг по компьютерной связи донеслось чье-то изумленное восклицание:

– Смотрите!

Мартин сориентировался мгновенно.

Изображение дымящегося Нептуна в обзорном виоме сменилось изображением Конструктора: светящееся тело пресapiенса – полтора миллиона километров в поперечнике! – превратилось в прозрачный шар, откуда на людей смотрели не человеческие, а скорее птичьи глаза! Внимательные, живые, не добрые, но и не злые мигающие глаза!..

Держалась эта невероятная с любой точки зрения картина всего несколько секунд.

– Он... оглянулся! – прошептал кто-то.

Железовский опомнился.

– Что это было? Видео или гипно? Мне показалось, что изображение двоится.

– Пси-импульс, – коротко ответил Мартин. – Видео-картинка не изменилась. Похоже, Конструктор понемногу начинает приходить в себя. Кроме пси-импульса был передан в эфир отрывок «стохастической музыки», вы ее слышали.

И в это время из шумов эфира выплыл ясный и печальный голос. Затих... Человеческий голос, переданный Конструктором. Не вопрос и не утверждение, не угроза и не предупреждение... Что? Извинение, утешение, просьба о помощи? Что сказал Конструктор и сказал ли?...

Часть вторая

Вспоминайте меня. Грехов

Мой дом – моя крепость

Туман был сухим, белым и пушистым, как вата, а не как насыщенное водой облако, серое и холодное, готовое пролиться дождем. В нем изредка вспыхивали неяркие желтые огоньки, похожие на кошачьи глаза, появлялись и пропадали бесплотные тени, бродили трусливые шепоты и тихий смех. Живой был туман и добрый, хотя иногда и проносились сквозь него злые свистящие сквозняки как отголоски давних и дальних ураганов и бурь. Но вот в нем далеко-далеко зародился иной звук: чистый и нежный женский голос... смолк... снова появился, ближе... три ноты а-и-о... еще не песня, но и не просто зов. Знакомые ноты, созвучные какому-то имени: а-и-о... Плач? Колыбельная? Кто поет?

Он напрягся, жадно ловя дивные звуки.

А-и-о... нет-нет, ра-и-ор... Мелодичные, проникающие в самую душу, будоражающие слог-ноты... и голос знакомый... Кто это может быть? Что говорит? Ра-и-ор... Господи, Ратибор, вот как это звучит! Почему же так больно в груди от каждого звука?

Теплые ласковые руки легли на затылок, чьи-то губы нараспев снова произнесли его имя...

Ратибор открыл глаза и рывком приподнялся, расширенными глазами вглядываясь в туман, ставший вдруг серым и плоским, как стена. Впрочем, это и в самом деле стена. Выход, туман с голосом женщины – бред? Но и стена в таком случае – галлюцинация, откуда в «големе» быть стенам, да еще плоским?

– Что случилось, Дар? – задал привычный мысленный вопрос Ратибор. – Где я?

Ни слова в ответ.

Глаза, привыкшие к отсутствию света в комнате (в комнате?!), различали все больше деталей, которых не должно было быть на борту «голема», и Ратибор наконец осознал, что он действительно находится в чьей-то комнате с массой вещей и запахом жилого помещения.

Сел на кровати, сбросив легкое тонкое покрывало, погладил живот с привычным рельефом, грудь, руки – ни одной царапины или раны, кровь бежит по артериям и венам в обычном ритме... дьявол! Ратибор внезапно понял, что видит кровь сквозь кожу и ткань сосудов, и не только видит, и слышит, как она движется! Интересный компот!..

Прислушался к себе, отмечая новые, непривычные, неизведанные ранее ощущения. Во-первых, он стал видеть не только в инфракрасном диапазоне, но и в ультрафиолете (голубые прожилки в стенах – это, конечно, энергокоммуникации и линии связи). Во-вторых, стал слышать ультразвуки (поскрипывания, кажется, издают сокращающиеся мышцы, а ровный шуршащий фон создает не что иное, как... броуновское движение молекул)!

Где-то в голове словно лопнул сосудик – заноза боли вонзилась в глазные яблоки и шейные позвонки, боль стекла горячей струйкой в сердце и стихла.

Ратибор медленно выдохнул, помассировал затылок. Ясно, что он не дома, но и не в клинике, там уже сработал бы сторож состояния и примчался бы врач, боль-то нешуточная!.. Может быть, его сначала лечили в клинике, а потом кто-то из друзей забрал к себе домой для окончательного выздоровления?

Он закрыл глаза и попытался сосредоточиться, чтобы поймать то чувство, которое когда-то пробудилось в нем на несколько мгновений: объемное ощущение окружающего мира. И тело послушно откликнулось на приказ, словно оно всегда умело это делать.

Процесс был ступенчатым: комната, небольшая, три на пять метров, высота тоже три, с нишами, подставкой виома и блоком «домового» в стене; за стенами еще комнаты, большие и малые, с мебелью и без, со шкафами, со встроенным технообеспечением, какими-то приборами, энергоблоками, машинами, киб-интеллектом (типа Умник), заэкранированными, неподвластными пси-зрению зонами; стены ушли из «поля зрения», за ними проступило свободное пространство, сначала заполненное голубоватым туманом, потом туман осел, и Ратибор почувствовал деревья – лес... или парк? Водоем... озеро? Река... Еще здания, вернее, коттеджи, как и тот, в котором он находился... а ведь на дворе, кажется, весна?...

В голову снова бесшумно вонзилась раскаленная игла боли.

Мир сузился до размеров зрачков – Ратибор едва не потерял сознание от нахлынувшей слабости. Понял, что переоценил силы, – организм еще не окреп и требовал деликатного обращения. Несколько минут отдыхал, продолжая прислушиваться к жизни тела с любопытством и недоверием. Нет, это явно не бред – слишком детален и конкретен, галлюцинации такими четкими не бывают.

Тишина начинала тяготить.

Хозяин дома не показывался, не отзывался ни на мысленный вызов, ни на голос, и Ратибор осмелел.

Вспыхнувший свет – светилась вся масса потолка, причем с эффектом небесной голубизны – волшебным образом изменил обстановку современной спальни с изменяющейся геометрией и цветовым насыщением: ложе кровати ослепительной белизны; невесомый прозрачный квадрат журнального столика с кипой ярких стереожурналов и видеокнопок; трансформный шкаф с бельем, похожий на выпуклый фасетчатый глаз; второй шкаф – с одеждой, наполовину упрятанный в стену, с зеркальной дверцей; какой-то сложный аппарат у изголовья кровати, похоже, медицинский комбайн; ряд ниш в левой стене, правая – сплошное окно, включающее прозрачность по мысленному приказу. Стандарт... если не считать этих странных слепых и пустых ниш... пустых ли?...

Екнуло сердце.

В одной из них за клубилась звездная пыль, разбежалась к краям ниши, превращаясь в рамку, и взору предстало объемное изображение... чужанина! Черный «дышащий» сгусток то увеличивался в размерах, теряя четкость, – клуб дыма, да и только! – то опадал, превращаясь в черный гладкий монолит. Он был снят на фоне какого-то сложного сооружения из призм, гофрированных полос и решеток, а слева от сооружения стоял пограничный драккар с открытым нижним люком.

Вторая ниша (обычные программ-проекторы) показала пейзаж Марса: «обкусанная планета» была сфотографирована как раз над центром Великой Марсианской Котловины – воронки, оставленной Конструктором. В третьей улыбалась женщина, красивая, с узлом тяжелых медно-желтых волос на затылке, с широкими бровями, придававшими властное выражение лицу. А из четвертой ниши на Берестова глянула Анастасия Демидова: в спортивном костюме для выступлений на корте, с ракеткой в руке, готовая отразить подачу или удар.

Ратибор сглотнул слюну и сел на кровать – ноги внезапно стали ватными. Однако сидел недолго. Первая мысль – это квартира Насти! – уступила трезвой оценке обстановки: спальня явно принадлежала мужчине. И принадлежать она могла только одному человеку – Габриэлю Грехову, проконсулу ВКС.

За дверью возник какой-то шум, тут же прекратился, но Ратибор уже понял, что это пробудился Умник: кто-то установил с ним связь, обменялся репликами и отключился. В то же мгновение на панели медицинского комбайна перемигнулись зеленые огоньки, в блестящей полусфере открылась шторка и, развернувшись языком, подала стакан с янтарной жидкостью.

– Укрепляющее, – произнес автомат.

Ратибор усмехнулся, взял стакан, попробовал и выпил с наслаждением, только теперь осознав, что его давно мучит жажда. Последствия не заставили себя ждать: через минуту он был бодр, полон сил и желания действовать и без колебаний «пошел на разведку», накинув приготовленный ему халат с абстрактным рисунком.

За дверью оказалась просторная гостиная с мебелью в стиле «русского ренессанса»: дух захватило от красоты и щемящего чувства старины! Мебель была из разряда антикварной, а не скопированной современными технологическими линиями из пластика «под дерево», и, хотя отдавала архаикой, разглядывать ее можно было долго. И говорила она о вкусах хозяина больше, чем любое другое хобби. Даже эффектор «домового» – длинная «свеча» с тонкими светящимися усами – выглядел в гостиной не инородным телом, дополняя ее убранство штрихом эстетической законченности.

С гостиной соседствовал рабочий кабинет хозяина: квадратная комната с видеостенами, книжной библиотекой и кристаллотекой, с приставкой киб-интеллекта из разряда «больших думающих интелматов», которые обычно использовались, насколько знал Ратибор, только крупными исследовательскими центрами. Зачем такая машина понадобилась Грехову в качестве персонального компа, догадаться было невозможно. Кроме того, в углу комнаты над черным диском висел хрустально-прозрачный метровый шар с удивительной ячеистой структурой из золотой светящейся пыли – это была масштабная модель Метагалактики, проткнутая насквозь серебристой спицей.

Ратибор внимательно оглядел панель инка, чувствуя, что и его разглядывают в свою очередь.

– Включен? – спросил он негромко.

– У вас остались сомнения? – ответил с иронией инк в пси-диапазоне.

– Уже нет. – Гость невольно улыбнулся. – Ты говорил с кем-то... несколько минут назад.

Не с Греховым ли случайно?

– Нет.

– Я подумал – с ним, потому что автомат тут же выдал мне стакан с витаминизированным напитком. Как тебя зовут?

– Диего.

Отзвук былого знания задел струны памяти. Ратибор напрягся и вытащил воспоминание на свет: у Грехова был когда-то друг по имени Диего Вирт...

– Абсолютно точно, – откликнулся киб-интеллект. – Я сохранил многие черты характера Диего.

– А сам он?

– Погиб на Энiffe-1, спутнике звезды эпсилон Пегаса.

– Извините.

Бесцельно потрогав полированный столик из темного дерева, Ратибор собрался было идти дальше, как вдруг заметил на корпусе инка небольшой выступ с рядом блестящих глазков и светящейся алой каплей звукового контроля. Под глазками отчетливо светились мелкие буквы и цифры: КЛ-КПР-100. Ратибор тихонько присвистнул – он впервые видел блок консорт-линии с компьютерной пси-разверткой в личном пользовании, такие аппараты использовались только тревожными службами, да и то в особых случаях, когда надо было срочно ввести в курс дела ответственных лиц или оперативных работников – счет в таких случаях обычно шел на секунды.

– У Габриэля особые полномочия, – философски заметил Диего, уловив смятение гостя.

Ратибор не нашелся что ответить и выскользнул в коридор.

Фойе было как фойе – со скрытым видеомузыкальным устройством и небольшой картинной галереей, в нем можно было танцевать и беседовать, при желании вырастить из стен и пола любую мебель.

Кухня блестела стерильной чистотой, оборудованная домашним кулинарным киб-комплексом «Гурман-140», способным приготовить любые блюда из меню ста сорока национальных кухонь. Было похоже, что пользовались им совсем недавно, в кухне устойчиво держались сложные вкусные запахи, вызывающие аппетит. Ратибор принялся и прикусил губу: здесь явно поработала Настя – гамма запахов была сотворена ею.

Он вернулся в спальню, обошел ее кругом, знакомых запахов не обнаружил, вздохнул с облегчением, криво улыбнувшись в ответ на реплику совести: я была о себе лучшего мнения.

Кроме осмотренных в доме Грехова обнаружились еще две комнаты, обе заблокированные и не реагирующие на приказ открыться. В одной из них прятался реактор, стандартный кварк-биг, – судя по слабым пульсациям низкочастотного электромагнитного поля, пробивающегося сквозь толстый защитный экран, а возле второй Ратибор невольно задержался: показалось, что за дверью его ждет глубокий колодец, даже не колодец – бездонная пропасть! Ощущение было нечетким, расплывчатым и недолгим, и Ратибор поначалу отнес его к разряду иллюзорных картин, так называемых ложных чувств, созданных перевозбужденным подсознанием, но когда на смену первому пришло еще одно странное ощущение – будто за дверью начинается длинный тоннель, уходящий в неведомую даль, в бесконечность, Берестов наконец понял, в чем дело: он стоял перед кабиной метро!

Он не сразу справился с изумлением: ожидал всего, только не того, что увидел; вряд ли кто-нибудь еще на Земле додумался до установки в своей квартире стационарного блока метро. Ай да Грехов! Ай да тихоня-проконсул из синклита старичков-экспертов! Это же надо умудриться – доказать ВКС необходимость установки метро в своем коттедже! А может быть, он ничего и не доказывал? Просто взял и установил. Сам. Как и питающий метро стандартный кварк-реактор... м-да...

Ратибор покачал головой, безрезультатно потолкал дверь и задумчиво направился в рабочий кабинет хозяина, откуда киб-интеллект по имени Диего продолжал переговариваться с кем-то в пси-диапазоне, то ли с самим Греховым, то ли с инками научных центров или других владельцев.

Сначала Ратибор осмотрел прозрачный шар с ячеистой моделью Метагалактики, или, как теперь говорили, метагалактического домена, напоминающего соты: стенками ячеей служили скопления галактик, складывающиеся в длинные волокна и перегородки. Система галактик, известная под названием Скопление Волос Вероники, в которую входила и Галактика, давшая жизнь Солнцу, выделялась на модели цветом: светилась она чистой зеленью, и именно в нее вонзалась длинная серебристая спица, протыкавшая шар от его границы; при первом рассмотрении Ратибору показалось, что спица пронзает шар насквозь. И вдруг его озарило: спица, вне всякого сомнения, представляла собой канал Большого Выстрела, след движения Конструктора!

Приблизив лицо к шару, Ратибор разглядел еще одну интересную деталь: спица БВ не заканчивалась у границ Галактики, а выходила из нее под другим углом тоненьким алым лучиком, словно отразилась от звездного зеркала, потеряв часть энергии. Путь Конструктора не заканчивался в Галактике, и Грехов знал это!

Почувствовав головокружение – по сути, он был еще очень слаб, – Ратибор отдохнул в одном из кресел, прикидывая, где может находиться проконсул и что делать дальше, потом решил воспользоваться представившейся возможностью и выяснить обстановку в большом мире. Опасался он только одного: что инк не разрешит ему включить консорт-линию.

Однако опасения оказались излишними: Диего без колебаний и выяснения полномочий гостя – вполне могло быть, что об этом позаботился Грехов, – включил блок КЛ с контуром пси-развертки, и Ратибор оказался в большом зале с доброй сотней работающих виомов и мониторов контроля связи. Он сразу узнал это место – зал прямой координации ВКС, хотя ни разу в нем не был.

Судя по ливню информации, вылившемуся Ратибору на голову, зал служил в настоящий момент штабом режима ГО, введенного по всей Солнечной системе из-за вторжения Конструктора, а так как уровень управления, осуществляемого из зала, был стратегическим и прогнозирующим для главнейших производственных и научных центров Системы, то подчинение его решению одной задачи указывало на глобальный масштаб последней. Тактический уровень управления 10 принадлежал спейсеру «Клондайк», где располагались руководители тревожных служб человечества, в том числе и Аристарх Железовский, и технологическому центру Земли, распоряжавшемуся энергетическими и материальными ресурсами человечества для разработки и постройки защитных поясов, а оперативное управление осуществлялось пограничными заставами и станциями аварийно-спасательной службы.

Ратибор узнал, что Конструктор углубился в Солнечную систему до орбиты Нептуна и прошел мимо этой гигантской планеты чуть ли не впритирку, уничтожив все ее спутники и содрал с нее треть атмосферы – по массе, так что теперь вокруг Нептуна вращался по эллиптической орбите всего один спутник – газовое облако.

Подойти к Конструктору близко не удавалось из-за чудовищной поляризации вакуума, следствием которого было рождение монополей, тяжелых элементарных частиц с одним магнитным полюсом, ставших печально известными из-за их «агрессивности»: протоны, взаимодействуя с этими частицами, распадались на пары электрон-позитрон, гамма-квант и нейтрино, что переводилось на нормальный язык как распад вещества! Стоило одному монополю попасть на любую планету – и кто знает, что от нее осталось бы через полсотни лет...

Ратибор отнесся к этому сообщению равнодушно, однако то, что исследователи обнаружили по трассе Конструктора целые глыбы монополей, так называемые кластеры, заставило его поежиться. Не надо было обладать сверхвоображением, чтобы представить картину падения такого кластера на Землю. Но и это было еще не все: след Конструктора, который когда-то назвали Большим Выстрелом, «похудел» и разорвался на отдельные «капли», продолжавшие путь к Солнцу, но главное, что эти «капли» оказались «кварковыми мешками» колоссальных масс – слипшимися в астероиды кварками. Один кубический сантиметр вещества «мешков» имел такую же массу, как и вся Земля! Таким образом навстречу Солнечной системе мчалась чуть ли не со скоростью света очередь почти невидимых – до метра в диаметре – пуль, обладавших массами звезд и огромной энергией.

Ратибор, несколько ослотившийся от обилия цифр и сотен научных сведений, заставил мозг работать избирательно, а не впитывать все подряд, и выбрал наиболее интересные и важные группы сообщений. В первую группу вошли данные о Конструкторе, дополняющие те, которые Берестов уже знал, и самым интересным было сообщение о том, что бывший «Прожорливый Младенец» начал исследовать людей, зондировать их психику, используя малую толику своих возможностей.

Во вторую группу вошли рапорты оперативных дежурных, сводки по регионам и общий анализ обстановки, сообщавшийся по компьютерной сети всем руководителям ГО каждые полчаса. Выслушав лаконичное: «В Системе динамика сил – в пределах суточного прогноза», Ратибор четверть часа рассматривал выданную интелломатом-координатором ГО (использовался большой киб-интеллект совета по имени Маг) пси-картину вторжения Конструктора в Солнечную систему, чувствуя, как непроизвольно напрягаются мышцы спины и холодок жути стекает из головы в желудок.

На схеме, занимавшей весь объем центрального виома – шесть на двадцать метров, – алый конус Конструктора, не уступающий по размерам части Солнечной системы внутри орбиты Меркурия, преодолел одну десятую пути до Солнца и углубился в пространство Системы примерно до середины пояса между орбитами Нептуна и Урана, продолжая двигаться дальше со скоростью около шестидесяти трех километров в секунду и распустив длинный хвост из искрящейся алмазной пыли, – так на схеме обозначался кильватерный след Конструк-

тора, «взбаламутившего» вакуум до рождения многих странных частиц, волн, энергетических вихрей, пиков и провалов...

Вокруг алого конуса метелью кружилась мигающая голубым и зеленым стая «саранчи» – исследовательский флот землян, и отдельно, кавалькадой, вернее, конвоем, строго выдерживая строй, шли параллельным курсом спейсеры погранфлота – яркие желтые звезды, выбрасывающие время от времени тонкие лучики света.

Третье облако огней между орбитами Юпитера и Марса означало строительную площадку защитных бастионов с «потрясателями вакуума», за которые Конструктору ходу не было, дальше начинались владения человека, «пригороды» цивилизации с густой сетью космических поселений, заводов, энергостанций, зон труда и отдыха.

Со стороны, издали, да еще на схеме, картина вторжения не впечатляла: подумаешь, где-то далеко, за сотни миллионов километров от Земли движется нечто, напоминающее хвостатую комету или хойловское черное облако. Однако Ратибор хорошо представлял, что это такое в действительности, и ему не надо было рассказывать, какой лихорадочной деятельностью занимаются сейчас все научные и технические центры человечества, а в особенности погранслужба и особый ее отряд – отдел безопасности.

Очнувшись, бывший кобра и оператор тревожного режима переключился было на впитывание информации еще одной интересующей его группы проблем, но успел отложить в памяти лишь известие о нападении на стройотряд, занятый монтажом одного из форпостов на пути следования Конструктора. Какой-то звук, даже не звук – бесплотная тень звука заставила его оторваться от созерцания следующих непрерывно одна за другой картин, интуитивно выключить консорт-связь и выглянуть в коридор.

Он не ошибся – это сработала камера метро, пропуская в жилище хозяина.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Габриэль Грехов был одет по последней моде в строгий уникс цвета маренго: рубашка с погончиками, обтягивающая живот и свободно облегающая плечи, брюки прямого силуэта с металлическими швами и десятком плат, создающих «эффект осьминога» (казалось, что у обладателя брюк не две, а по крайней мере четыре ноги).

– Оклемался? – спокойно произнес Грехов. Впрочем, не сказал – подумал, но Берестов отлично расслышал его мысль. И не удивился этому.

– Тоже правильно, – мысленно «кивнул» Габриэль, продолжая внимательно изучать лицо гостя. – Мы теперь с тобой одного дуба желуди. Боли мучают?

– Изредка, странные, блуждающие...

– Скоро пройдут. Пошли завтракать.

Ратибор вдруг с удивлением обнаружил, что зверски хочет есть. Грехов молча проследовал на кухню, набрал программу, искоса поглядев на вошедшего следом безопасника. У того внезапно снова на миг защемило сердце: Настя была здесь, и не раз. Вспомнилась пословица, которую она любила цитировать: «Для хорошего повара годится все, кроме луны и ее отражения в воде»²².

Грехов едва заметно улыбнулся: он понял, о чем подумал Ратибор. Сев, кивнул на второй стул; на кухне их было всего два.

– Китайцы знали толк в подобных вещах. Их кулинария – это самая настоящая алхимия, логическое умение творить неведомое из невиданного. А вот, к примеру, японская кулинария – это искусство создавать натюрморты на тарелках. Ты какую кухню предпочитаешь?

– Вкусную, – ответил Ратибор. – Как я здесь оказался?

Комбайн со звоном выдвинул из своего нутра поднос, заставленный яствами, рассчитанными на две персоны. Здесь были маринованные грибы – рыжики, вареные раки, вареники,

²² Китайская пословица.

жареная брюква, гренки и высокие бокалы с янтарным напитком – единственной вещью, которой не знал Ратибор.

– Русская кухня... – пробормотал он, глотая слюну. – Дань вежливости? Сто лет не ел раков...

– Я русский, – пожал плечами Грехов, углубляясь в трапезу. – Имя – дань дружбы отца с одним французом. А вообще-то дерево предков я помню до ста шестидесятого поколения, на три с половиной тысячи лет назад.

Ратибор поперхнулся: он дегустировал напиток.

– Ты сказал – помню? Простите...

Грехов кивнул.

– У меня абсолютная память, в том числе и родовая, наследственная. Я помню все, что со мной было, вплоть до момента рождения.

– Но это же... страшно! – Ратибор во все глаза смотрел на проконсула. – Как можно жить, ничего не забывая?

Хозяин поднял на гостя мрачноватый взгляд, глаза его, почти полностью занятые зрачками, казались бездонными.

– Ты хотел добавить: и не свихнуться при этом? Я живу. Пей, пей, это клюквенный мед: в прокипяченный с водой мед добавляется клюквенный сок, гвоздика, корица и дрожжи. Смесь пьется охлажденной через два дня. Как на вкус?

– Странно... и приятно... как у Грина: улей и сад.

У глаз Грехова собрались веселые морщинки, однако иронизировать он не стал, добавил только:

– Рецепт старый, приготовление мое. Рекомендую отведать вареников, это старорусские, рецепту две тысячи лет.

Но Ратибора не нужно было уговаривать есть, его аппетит не нуждался в рекламе предлагаемых блюд.

Через двадцать минут он отодвинулся от стола, чувствуя непривычную приятную тяжесть в животе и легкую эйфорию – то ли от меда, то ли от приступа слабости. Грехов сделал чай с брусникой и чабрецом, и они еще некоторое время неторопливо прихлебывали душистый и вкусный напиток. Потом Ратибор вспомнил свое пробуждение и повторил вопрос:

– И все же, как я здесь оказался? Ваших рук дело? Как вы меня выдернули из Конструктора?

Грехов покачал головой.

– Я только договорился с Сеятелем, чтобы он доставил тебя сюда. Честно говоря, надежды было мало, но ты на удивление цепкий парень, хотя, на мой взгляд, чуть более эмоционален, чем требуется мужчине.

– У меня о себе другое мнение. Значит, спас меня...

– Серый призрак, я называю его Сеятелем, хотя это имя уже не соответствует его деятельности. По сути, ты его должник, как и я.

– Говорят, призраки сидят в Системе...

– Не только они, но и роиды, и К-мигранты, и еще какие-то гости, с которыми земляне еще не сталкивались в космосе. Конструктор – явление интергалактическое, метаглобальное, и о его вторжении известно многим, в том числе и таким существам, которых мы не знаем.

– Я понял так, что положение аховое.

Грехов прищурился, отрицательно качнул головой.

– Это по мнению совета. На самом деле катастрофы не будет. Кстати, я совсем недавно узнал этимологию этого слова: оказывается, оно образовано от народного «костовстреха». А положение таково, что если строители успеют смонтировать дредноуты – я имею в виду вакуумные резонаторы в «ничейной полосе» – и откроют огонь, то Конструктор будет травмирован

еще больше и вряд ли выкарабкается из глубокой депрессии и беспамятства. Он до сих пор не может прийти в себя после пробоя «ложного вакуума», отделяющего «пузыри» вселенных друг от друга, хотя и пытается проанализировать свое положение и определить, куда он попал. Ты слышал об исследовании, которое он устроил с людьми?

– Пси-зондаж?

– Нечто в этом роде. Но дело в том, что «мозг» Конструктора в результате травмы разбит на отдельные «сегменты», которые не взаимодействуют между собой, каждый из них мыслит и действует самостоятельно, зачастую мешая друг другу, из-за чего Конструктор не является полноценной личностью. Призраки пытаются ему помочь, стараясь разрушить блокировку «сегментов», но пока безрезультатно. Если бы Конструктор был здоров, он изучил бы феномен человеческой цивилизации так, что мы и не заметили бы, а все его нынешние «исследования» не что иное, как попытки больного выведать у врача его профпригодность.

Ратибор едва удержался от вопроса: «Откуда вам это известно?», но Грехов все равно расшифровал его мысль, глаза его на мгновение превратились в колодцы, полные тоски и муки. Только на мгновение.

– Вы считаете, Конструктору нужен... врач? – спросил Ратибор. – Интересно, кто же из людей способен выполнить эту роль?

– Один человек и не сможет. Роль врача могут выполнить только все люди вместе, и не только люди, но и чужане, и серые призраки, и К-мигранты, и те, кого мы еще не знаем. Все мы – детали одного механизма, вернее, ингредиенты одного лечебного препарата, и каждый ингредиент не менее важен, чем все остальные. Конструктору нужно больше, чем может дать человечество. А оно пока собирается дать ему только вакуум-резонаторы. – Грехов усмехнулся. – История повторяется, никто не торопится вспомнить, что человечество уже проходило этапы научно-технической самоуверенности и технологической спеси, никто не учитывает пословицы: сильный грозит пальцем, слабый – кулаком.

– Разве Конструктор уже грозил?

– Не грозил – предупредил, причем преднамеренно, пройдя рядом с Нептуном, хотя мог обойти его на безопасном расстоянии. Это и пальцем-то назвать нельзя, просто «дуновение ветра», а мы потрясаем мускулами, строя то Т-конус, то дредноуты с излучателями.

– Вы говорите так, будто презираете людей... Или сказывается гордыня экзосенса?

Грехов покачал головой, нахмурился, потом улыбнулся.

– Уел, что называется. Впрочем, ты тоже экзосенс, может быть, даже в большей степени, чем я, так вот и спроси себя – сам ты чувствуешь презрение к людям? Нет? Откуда же взяться этому чувству у меня? А что касается гордыни... что ж, неплохо сказано, у экзосенса и гнев должен быть гордым, и презрение, и ненависть, и любовь. Кто-то из религиозных деятелей Индии, один из адептов философии одиночества, сам будучи экзосенсом, назвал всех экстрасенсов архатами²³, в своих целях, конечно, для рекламы своего мировоззрения и вероучения, но я не стал бы ему возражать, хотя сам лично отношу себя к мадхьяме²⁴.

Во взгляде Грехова светились мудрость и лукавство, и Ратибор ответил ему понимающей улыбкой. Несколько раз он ловил эхо направленных пси-передач – беззвучные толчки в голову, – пока не увидел на мочках ушей Грехова черные капли пси-рации и не понял, что Габриэль включен в опер-связь и все время получает какие-то сообщения.

Перешли в гостиную, потом в рабочий кабинет хозяина, откуда Грехов позвонил кому-то, выслушал ответ и прекратил разговор, не сказав ни слова. Спросил:

– Что собираешься делать дальше? Предупреждаю только, что ты еще не окреп, несколько дней придется побережться.

²³ Архат – человек, достигший высшего совершенства, вплотную подошедший к состоянию нирваны.

²⁴ Мадхьяма – тот, кто достиг промежуточной стадии реализации бога.

– Я буду осторожен. – Ратибор задумался, уйдя мыслями в себя; скулы резче выступили на лице. – Известно, кто убил физика Вакулу?

Грехов сощурился, от его внимания не ускользнула перемена в настроении гостя.

– Мэтьюз Купер, бывший поликос-инженер. Кстати, он же едва не отправил на тот свет Шадрина.

Ратибор вздрогнул, почувствовал укол боли в висок и медленно выдохнул воздух сквозь зубы.

– Едва не отправил? Значит, Юра жив?

– Уже поправился, Железовский разрешил ему работать в прежней должности.

– Я найду его. – Ратибор имел в виду Купера. Грехов понял.

– Не переоценивай силы, юноша. То, что ты когда-то справился с одним К-мигрантом, ни о чем не говорит, видно, ты баловень судьбы. Но с тех пор они поменяли тактику, нашли способ векторного перехода из любого «привязанного» канала метро на свою базу, обрели энергетическую независимость и так далее. К тому же их возможности полностью никому не известны, даже мне... – Грехов остановился, изучая отвердевшее лицо безопасника. – Короче, я не советую тебе связываться с К-мигрантами, бороться с ними в одиночку трудно, если вовсе не невозможно.

– Трудное – то, что можно сделать немедленно, – тихо сказал Ратибор. – Невозможное – то, что потребует лишь немного больше времени²⁵. Я найду его.

Грехов посидел немного, не меняя позы, потом резко встал и вдруг застыл, вслушиваясь в какое-то сообщение.

– Что? – встревожился Ратибор, тоже вставая; он думал о Насте, но спрашивать о ней у проконсула не захотел.

– Глобалисты добились наконец включения ОО-предупреждения²⁶, все компьютерные системы управления синхронизируются в соответствии с задачами ГО, но вряд ли эта мера существенно изменит положение.

– Почему?

– Потому что игнорируется единственное правило запрета на направление деятельности общества в таких масштабах – человечество не имеет максимально полной информации о последствиях атаки на Конструктора и не желает иметь.

– Может быть, не все человечество?

Грехов помолчал, прислушиваясь к шепоту инка, буркнул короткое: «Жду», оглядел наряд Ратибора.

– Итак, ты уходишь?

Ратибор понял, что Габриэль ждет гостей, тоскливо заныло в груди. Проконсул хмыкнул.

– Гости я и в самом деле жду, но лучше тебе их не видеть. – Габриэль исподлобья взглянул на вспыхнувшего Ратибора. – Одевайся, одежда твоя в шкафу в спальне. И учти: за моим домом ведется наблюдение, и выйдя из него, ты автоматически попадешь под надзор.

– К-мигранты?

– Они. Уважают.

Ратибор побрел переодеваться. А когда натягивал новые мокасины с маркой «Маленький Мук» – точно по ноге, – в доме сработало метро. Ратибор прислушался: из коридора донеслись чьи-то голоса, странные металлические перезвоны и глухие удары, от которых заметно вздрагивал весь дом. Впечатление было такое, будто по коридору прошествовал закованный в латы гигант-рыцарь... или слон. Раздумывая над словами Габриэля о гостях: «Лучше тебе

²⁵ Сантаяна.

²⁶ ОО-предупреждение – система методов по предупреждению ошибок управления и отработки команд.

их не видеть», Ратибор машинально выпил бокал прозрачного, как слеза, напитка, который предложил ему медкомплекс, и, пройдя коридор, заглянул в гостиную.

Он успел заметить странную горбатую фигуру, карикатурно напоминающую человека, до половины закованную в полированный металл, с грубым, глыбообразным торсом, отливающим лоснящейся чернотой, и в следующее мгновение толчок в грудь отбросил его в глубь коридора, дверь в гостиную закрылась. Через несколько секунд она выпустила хозяина с ярко-красным стержнем в руках.

– Извини, я не предупредил. Могу вызвать такси. Впрочем... – Грехов оглянулся на дверь, кинул в нее стержень, который исчез без стука. – Иди через метро, код выхода сообщит автомат запуска. Понадоблюсь – зови. И не увлекайся охотой за К-мигрантами, они – побочные дети Конструктора и сами жертвы обстоятельств, изгои, а главное, более несчастны, чем самый несчастный из нас.

Ошеломленный Ратибор кивнул, но пришел в себя только в кабине метро, более просторной, чем можно было судить об этом из коридора.

– Куда? – меланхолично задал вопрос автомат запуска.

– Домой, – вздохнул Ратибор, вспоминая поговорку: мой дом – моя крепость. Дом Грехова полностью отвечал этому постулату.

– Ближайшее метро – вторая станция Рославля. Счастливого пути.

И Ратибор вышел в вестибюль рославльского метро, машинально запомнив код выхода на метро Грехова.

Почти час он бродил по городу, ошалев от чистого воздуха, простора, ярких весенних красок и особой тишины, присущей только городу-лесу, и продолжая вспоминать сцену у Грехова. Кто это был? Человек в спецодежде, в особом скафандре? Не похоже, да и скафандров таких не существует, уж это Ратибор знал точно. Ряженный? Едва ли, до праздников далеко, а просто так разгуливать в этом наряде по городам и весям никто в здравом уме не станет. Робот-андроид? Тоже не очень-то удачное объяснение: андроиды используются так редко, что встретить их в обычной квартире практически невозможно. Тогда кто это был?...

И чем дольше анализировал ситуацию Ратибор, тем больше склонялся к мысли, что он видел... чужанина! Роида. Правда, самым уязвимым местом гипотезы было ее логическое обоснование: с какой стати чужанин вдруг захотел нанести визит землянину, в то время как состояние отношений роидов и людей – нулевое? На этот вопрос ответа у Берестова не было, и он решил пока не ломать голову над загадкой, позволив себе только воскликнуть в душе: ай да проконсул! Сколько же тайн хранит твоя родовая «крепость»?...

Нагулявшись, Ратибор некоторое время привыкал к дому, приводил мысли в порядок, прибирался, переодевался, разговаривал с «домовым», смотрел программу новостей по видео: мир жил своей многогранной жизнью, строил и разрушал, сажал деревья и вырубал леса, рожал и хоронил, смеялся и плакал, и все это – сквозь тихую, но отчетливо слышимую ноту режима тревоги, порождающую в душах темные тени суеверного страха и неуверенности в завтрашнем дне.

Дважды он порывался позвонить Насте, но оба раза по какой-то необъяснимой причине срабатывал внутренний выключатель, останавливающий начавшееся было движение; не интуиция, скорее опасение увидеть Настю в чужой компании, веселящуюся, забывшую обо всем... Воображение рисовало некрасивые сцены появления Ратибора в разгар веселья, и в конце концов он заблокировал мысли о девушке насмерть, приказав себе включиться в прежний ритм жизни безопасника: у него была цель, и следовало идти к ней самым коротким путем. Но если до миссии посла он был коброй, то есть руководителем обоймы риска, имея почти неограниченные возможности для оперативной работы, то теперь стал гриф-мастером, оперативником-одиночкой, и следовало приспособливаться к новому положению как можно быстрее.

Все еще прислушиваясь к своим ощущениям, находя в них все новые оттенки при смене рода деятельности – принимая душ, он, например, испытал восхитительное чувство раскрытия пор кожи, – Ратибор наконец составил в уме программу действий, переоделся в спортивный комби серого цвета с черными кармашками и поясками, нацепил пси-рацию и настроил ее на трек отдела безопасности, используя свой личный код: теперь он мог получать все новости, поступающие в отдел.

Звонить друзьям он не стал.

Голова изредка побаливала («Блуждающие боли», – вспомнились слова Грехова), и, хотя он не привык обращать внимание на такие мелочи, организм сам знал, как с ними бороться, тем не менее ради страховки Ратибор решил пройти медосмотр.

В медсекторе управления его знали и приняли как надо, выразив симпатии в виде улыбок и похлопываний по плечам и спине: все было ради его возвращения, зная, откуда вернулся бывший оператор-прима «Шторма». Дежурный врач-универсалист со смешной фамилией Задира быстро набрал программу медицинскому инку, и Ратибор, раздетый до плавок, нырнул в узкий коридорчик аналитического комплекса. Когда он вышел с другой стороны и увидел физиономию врача, представлявшую собой скульптурную маску бога изумления, он даже перепугался, заподозрив самое худшее – скрытые психические отклонения, но врач развеял его подозрения:

– Елки-палки, вот это тонус!

Смотрел он на дисплей, и Ратибор тоже заглянул в белый объемный куб, но увидел лишь облако мигающих зеленых огней, какие-то светящиеся цифры, знаки и символы.

– Никогда не думал, что увижу подобное снова! – Врач все еще пребывал в нокдауне, пораженный до глубины души.

– Так плохо? – спросил Ратибор, одеваясь.

Врач очнулся, шибко потер ладонью затылок.

– Наоборот, ваш КЗ²⁷ на порядок превышает КЗ нормального человека! Как и остальные параметры вплоть до кардиорезерва! Например, вы реагируете на оптические раздражители в пятнадцать раз быстрее, чем требуется по норме – до десяти миллисекунд вместо ста пятидесяти. Или вот еще: предельная скорость обработки информации в мозгу человека – пять тысяч бит в секунду, а у вас этот показатель – пятьдесят шесть тысяч! Не знаю, с помощью какого тренинга вам удалось это сделать, по-моему, таких приемов не знает ни традиционная медицина, ни восточная, ни какая другая. Таких приемов просто не существует в природе!

– Значит, я здоров!

– Как Бог! – вырвалось у врача. – Вернее, как Геракл! Вы хоть сами-то понимаете, какие у вас резервы? Вы же можете завязать узлом гриф штанги.

– Это неплохо, – кротко сказал Ратибор. – Хотя в истории есть примеры и похлеще, помните – Железный Самсон? Или Поддубный. А сколько русских богатырей мы не знаем? Да, – вспомнил Ратибор, – вы говорили, что видели подобное второй раз. А первый раз у кого?

– У шефа КОБ Железовского.

Берестов кивнул и оставил ошарашенного врача вместе с его не менее ошеломленной гвардией. От сердца отлегло, с организмом все было в порядке, какие-либо отклонения медики заметили бы, а это означало, что таинственная фармакопея Грехова (или «серого призрака»?) действовала безотказно, возродив его из того «пепла», что остался от безопасника после долгого путешествия внутри Конструктора.

Используя сертификат кобры, он в три приема: управление – база «Радимич-2» – спейсер «Клондайк» – добрался до тактического центра управления режимом ГО в Солнечной системе и застал Железовского на смене дежурства.

²⁷ КЗ – количество здоровья, термин, обозначающий количество воздуха, прокачиваемое через легкие за секунду.

В зале кроме комиссара присутствовали еще пять человек, трое – «первая» смена: командир погранслужбы Эрберг, президент Академии наук Земли Максимов и незнакомая смуглая женщина в саронге, вероятно, член СЭКОНа, и трое – «вторая»: Железовский, кобра погранслужбы Демин и директор УАСС Кий-Коронат.

Немая сцена длилась недолго, первым опомнился Демин:

– Чур меня!

Осторожно дотронулся до плеча Ратибора.

– Кажется, не привидение... Берестов, это ты или новый тест Конструктора?

– Навь!²⁸ – сказал Кий-Коронат, отмахиваясь пальцем.

– Ну уж нет, на мертвеца не похож, – возразил Демин, и они оба посмотрели на застывшего комиссара.

Человек-скала наконец шевельнулся и молча обнял Ратибора так, что тому пришлось растопыриться изо всех сил, чтобы не быть раздавленным. Их мысленный диалог длился немногим больше трех секунд, но они прекрасно поняли друг друга, после чего Железовский снова превратился в каменного «роденовского мыслителя», скупого на жесты, мимику и слова.

– Что говорят медики?

– Ничего страшного, я у них только что был.

– Мог бы сообщить о своем появлении сразу, – ворчливо заметил Кий-Коронат, залезая внутрь кокон-кресла. – Это непорядок.

– Черт меня дерит, я счастлив, что ты жив! – Демин сжал локоть Берестова и тоже уселся в кресло. – Извини, пора включаться в бдение, вечером – ко мне, без возражений!

Ратибор с улыбкой пожал плечами, благодарно покивал в ответ на возгласы и пожелания здоровья уходящей смены.

– Созвонимся.

– Иди, – сказал Железовский. – К работе ты еще не готов. Потом разберемся, куда тебя можно пристроить. Твой спаситель – Грехов?

– Он сказал – серый призрак, Сеятель. Но очнулся я у него.

– Он на Земле?!

Удивленный реакцией комиссара, Ратибор кивнул.

– А где ему надлежит быть?

Железовский, Кий-Коронат и Демин переглянулись.

– Сюрприз, – усмехнулся директор УАСС. – Его ищут чуть ли не все розыскники отдела, а он на Земле.

– Что в этом удивительного?

– Ничего, если учесть, что исчез он вместе со своим драккаром здесь, возле Конструктора. – Комиссар-два отвернулся, повозился в кресле и застыл, полузакрыв глаза, сразу включившись в переговоры с десятком вызывающих центр абонентов.

– Хочешь посмотреть на Конструктора снаружи? – спросил Демин, меняя тему разговора.

Изображение звездного поля в главном обзорном виоме вздрогнуло, и весь его объем заняла странная, чарующая взгляд картина: колоссальный оранжевый, но не ослепляющий язык огня с волнующимися, трепещущими краями, внутри которого угадывалось какое-то струение, движение туманных волокон и спиралей, непрерывный плавный переход друг в друга разнообразных геометрических фигур, диффузных форм, и просто «клубы дыма» со вспыхивающими яркими золотыми искрами.

– Красиво? – спросил Демин, понизив голос.

– Не отвлекайтесь, – проворчал Кий-Коронат, – с погранзаставой будете работать вы.

²⁸ Навь – мертвец, вставший из могилы, призрак мертвеца (*древнерус.*).

– Внимание, оптическое предупреждение! – раздался пси-голос координатора спейсера. – Охранению приграничных зон императив «смотри в оба»!

– Очередная трансформация форм, – пояснил Демин, не меняя рассеянного тона, он тоже присоединился к оперативному полю управления и начал «пасти» свой сектор ответственности. – «Факел» – одна из наиболее простых его конфигураций, проще только эллипсоидный диск, похожий на огромный человеческий глаз.

В следующее мгновение «язык огня» Конструктора буквально за несколько секунд превратился в сгусток невиданных по сложности светящихся фигур, описать которые можно было только формулами, но никак не человеческим языком. Каждый завиток этого сверхсложного конгломерата форм «дышал», то усиливая свечение, то превращаясь в тлеющую головешку, и подчинялась эта пульсация свечения определенному ритму, напоминающему ритм там-тама. Холодок страха протек у Ратибора между лопаток, когда он представил, какого масштаба объект подчиняется синхронному переливу свечения с точностью до тысячных долей секунды, в то время как даже свет мог обжегать тело Конструктора не раньше чем за две с половиной минуты!

– Внимание, наблюдается «еж-эффект»! – предупредил координатор. – Полное капсулирование!

– Изредка он вдруг начинает излучать энергию узкими пучками, «струнами», – пояснил Демин, – во все стороны, словно еж иголками ошетиливается. Похоже – держит с кем-то связь.

Ратибор уловил косой взгляд Железовского, понял, что мешает, и заторопился.

– Последний вопрос: кто из ученых занимается исследованием возможностей К-мигрантов? Савич или кто-то из его команды?

– Зачем это тебе? – буркнул комиссар.

– Пора несколько ограничить их террористическую деятельность.

– Тебе это не по зубам, – недовольно проговорил директор УАСС.

Ратибор посмотрел на него, не желая возражать. Железовский смотрел на безопасника, взвешивая решение.

– Обойму я тебе дать не могу, даже малую, свободных попросту нет.

– Поработаю в одиночку. Дайте проводку по треку в качестве свободного охотника.

– Сил хватит? Ты хорошо обо всем подумал?

– Да, – твердо ответил Ратибор.

– Освобожусь – поговорим. Настя знает, что ты... здесь?

– Нет.

Железовский повернул к нему голову, и Ратибор почувствовал мгновенный стыд, будто сделал такое, чему нет прощения. Голова закружилась, приступ слабости накатил неожиданно и остро, словно прорвало плотину. Стараясь не упасть, он слепо добрел до двери, закованный в броню эмоциональной блокировки, провожаемый внимательным взглядом комиссара: Аристарх понял его состояние, но не показал виду. В коридоре Ратибор отдохнул, справился с приступом, выслушав «доклады» всех органов тела, и вдруг с пронзительной четкостью увидел лицо Насти и услышал ее замирающий шепот: «Ра-ти-бор...»

Свободная охота

Он проспал без малого двадцать часов, настроив сторожевые центры тела на малейшее изменение полей во всем доме и разобравшись в причинах приступов слабости: еще на спейсере тактического центра ГО Ратибор понял, что надо сначала вылечить, а потом действовать. Вернувшись домой, он определил неадекватно работавшие нервные узлы и мышцы, усилил обмен веществ в организме, заставив работать железы и мышечные волокна, чтобы вывести наружу всю чужеродную органику, потренировал вазомоторику сердечно-сосудистой системы и лег спать с уверенностью в собственных силах.

Встал свежим и готовым к переходу на оперативное бодрствование. Позавтракал, вернее, поужинал – шел десятый час вечера по времени Рославля. Мысли шли двумя параллельными потоками: первый поток – о Насте, второй – о госте Грехова, который не мог быть никем иным, кроме чужанина. Но каким образом проконсулу удалось вступить с ним в переговоры, что их связывало, какие цели преследовались, догадаться было невозможно, зато фантазия Ратибора подсказывала ему такие варианты альянса Грехов – чужане, будила такие ассоциации, что становилось нехорошо на душе. С одной стороны, Габриэль спасал Берестова не однажды и последовательно отстаивал интересы людей, а с другой – он так же последовательно продолжал какую-то таинственную деятельность, подчиненную только его логике и отвечающую только его интересам. В полном одиночестве, не опираясь ни на кого из друзей. Кроме Анастасии Демидовой...

Не ощущая вкуса, Ратибор допил кофе, одеваясь, выслушал по треку последние новости: Конструктор пересек орбиту Урана и через неделю должен был пройти мимо Сатурна с его уникальными кольцами и обширной системой спутников. Напряжение, с каким ожидало человечество его дальнейших действий, сгущалось, грозя перерасти в панику глобального масштаба, уже сейчас тревожные службы цивилизации с трудом справлялись с возрастающим потоком негативных явлений: случаев антисоциального поведения, вспышек нервно-психических заболеваний и хулиганских действий наименее устойчивых в психологическом отношении групп подростков. Но это было самое плохое – действия эти направлялись многими фанатически настроенными религиозными и неформальными центрами помимо возникших «обществ по спасению Конструктора», а в некоторых случаях с наиболее жесткими последствиями чувствовалось влияние К-мигрантов; зная способы «катапультирования» по системе метро в точку с только им известными координатами, К-мигранты легко уходили от наблюдения и преследования, продолжая свою разрушительную работу.

И все же человечество представляло собой достаточно стабильную социальную систему, которую трудно было вывести из равновесия за короткий период времени, большинство людей не теряло надежды на благополучный исход «Второго пришествия Христа», как называли вторжение Конструктора в Солнечную систему деятели церкви. Суть была, конечно, не в термине – в масштабности события, и сохранить душевное спокойствие в подобных обстоятельствах без веры – в высший разум (если не хватает собственного), в исторически оправданный оптимизм, в добро, в милосердие, в Бога, в себя, наконец, – было невозможно. Правда, несмотря на запасы веры, человек продолжал строить защитные системы в «ничейной полосе» пояса астероидов, на подступах к родному дому, предпочитая действовать, а не ждать благоприятного исхода сложа руки... «Дредноуты», – вспомнил Ратибор термин Грехова. Вызвал дежурного отдела:

- Кто занимается проблемой передвижения К-мигрантов по метро?
- Сектор ФИАНа, лидер – Джеффри Губерт, – в пси-диапазоне ответил инк.
- А новыми приемами остановки Конструктора?
- Имант Валдманис.
- Благодарю.

Поколебавшись, Ратибор набрал телекс Насти. Через минуту откликнулся «домовой».

- Прошу прощения, хозяйки нет дома.
- Координаты?
- Не располагаю, извините.

Ратибор выключил виом, некоторое время размышлял, представляя Настю в костюме теннисистки, потом позвонил в Институт внеземных культур. Виом вспыхнул тут же, но вместо девушки в уютной ячейке вычислительного комплекса Берестов увидел черноволосого красавца с энергичным волевым лицом, одетого в ослепительно белый летний костюм.

- Вам кого? – улыбаясь, спросил красавец.
- Я, очевидно, ошибся номером. Это институт?

– Внеземных культур, если не возражаете, сектор ВЦ.
– Анастасия Демидова...
– Ее нет, – быстро ответил черноволосый, улыбка его потускнела, глаза сузились. – Я вас узнал. Вы Ратибор Берестов? Говорили, что вы...

– Не верьте слухам, – сказал Ратибор, узнавший шефа Насти Косту Сахангирея. – Где она?

Сахангирей пожал плечами.

– Убейте, не знаю, и мне теперь самому приходится разбираться с ее заданиями. Если хотите, могу поделиться слухами...

– Не надо, – сухо отрезал Ратибор, выключая связь. Сахангирей знал, где находится Анастасия, но не хотел говорить. Он не любил безопасника, и тот отвечал ему взаимностью.

Пришлось снова обращаться к инку отдела, хотя Ратибор и боялся, что дежурный потребует предъявить полномочия. Однако этого не произошло.

– Примите задание.

– Слушаю. – Инк не требовал даже идентификации вызова, из чего Ратибор сделал вывод, что его позывной оператора тревоги не был выведен из памяти компьютера.

– Найдите координаты местонахождения эфналитика ИВК Анастасии Демидовой.

– Вместе с аналитиками отдела Демидова включена в группу операторов эм-синхро²⁹.

Ратибор невольно вытянул губы трубочкой, словно хотел присвистнуть.

– Режим работы – телекомьют?³⁰

– Нет, группа работает в управлении на больших Умниках погранслужбы.

– Цель работы?

– Экологический прогноз и последствия энергетического ограничения свободы Конструктора.

Безопасник хмыкнул. Формулировка «энергетическое ограничение свободы» могла означать что угодно, от атаки на Конструктора до строительства непроходимых препятствий.

Итак, Настя в управлении и не подозревает о его возвращении. Что ж, пусть работает спокойно, она в своей стихии, а потом можно будет неожиданно навестить ее дома... если только она не живет у Грехова. Настроение сделало попытку испортиться, пришлось приложить некоторые волевые усилия на подавление «бунта» эмоций, из чего Ратибор сделал вывод, что возможности экзосенса в этом отношении не намного выше, чем у нормального человека.

Слежку он заметил сразу же, как только вышел из дома, вернее, не заметил, а почувствовал. Однако так и не смог определить источник возникшей тревоги: следили за ним профессионально, с использованием почти бесшумной – в энергетическом отношении – высокочувствительной техники. С одной стороны, это могли быть оперативники бригады «ланспасад», если Железовский вдруг решил подстраховать его на первых порах, но с другой – наблюдение могли вести и К-мигранты, поэтому игнорировать этот вариант Ратибор не имел права. Активные действия начинать было рано, и он решил выждать, надеясь, что наблюдатели рано или поздно себя выдадут.

Метро без происшествий доставило его на Чукотку, в Анадырь, откуда пассажирский неф местных транспортных линий перенес Ратибора в Кымылькут, один из детских учебных городков края, которым заведовал Егор Малыгин.

Ощущение взгляда в спину не проходило, и Ратибор подумал, что либо ведут его цепко, либо наблюдатели перекрыли и городок, хотя за кем здесь можно было следить, кроме детей, учителей с семьями и Егора, представить было трудно.

²⁹ Синхро – компьютерная система, работающая по заданной проблеме в режиме синхронизации всех машин по данной теме и необходимых банков данных.

³⁰ Телекомьют – система с использованием на дому персонального компьютера для связи с универсальными вычислительными машинами для выполнения тех задач, что и на рабочем месте.

Он мог бы взять такси, от пассажирского терминала до коттеджа, в котором жил Егор, было около трех километров, но Ратибор решил пройти это расстояние пешком. По местному времени шел седьмой час утра, и хотя климат на Чукотском полуострове давно перестал быть резко континентальным, майские температуры на Анадырском плоскогорье не превышали плюс пятнадцати градусов по Цельсию.

Через пятнадцать минут Ратибор достиг высшей точки здешних мест, откуда начинался спуск в долину, и остановился. Он увидел живописный каньон, по дну которого бежала прозрачная речка, каменистые склоны, местами обрывающиеся почти отвесно, полосы лиственничной тайги под склонами каньона с поднимающимися над ними гольцами, гладь небольшого озерца, на берегу которого раскинулись красивые строения детского городка. Вид был прекрасен, но чувство скрытого наблюдения мешало воспринимать красоту в полной мере, и Ратибор двинулся дальше, напрямик через лес, сквозь заросли японского ильма, липы, черемухи и лимонника, сквозь море тысячи запахов и музыку тысячи звуков от шелеста травы до возни букашек в слое почвы. Под наиболее густыми кронами деревьев он задерживался и сквозь листву вглядывался в небо, пытаясь определить расположение предполагаемого аппарата наблюдения, но даже с новым зрением и возросшими аналитическими возможностями сделать это не удалось. Аппаратом наблюдения мог быть и низкоорбитальный спутник, и практически прозрачный в широком диапазоне волн миниатюрный антиграв, и «писк», а то и десяток «писков» – шедевров молектроники и микроэнергетики размером с пылинки, широко распространенных средств контроля за аномальными явлениями природы.

Егор делал зарядку на плоской крыше своего бунгало по древнекитайской системе ушу. Ратибора он заметил еще десять минут назад, когда тот преодолевал скальный уступ, но спрыгнул с крыши лишь в последний момент, закончив комплекс упражнений. Они сжали друг другу руки, и Егор с недоумением посмотрел на свои слипшиеся пальцы.

– Привет, скиталец. Если это ты, конечно. Раньше ты не был таким здоровым.

– Привет, шаман. Раньше я был нормальным оперативником, а теперь стал нормальным хомозавром.

– Вижу. Чувствую. Мыслеблок давно ставить научился?

– Вчера, – ухмыльнулся Ратибор.

– Я же говорил Насте, что ты вернешься.

Они обнялись. Егор выкупался в бочажке протекавшего за коттеджем ручья, надел хакама и пригласил гостя в дом.

– Давно вернулся? – Учитель задал вопрос не вслух, а мысленно, и Ратибор, улыбнувшись в душе, ответил на эту проверку в пси-диапазоне:

– Не знаю.

Егор не удивился, только оглянулся заинтересованно, завел гостя на кухню.

– Завтракать будешь?

– Уже. Так ты встречался с Настей?

– А разве она тебе не говорила? – Егор на расстоянии включил кухонный комбайн; у него стояла компактная «Самобранка-90».

Ратибор помолчал.

– Я ее не видел. Она работает в эм-синхро...

– Ну и что? – Егор нахмурился, сел на оригинальный диван в форме деревянной скамьи. – Что помешало? Или все было не всерьез? Любовь не позвала, а лишь окликнула? Садись ошуюю. – Он хлопнул ладонью по скамье.

– Что? – не понял Ратибор.

Егор улыбнулся.

– Ошуюю – по левую сторону, так мой дед говорил. Сейчас это слово не употребляется.

Гость сел рядом. От Егора, сидевшего в расслабленной позе, исходила тем не менее такая надежная сила и уверенность в себе, что в ответ хотелось напрячь мускулы и подтянуться.

– Ты считаешь, я перегорел?

– Да нет, на тебя это не похоже, обычно ты горишь долго. В чем дело?

Комбайн тихо присвистнул и выдал завтрак: овощной салат, гренки с сыром, чашечку брусничного варенья и два стакана горячего молока. Егор придвинул Ратибору один стакан и принялся завтракать. Безопасник взял стакан, повертел его в пальцах и глухо сказал:

– Егор, еще один претендент...

– Грехов, – кивнул спокойно Егор. – И что же? Разве она не сделала выбор?

– Не знаю. Иной раз начинают грызть сомнения... к тому же меня долго не было...

– Значит, я все-таки прав: ты перегорел, брат. Иначе не рассуждал бы как человек, желающий оправдаться. Чтобы узнать, ждали тебя или нет, надо просто посмотреть ей в глаза.

В гостиной зазвонил «домовой». Егор подхватился со скамьи, стоя допил молоко, ответил на вопросительный взгляд Ратибора:

– Дети. Вика звонит, не терпится узнать мое мнение о вчерашнем ее выступлении.

Гостиная учителя представляла собой сад в миниатюре. Егор когда-то заинтересовался бонсаи – японской традицией выращивания миниатюрных деревьев в цветочных горшочках, потом создал свою оригинальную методику, и теперь его дом превратился в художественно-ботаническую галерею цветущих растений, в которых трудно было узнать привычные всем яблони, вишни, клены, ели и даже секвойи – высотой не выше метра!

Голос хозяина донесся из гостиной вперемешку с чистым звонким девичьим голосом и смехом. Ратибор покачал головой, машинально поправил сережку пси-рации в ухе. Словно уловив этот жест, дежурный отдела передал ежечасную сводку событий. Главными были концентрация роя кораблей чужан в кильватере Конструктора и появление новых групп серых призраков.

Ратибор все еще размышлял об этом, когда Егор позвал его в гостиную и усадил, как всегда, в самом уютном уголке – солнышке³¹, как он называл.

– Что похмурил? Тревожные новости? Я вижу, ты уже подсоединился к треку. – Егор кивнул на черно-золотую каплю пси-рации.

– Новости как новости, – нехотя проговорил Ратибор.

Егор улыбнулся, разглядывая лицо друга.

– Ты изменился, брат. Раньше ты был открыт, как берег океана, а сегодня я не могу прочесть в твоей душе, и это меня откровенно тревожит. Но о психологии – ни слова. А насчет новостей ты прав, самой тревожной новостью в последнее время является факт вторжения Конструктора в Систему.

– Боюсь, назревает конфликт, и мы в нем занимаем далеко не лучшую позицию.

– Ну, с одной стороны, конфликтные ситуации – нормальное состояние эволюционирующего социума. Из генетики мы знаем, что существа, у которых нет врагов, обречены на вымирание из-за отсутствия естественного отбора. А с другой стороны, мне далеко не безразлично, как поведут себя в данной ситуации люди. По-моему, нужна немедленная оферта³².

– Конструктор нас не слышит. А может быть, не понимает. И я не уверен, что виноват в этом он. Если уж мы не в состоянии заключить договор с чужанами, то что говорить о контакте с Конструктором? В любом контакте преследуются две цели, первая – привлечь внимание, вторая – его удержать, а мы все еще топчемся у порога реализации первой цели. Неда-

³¹ Солныш – угол в крестьянской избе для женщин и печи (*древнерус.*).

³² Оферта – предложение заключить договор, обращенный к определенному лицу и содержащий перечисление условий предлагаемого договора.

ром все чаще раздаются голоса, что договор между гуманоидным разумом и негуманоидным невозможен принципиально.

– Негуманоидным, в данном случае, наверное, – небиологическим? Может быть, скептики правы? Негуманоиды не знают, что такое эмоции, а тот, кто не чувствует боли, редко верит в то, что она существует, как сказал когда-то философ³³.

– Вопрос отсутствия эмоций у негуманоидов спорен, к тому же я вдоволь попутешествовал внутри Конструктора и знаю, что он – чувствует. Я знаю также – что он чувствует.

– И что же?

Ратибор помолчал, вспоминая пережитые им странные и страшные ощущения, ломающие волю и рассудок.

– Абстрактного, абсолютного добра не существует, как и зла, эти понятия всегда относительны, но зато я понял, что может быть абсолютным – страдание.

Егор смотрел на него, чуть прищурясь, пошевеливая бровью, с каким-то сомнением, и Ратибор добавил:

– Конструктор находится в бессознательном состоянии, если можно применить земной термин, я убежден в этом. Поэтому ни о каком полноценном контакте речь не идет. Понимаешь теперь, от кого зависит ситуация?

– От нас.

– Bravo, шаман, сообразил! Правильно, от нас, людей, от нашего ума, дальновидности, запаса доброты и любви.

Егор хмыкнул.

– Ты говоришь, как Грехов, его словами.

– Значит, наши мнения сходятся. Ты с ним знаком?

– Лично не знаком, но разве это важно? У меня свои источники информации.

Они улыбнулись друг другу.

– Ты один? – спросил Ратибор.

– Почему же один? – Егор хитро прищурился, он понял подоплеку вопроса. – Я с тобой. К тому же у меня в подчинении ватага из двадцати сорвиголов. – Учитель вдруг погрузился и тут же рассмеялся, отлично владея оттенками разговора. – Моя невеста еще не родилась. Хотя... кто знает?

Снова зазвонил «домовой», сказал сварливо:

– Опоздаешь, паря!

Егор взглянул на изумленную физиономию Ратибора, засмеялся и вскочил с дивана-скамьи.

– Он у меня контролер строгий. Или тебе не нравится лексикон? Извини, пойду переодеться, не люблю, чтобы дети меня ждали.

Ратибор встал, вызвав отчет времени: сорок минут пролетело незаметно, на душе посветлело, настроение улучшилось, несмотря на психологическое давление внешнего контроля. Егор был надежен, как утес, на него всегда можно было положиться.

Учитель вышел, одетый в удобный полуспортивный комби голубого цвета, он всегда одевался строго и со вкусом.

– До связи, кобра?

– До связи, шаман. Только я уже не кобра, побуду грифом пока, поиграю в охотника и дичь.

Егор перестал улыбаться, положил руку на плечо гостя.

– В любой игре есть элемент непредсказуемости, но если в спортивных состязаниях проигравшие участники игры просто выбывают из нее, то в твоём варианте побежденный не смо-

³³ Сэмюэл Джонсон.

жет присутствовать на вручении медали победителю. И еще учти: К-мигранты не люди, не интрасенсы и даже не экзосенсы, и логика у них своя, К-логика.

– Ну ты даешь! – пробормотал ошеломленный Ратибор. – Эти-то сведения откуда? Я имею в виду, что я занимаюсь К-мигрантами.

– Я шаман, – серьезно сказал Егор, – а у шаманов свои методы добычи информации. Может быть, у меня связи среди высших духов? – В глазах учителя на миг мелькнули веселые искорки. – Прими последний совет: спящий маг всегда бодрствует. Будет туго – позови, возможности у тебя есть, я услышу. Кстати, за тобой кто-то подвесил «глаза». Я почувствовал это сразу, как ты появился. Может быть, это твой любимый шеф прицепил тебе «ланспасад», а может быть, и не он. Ну что, побежали?

Ратибор обнял друга и не сказал – подумал: я чертовски рад, что ты есть!

И услышал в ответ мысленное: а я чертовски рад, что ты вернулся, брат!..

В Рославль он прибыл в первом часу ночи, приглядываясь по пути к лицам пассажиров метро. Лица были как лица, не более оживленные, чем обычно, и не менее, и все же веселых людей не встретилось безопаснику совсем. Дома он выслушал очередной доклад дежурного по отделу и решил не откладывая нанести визит физикам, бьющимся над проблемой загадочной свободы передвижения К-мигрантов по каналам метро. История повторялась: снова действия К-мигрантов угрожали безопасности людей, практически не подозревавших об их существовании – строителей, энергетиков, технологов, операторов различных производств, – и следовало как можно быстрее обезвредить террористов, не желающих внимать голосу рассудка. Железовский понимал это, иначе не разрешил бы работать Берестову в одиночку. Если только не подстраховал его обоймой телохранителей – наблюдение за собой Ратибор считал несомненным фактом.

По сообщению дежурного Имант Валдманис работал с коллегами в лаборатории проблем связи Физического института, расположенной в Подмоскowie, и практически не покидал ее стен, однако Ратибора в лабораторию не пустили, даже когда он предъявил сертификат кобры отдела безопасности. Ошеломленный отказом, безопасник сначала не поверил ушам, когда фантом работника института, одетый в форму пограничника, вежливо проговорил:

– Извините, но пропустить вас в лабораторию я не имею права.

– Почему? – не нашелся что спросить еще Ратибор. – Я работник отдела безопасности.

– По двум причинам: идет эксперимент – раз, и у вас нет допуска – два. К тому же по треку недавно было передано предупреждение в связи с появлением К-мигрантов. Обратитесь в управление за допуском. Только вряд ли вам его дадут. – Юноша-координатор, уверенный в своей значимости и важности доверенной работы, скептически оглядел фигуру Берестова, развел руками. – Попробуйте, если питаете надежду.

Ратибор усмехнулся в душе, вспомнив себя двадцатилетнего. Интересно, в те годы он тоже был таким же спесивым и самонадеянным?

– А если к вам заявится К-мигрант? – с любопытством спросил он.

– Вряд ли он осмелится, – надулся юнец. – В лабораториях дежурят обоймы «ланспасад» – раз, включены защитные экраны – два, в помещениях включен постоянный комп-контроль – три. Пусть пробуют – далеко не пройдут.

– А если у них будет допуск?

– Тогда сработает экспертная идентификация: данные о К-мигрантах введены в память машины входного контроля.

– Здорово! – восхитился Ратибор. – А если они для изменения облика воспользуются «динго»?

Молодой человек открыл рот, закрыл, нахмурился, смерил безопасника взглядом.

– Мне непонятна ваша ирония, сударь. Извольте не занимать канал связи.

Биом погас.

Ратибор на глаз измерил высоту барьера, перекрывшего вход в лабораторный корпус, пожал плечами и поспешил к ожидавшему его пинассу. Проникнуть на территорию института несложно, однако поднимется тревога и шум, многие люди будут отвлечены от основных забот и переживут напрасные волнения, проще получить допуск официальным путем.

Размышляя, чем можно объяснить странную забывчивость Железовского, почему-то не давшего ориентировку инку на императив «свободная охота», и не зная, искать самого Аристарха или попробовать обойтись без санкций высокого начальства, Ратибор во втором часу ночи появился в погрансектор управления и нос к носу столкнулся с Эрбергом.

Командор погранслужбы мельком взглянул на него, собираясь обогнуть, узнал и остановился.

– Берестов? Какая встреча! Я уже слышал о вашем выздоровлении, но не чаял увидеть скоро. Что за нужда привела вас в управление?

– Шел в сектор прямого допуска, но раз уж вы здесь, помогите получить полномочия свободного охотника.

Командор погранслужбы проследовал дальше по коридору, оглянулся через плечо.

– Разве Аристарх не дал проводку по отделу?

– Я не знаю, почему он этого не сделал, а обращаться напрямую еще раз, отвлекать его от дела не хотелось, он как раз сейчас дежурит.

Дошли до кабинета командора, Эрберг вытянул руку, пропуская безопасника вперед. В кабинете, видеопласт которого воспроизводил морской пейзаж, он вызвал сектор допуска, за несколько секунд просмотрел высветившийся в толще доски стола список работников Совета безопасности, имевших сертификаты особых полномочий, нашел в нем фамилию «Берестов» с мигающей алой звездочкой и набрал на сенсоратуре стола распоряжение. Алая звездочка на фамилии Ратибора сменилась зеленой, вспыхнула и погасла надпись: «Проводка по императиву „СО“ разрешена».

– Жетон получите на выходе. – Эрберг не спросил, зачем Ратибору карт-бланш, он был озабочен и думал о своем. – Все?

Ратибор кивнул. В тот момент в кабинет не вошел – ворвался хорошо сложенный высокий молодой человек с лихим чубом и горящими от возбуждения глазами. Заметил постороннего и остановился, небрежно кивнув.

– Все в порядке, отбили! – отрапортовал он.

Эрберг покосился на безопасника, поднявшего бровь.

– Потери?

– Нет! Эскадрилья вернулась на базу в полном составе.

Командор хмуро улыбнулся, подмигнул Берестову.

– Нравится воевать?

Юноша – румянец во всю щеку – посмотрел на Ратибора; чем-то он напоминал пограничника, отказавшегося пропустить Берестова в лабораторию, – те же самолюбие, игра мускулов и убежденность в своей исключительности.

– Есть упоение в бою!

– Это хорошо, Халид, но не теряйте головы от восторга, побольше хладнокровия и расчетливости, поменьше лобовых атак. С Конструктором у вас этот номер не пройдет.

– Пусть сунется! – вызывающе ответил пограничник. – Мы и ему покажем, как нужно защищать границу! – Он четко повернулся и вышел.

Эрберг и Ратибор посмотрели друг на друга.

– У вас все такие орлы?

– Халид молод и горяч, но дело знает. Самый молодой из кобр сектора.

– Что за бой?

– К-мигранты снова предприняли попытку нападения на монтажные комплексы в зоне астероидов. Остальное вы слышали.

– Я не понял, о какой лобовой атаке вы говорили.

– Оружие мы применяем только в крайнем случае, и этот парень – я уже говорил, второй день кобра, – пошел на таран когга нападавших. Тот ускользнул.

– Значит, управлял им К-мигрант, «серый человек» не ускользнул бы, учтите.

Эрберг нахмурился.

– Кажется, я об этом не подумал. Спасибо. Рация есть? Тогда удачи тебе, свободный охотник.

Через полчаса Ратибор входил в здание лаборатории, погруженное с виду в сонную темноту и тишину. Ощущение внешнего наблюдения притупилось, но не исчезало, это начинало действовать на нервы.

На контроле входа дежурил другой пограничник, и задержки не возникло, однако Иманта Валдманиса удалось вытащить из вычислительного центра лаборатории, на двери которого светился транспарант «Идет эксперимент», только с третьей попытки. Увидев безопасника, молодой ученый не обрадовался, но и не удивился. Он был поглощен решением какой-то мысленной задачи и отвлекаться не хотел.

– Прошу прощения, что отрываю от работы, – извинился Ратибор. – Нужда заставляет. Постараюсь не отнимать много времени. У меня к вам всего три вопроса, один – интересующий меня профессионально, два – в порядке общего развития.

– Валяйте, – вздохнул Валдманис, с трудом возвращаясь к действительности из дальней гиперболической математики.

Они сели в нише у шипящего фонтанчика на изоморфный диван, подстраивающий форму под желания седоков.

– Чем грозит человечеству длительное пребывание Конструктора в Системе? Кроме изменения ее геометрии и орбитальных нарушений.

В глазах Валдманиса мелькнул интерес.

– Это вопрос из какого раздела вашей классификации? Впрочем, не имеет значения. Если Конструктор будет вести себя смирно – вы это имели в виду? – то он нарушит термодинамическое равновесие Системы. Уже сейчас мы сидим на пределе производства энергии на душу человека – двадцать киловатт, хотя для удовлетворения всех наших потребностей хватило бы и десяти-пятнадцати киловатт; естественно, условия существования человека из-за этого пересыщения не улучшаются. Экологическое ограничение для Солнечной системы – десять в двадцать третьей степени ватт, а Конструктор хотя и излучает на два порядка ниже, все-таки его энергопоток...

– Я понял. Вопрос такого же плана: вы уверены, что вакуум-резонаторы подействуют на Конструктора, если придется их включать?

Валдманис характерным жестом взлохматил волосы на лбу.

– Ну и вопросы вы задаете! Теоретически ни одно материальное тело не может выдержать ТФ-резонанса, раздирающего элементарные частицы на глюоны и кварки, но вот подействует ли ТФ-поле на Конструктора – сомневаюсь. Правда, специально я этой проблемой не занимался.

– Тогда вопрос последний: как скоро вы решите проблемы свободы передвижения К-мигрантов по каналам метро?

Молодой физик погас, и стало заметно, что он устал.

– Проблема оказалась сложнее, чем мы думали. На нее работают Европейский эм-синхро и японский филиал, но подходов не видно. Предварительный вывод – векторный переход из любой реперной станции метро в определенную точку пространства невозможен. Нужны теоретические разработки, необходимо углубляться в математическое обеспечение теории. – Вал-

дманис расслабленно пошевелил пальцами, теряя охоту к разговору, потом вдруг оживился. – Зато мы, кажется, набрали на разгадку «абсолютного зеркала» – помните «перевертыш» чужан, с помощью которого вас зашвырнули в чрево Конструктора?

«Еще бы!» – подумал Ратибор, вспоминая свои ощущения во время броска: тяжелое скольжение вниз с невообразимо высокой горы, головокружение, «кипение» кожи от «высокой температуры» и лед в груди на месте сердца...

– Пришлось решать формулы двенадцатимерного пространства с дробными размерностями, – продолжал физик. – И хотя в этом деле много неясных теоретических развилок и вариантов, появилась реальная возможность построить «абсолютное зеркало» в Системе.

– Зачем?

– Как зачем? Да ведь даже Конструктору будет не под силу преодолеть этот барьер!

Ратибор с новым интересом оглядел возбужденное лицо Валдманиса с тенями под глазами и обострившимися скулами.

– Руководство знает об этом?

– Еще нет, ребята не любят давать сырой материал. Но через пару дней получите информацию сполна.

– А если Конструктор столкнется с «зеркалом», что произойдет? Ведь он вельми протяженный объект, представитель даже не макро-, а мегамира, и не сможет отразиться, как теннисный мячик.

Валдманис заспешил – его вызывали, встал.

– Конечно, не сможет, скорее всего он вывернется сам в себя, особенно если будет иметь большую скорость при столкновении.

– Но ведь он будет травмирован! Представьте, что вы на его месте, и от удара ваша голова «вывернулась» в желудок!..

– Аналогия не совсем корректна, – на ходу сказал молодой ученый, – «зеркало» – не стена, а Конструктор – не человек. Конечно, он получит травму, но в каких масштабах – сказать трудно, да и не мое это дело, пусть расчетами последствий занимаются эфналитики и глобалисты. Мое дело – решить проблему. Извините, мне пора.

– Желаю удачи, – пробормотал Ратибор вслед физику и вдруг поймал сформулированную наконец мысль. – Секунду! – остановил он ученого, шагнувшего было в дверь лаборатории. – Можно ли определить, из какой именно станции метро совершен векторный переход?

Недовольное выражение на лице Валдманиса сменилось гаммой мимики – от досады и задумчивости до заинтересованности.

– Теоретически можно – по энергопотреблению. Вся система метро управляется и контролируется из одного центра – «Метротранса» – в Москве, и нештатный режим любой из станций фиксируется, однако ничего подобного до сих пор не произошло: К-мигранты уходят, а импульсов энергопотребления не зафиксировано. – Валдманис виновато развел руками и скрылся за дверью, а Ратибор задумчиво направился к выходу из здания, днем и ночью погруженного в тишину напряженного бдения. Прямо из кабины пинасса он позвонил в управление и попросил узнать, когда освободится Анастасия Демидова, и получил мгновенный ответ координатора:

– Эфналитик Демидова закончила цикл расчетов и покинула территорию ВЦ полчаса назад.

– Куда? – вырвалось у Ратибора.

– Координаты неизвестны.

Сердце отозвалось падением и взлетом. Захотелось бросить машину в небо и гнать на пределе к Настиному дому, однако Ратибор сначала позвонил к себе.

– Звонил Пол Макграт, – доложил «домовой». – Могу дать запись, но это одни эмоции и ноль информации. Видимо, он только что узнал о твоём возвращении.

Ратибор набрал телекс Насти и затаил дыхание, готовый услышать голос девушки и тут же отключить связь, но ответил ему голос ее «домового», лаконично сообщившего, что хозяйка уже две недели в «экстрапоиске» и дома не ночует.

На душе стало тоскливо и холодно, и Ратибор с минуту боролся с собой, твердя, как заклинание, слова Егора: «Хочешь узнать, ждали тебя или нет, погляди ей в глаза». Справившись с эмоциональной волной, он задал курс пинассу, привычно отметил «пропадание шумового сигнала» – он ощущал наблюдение только вне закрытых помещений и машин – и вызвал дежурного по отделу. Пока такси пожирало расстояние между Институтом физики и станцией метро, он выслушал очередную сводку сообщений по треку и точно определил, что будет делать дальше.

В третьем часу ночи он вышел из такси возле хрустальной, с голубыми светящимися прожилками коридоров, глыбы здания «Метротранса» в центре Москвы. Карт-бланш действовал безотказно, и, хотя здание по режиму ГО и вследствие происшедших событий охранялось пограничниками, Ратибор без расспросов и уточнений получил доступ к инку центра, контролирующего сеть компьютеров всей громадной разветвленной системы метро, которая связывала десятки тысяч станций на Земле с планетами Солнечной системы и других звезд.

Объяснив причину прихода и сформулировав задачу, Ратибор, которому уступили место главного оператора, огляделся.

Зал программных операций был невелик и функционально совершенен, как и сотни подобных залов во всех учреждениях, призванных решать сходные задачи. Он был полутемным, освещались лишь основания кокон-кресел, в которых «грезили» с закрытыми или открытыми глазами операторы технического, энергетического и организационного контроля – около полусотни человек. Напротив каждого светился оперативный виом со схемой контролируемого участка, многие операторы переговаривались с абонентами, изредка обращаясь к главному оператору, который на время, отнятое у него безопасником, уступил кресло и отошел к одному из работников смены.

Наконец инк собрал нужные сведения, проанализировал в соответствии с заданием и высветил Ратибору ответ:

– Пиков энергопотребления, связанных с нештатными режимами работы станций, в указанные сроки не выявлено.

– По всем станциям?

– Поиск осуществлен по всем транспортным линиям, кроме линий погранслужбы и отдела Б. Информация, касающаяся работы этих служб, закрыта.

– Проведите поиск в полном объеме! Я Ратибор Берестов, драйвер особых полномочий в режиме «свободная охота». – Ратибор сунул жетон с кодом в цель программатора особых режимов на подлокотнике кресла.

Главный дежурный центра оглянулся на Берестова, как и другие операторы, по молодости лет редко сталкивающиеся со столь неординарными ситуациями, но безопасник не счел нужным оправдываться и посвящать кого бы то ни было в свои планы.

Ответ пришел через семь минут – неслыханно много для инка, работающего со скоростью миллиарда операций в секунду.

– Линии метро особых зон в указанные сроки работали без сбоев. Отмечены незначительные колебания энергопотоков – в пределах допустимых норм – станций метро Базы «Фокс» в Антарктиде и погранпоста «Лямбда» на Меркурии.

– Спасибо. – Разочарованный Ратибор сдвинул назад дугу эмкана и вылез из кресла. – Можете работать, – сказал он дежурному, и тот молча занял свое место.

Решение посетить Грехова пришло в тот момент, когда Ратибор выходил из «Метротранса»: показалось вдруг, что он услышал слабый пси-вызов. И мысль родилась ясная, без сомнений: Настя могла быть только у Грехова, если не появляется дома почти две недели. О

том, что она вполне могла жить у бабушки, равно как и у подруги, Ратибор даже не вспомнил. Не колеблясь более, он добрался до метро и набрал код кабины метро Грехова, врезанный в гранит памяти навечно.

Дом проконсула был погружен в темноту и тишину. И никого в нем не было, ни самого хозяина, ни его таинственного каменноподобного гостя, ни Насти.

Ратибор погулял по дому, испытал облегчение и одновременно жаркое чувство стыда, заглянул на кухню, осушил полный жбан холодного тархуна, смочив пылающий лоб, и посмотрел на себя со стороны: нельзя было сказать, что он проник в чужой дом тайно, и все же чувство неловкости, замешанное на формуле «Незванный гость хуже татарина», осталось. Как и сомнения. Тот факт, что Насти не оказалось в данный момент у Грехова, еще не служил доказательством ее независимого образа жизни.

В памяти всплыло лицо Егора, его укоризненный взгляд.

Ладно, ладно, шаман, пробормотал про себя Ратибор, ревность – штука скверная и даже отвратительная, согласен, но уж очень не хочется быть вторым...

Уже возвращаясь к зданию метро, Ратибор остановился возле двери, которую он во время своей первой прогулки так и не открыл, и вдруг по наитию мысленно произнес код метро Габриэля. Дверь, казавшаяся монолитной плитой, превратилась в слой дыма и растаяла. Ратибор шагнул в проем и остановился, пораженный открывшейся картиной.

Перед ним блестело зеркало воды, за которым начинались одна над другой террасы, сложенные породами всех оттенков фиолетового и синего цвета. На каждой террасе стояла голубовато-белая пелена тумана, над которой начинался мрачный, черно-зеленый лес, напоминавший заросли гипертрофированно увеличенного лишайника. Чем-то этот «лишайник» напоминал Ратибору пейзажи, виденные им на бывшей звезде омега Гиппарха.

Небо в этом мире было жемчужно-серым с перламутровыми светящимися полосами, но его скудный свет не мог рассеять мрак в глубине зарослей и нагромождений каменных глыб за полем тумана слева и зеркалом воды справа.

Прямо у ног Ратибора начинались ступеньки, спускающиеся в воду, и он машинально шагнул на верхнюю, собираясь проверить, реально ли то, что он видит, но тело натолкнулось на упругую прозрачную пленку, не пустившую его дальше. Озадаченный Ратибор отступил, потом увеличил нажим. Невидимая преграда выгнулась пузырем, создавая впечатление тонкой стенки воздушного шарика, готового лопнуть. Однако Ратибор смог продавить эту стенку только до второй ступеньки, убедившись в ее существовании; дальнейшие его попытки к успеху не привели, упругая пленка была, видимо, разновидностью силового поля, перекрывшего доступ в помещение с реальным до жути, не имевшим границ пейзажем.

Опомнился Ратибор от какого-то неясного предчувствия, что он не один в доме. Замер, вслушиваясь в тишину, и в это время сработала дверь метро, выпустив в коридор Габриэля Грехова. Долгое мгновение они смотрели друг на друга: с угрюмой озабоченностью – хозяин, готовый провалиться сквозь землю – гость. Отреагировал он первым, сказав правду:

– Я искал Настю.

– Проходи, – сказал Грехов, взглянул на дверь за спиной Ратибора, и та закрылась.

– Ее нет дома, – продолжал Ратибор, восстанавливая дыхание, – а из ВЦ она уже ушла. Я подумал... Зачем вы меня вытащили? – в упор спросил он вдруг. – Ведь вы не можете не знать, что Настя и... я... мы... и я знаю, что вы ее любите тоже.

Проконсул не отвел глаз, вдруг улыбнулся, мгновенно преобразившись: доброта, лукавство, ирония, снисходительное великодушие, грусть и проникательная насмешливость объединились в этой улыбке, приоткрыв недоступные для всех глубины души.

– Какой же ты еще зеленый, свободный охотник, – как только что проклянувшийся лист. Не ершишь и не ищи язвительный ответ, мы в разных весовых категориях. О Насте мы еще поговорим, а идея об использовании информации «Метротранса» правильная, только надо осмыс-

лить ее с разных сторон. И поспеши, парень, Конструктор уже пересек орбиту Сатурна, волна диверсий не за горами, а с ней и волна паники. Но учти, охота в одиночку требует сложного сплава осторожности с риском и расчетом, и переоценка своих сил и возможностей... – Грехов замолчал, тонко уловив переживания собеседника. – Дай знать, если набредешь на след первым.

Тонкий писк пси-раций – сигнал «Всем внимание!» – заставил обоих замолчать. Затем пошло сообщение: неизвестными лицами только что было совершено нападение на группу эм-синхро вычислительного центра управления и на лабораторию ТФ-проблем Института физики. Два человека ранены, один убит. Нападавшие скрылись.

– Кто убит?! – сдерживая крик, вслух спросил Ратибор.

– Имант Валдманис, – ответил дежурный.

Слов Грехова Ратибор не слышал, рванувшись в кабину метро. Перед глазами стояло худое, сосредоточенное лицо физика, бившегося над предложенной научной проблемой с неистовым упрямством фанатика, не желавшего обращать внимание на такие пустяки, как смерть предшественника, физика Гордея Вакулы. Валдманис был уверен в бессмертии и не отвлекался на расчеты собственной безопасности.

В институте уже работала следственная группа отдела безопасности, и помощь Ратибора не понадобилась. Он постоял в стороне, безучастно наблюдая за действиями оперативников и медиков, запаковывавших тело Валдманиса в хрустящую фольгу. Из головы не шел пейзаж, увиденный в квартире Грехова, пейзаж планеты чужан, и его необъяснимая реальность. Опыт отказывался верить в то, что дверь открывалась прямо в иной мир – рушились устои реализма, вера в незыблемость физических законов, база вложенных в мозг знаний, – и только интуиция, не скованная рамками стереотипов, подсказывала – в доме Грехова действуют иные законы, не менее реальные, чем все известные.

Ратибор посторонился, пропуская парней в серых комби, собрался было поговорить со старшим группы и увидел Юнусова, выходящего из лаборатории. Комиссар-один был, как всегда, бесстрастен, вежлив и нетороплив на первый взгляд. Увидев Ратибора, он кивнул, не выразив ни капли удивления, и безопасник шагнул ему навстречу.

– Извините, комиссар, не сочтите вопрос за дерзость: не по вашей ли подсказке мне прицепили «хвост»?

– Странный термин. Но я вас понял. Нет, «хвост» мы не цепляли. Может быть, ваш собственный шеф дал команду «ланспасад»? Хотя он должен был бы предупредить меня во избежание накладок. Хотите, я узнаю?

– Спасибо, я сам.

Юнусов еще раз кивнул и удалился, поманив кого-то пальцем.

Ратибор проследил, как тело Валдманиса погрузили в неф «Скорой помощи», вспомнил его полное горечи признание «об отсутствии подходов к проблеме» и вдруг подумал: а может быть, и нет никакой загадки? Может быть, К-мигранты используют какую-то совершенно простую и очевидную вещь? Например, уходят на определенную станцию метро, которая находится под их контролем, и уже оттуда прыгают на свою базу. Чем не решение проблемы? Кто ее проверял? Никто! Так, может быть, стоит выяснить и этот мизерный шанс? Вот только за что зацепиться?...

– Трек по вызову! – мысленно произнес Ратибор.

– Даю, – отозвался дежурный.

– Связь с координатором «Метротранса».

Под черепной коробкой тихо зашелестел бесплотный «дождь» – фон подключенного канала, затем раздался ровный шепот ответа:

– Метро – главный.

– Берестов, прошу прощения, назовите еще раз станции метро, где были отмечены колебания энергопотребления.

– Антарктическая база «Фокс» и меркурианский погранпост «Лямбда».

– Благодарю, – сказал Ратибор, хотел дать отбой и вдруг неожиданно для себя самого спросил: – Кто-нибудь еще, кроме меня, интересовался этим же вопросом?

– Эфналитик эм-синхро Демидова.

– Что?! – не удержался от восклицания Ратибор.

– Эфналитик Демидова, – сухо повторил главный оператор, не поняв реакции спрашивающего.

– Когда?

– Два часа назад. Два часа девять минут, если быть точным.

Ратибор едва удержался, чтобы не выругаться. Спустя несколько мгновений пинасс нес его к метро, превысив предел скорости для аппаратов этого класса. Прямо из кабины Ратибор вызвал Егора. Учитель отозвался сразу, будто ждал его звонка.

– Ты что, дежуришь у виома? – не сразу сообразил Ратибор.

– Зачем? – послышался тихий ответ, и перед мысленным взором безопасника всплыла невозмутимая физиономия учителя с ироничным прищуром внимательных глаз. – Я подключен к треку, только и всего. Что стряслось, брат?

– Ты – к треку? – тупо переспросил Ратибор.

– Я не просто шаман, я еще и член Совета безопасности. – Егор не удержался от короткого смешка. – Что случилось?

– Ага... – Ратибор собрался с мыслями. – Настя не звонила?

– Нет.

– Ты можешь сейчас прибыть в метро погранпоста «Лямбда»?

– Минут через пятнадцать-двадцать, если это срочно. – Егор не стал уточнять, в чем дело, зная, что подобными вещами не шутят.

– Возможна драка, будь готов. – Ратибор переключил каналы, вызывая Грехова, но тот не отозвался. Не нашел проконсула и дежурный отдела. А еще через несколько минут Ратибор вышел под купол станции метро погранпоста «Лямбда», расположенного в одном из самых крупных кратеров на ночной стороне Меркурия.

Купол был прозрачным, и открывающаяся взору панорама космоса была бы вполне ordinарной, если бы не две детали: жемчужные струи свечения по горизонту – отсветы солнечных факелов и видимый невооруженным глазом алый пунктир – часть кольца солнечных энергостанций. Но Ратибору было не до разглядывания красот местных пейзажей, он чувствовал опасность всем телом и заставил работать все органы чувств, чтобы определить конкретные источники опасности.

В зале никого не было, только фиолетовой свечой подмигивал автомат контроля среды, да на столике под ажурной кроной какого-то экзотического растения, росшего прямо из пола, светился терминал интелмата, управляющего работой станции метро. Ратибор шагнул вперед, и зеленая линия на хрустальной полусфере интелмата сжалась в точку: канал, связывающий станцию с метро на Земле, закрылся.

Сила тяжести в помещении поста не превышала половины земной, и двигаться было очень легко. Ратибор бесшумно пересек зал, открыл дверь в коридор, чувствуя на затылке чей-то внимательный взгляд (видеокамера, наверное, если он угадал, и пост находятся под контролем К-мигрантов), и напрягся до предела. На экране внутреннего зрения появились объемные очертания помещений за коридором, и в каждом находились люди... или по крайней мере живые существа, судя по пульсациям биополей. Кто из них кто, определить было трудно, однако Ратибор точно знал, что экипаж поста состоит всего из двух человек – двух исследователей и одновременно дежурных аппаратуры СПАС, установленной на каждом пограничном

пункте, в данном же посту присутствовало не менее десятка человек. И вдруг Ратибор услышал знакомый до боли, умоляющий и в то же время предупреждающий о чем-то пси-шепот. Больше он не раздумывал, зная, кто мог подать ему такой сигнал. В три прыжка перемахнув коридор, он ударил ногой в дверь со светящейся надписью «Обеспечение» – открыто – и ворвался в помещение, где должен был работать персонал поста. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: он не ошибся. Но и К-мигранты умели рассчитывать шаги потенциальных врагов, за которыми устанавливали наблюдение.

Их было двое, Ратибор сразу узнал обоих: Мэтьюз Купер и Федор Свиридов, бывший эколог. Один из них, Купер, держал под прицелом «универсала» дверь, второй сидел в кокон-кресле оператора исследовательского комплекса, превращенного на базе антенн СПАС в радарный комплекс колоссальной чувствительности: комплекс просматривал практически половину Солнечной системы! В трех оперативных виомах можно было разглядеть не только эллипсоид Конструктора, но и расположение спейсеров пограничного и исследовательского флотов.

Настю Демидову держали за руки двое «серых людей», еще двое, готовые выполнить любую команду, стояли, пригнувшись, в одинаковых позах – длинные руки вытянуты вперед.

– Второй, – сказал одутловатый Мэтьюз Купер; кожа на его лице отсвечивала голубизной, как металл.

– Сейчас появится третий, – отозвался равнодушно Свиридов; его кожу покрывал рисунок светящихся линий, напоминающий рисунок трещин на поверхности лавового потока.

– Ратибор! – выдохнула Настя. Ее глаза смеялись и плакали, в них плавилась тоска, сумасшедшая боль и не менее сумасшедшая радость, и Ратибор задохнулся от бури чувств, всколыхнувшихся в душе под этим взглядом. Он слепо двинулся вперед, и тотчас же «серые люди» оказались рядом, словно тисками зажали руки.

– Потихше, «охотник», – проскрежетал Купер без улыбки. – Не дергайся. Интуиция у тебя неплохая, но к охоте такого масштаба ты не готов.

– Жив! – прошептала Настя, улыбаясь и плача: по ее щеке сползла слеза. – А Габриэль не сказал... боялся, что не получится...

– Получилось, как видишь, – улыбнулся в ответ Ратибор, пряча душившую его радость. – Зачем ты пошла сюда? Одна!

– Я тоже искала решение «К-свободы»... и нашла. – Последние слова Настя произнесла почти беззвучно, и Ратибор уловил ее состояние – боль – не душевную – физическую, и слабость: девушка с трудом держала себя в сознании.

– А вот и третий, – сказал Свиридов, мотнув головой на виом, показывающий купол метро: из камеры вышел Егор Малыгин, мгновение постоял, сосредоточенно глядя прямо в зрачок видеокамеры, и исчез из поля зрения. Через несколько секунд он возник в проеме двери за спиной Ратибора, хотя тот и успел передать ему пси-фразу о ловушке.

Настя вдруг рванулась в руках серых монстров, так что ей удалось вырвать одну руку, но второй нечеловек без размаха опустил ей на голову свой огромный кулак. Словно бомба взорвалась в голове Ратибора – мостик пси-связи донес ему боль удара, пережитую девушкой, – освободила резервы и превратила его в неистовую и беспощадную машину для уничтожения. Время для него словно остановилось, подчиненное реакциям, недоступным никому из людей. Пожалуй, он и сам не знал еще всех своих освободившихся возможностей, пробудившихся от долгого сна в результате стрессового путешествия по Конструктору.

Двое «серых», державших его за руки, с огромной силой столкнулись лбами и полетели на пол. Освободившийся Ратибор в прыжке преодолел три метра и с жестокой точностью ударил ногой «серого» в правую часть грудной клетки, где находился его мозг. Над ухом прошелестел горячий ветер – это выстрелил Мэтьюз Купер, но второй раз выстрелить не успел, вмешался Егор, «размазанный» от скорости в штриховой силуэт: реакция у «шамана» не namного

уступала в скорости реакции Ратибора. Но их было двое, и оба оказались без оружия, а К-мигранты и их «серые» подручные были вооружены «универсалами», и борьба не могла продолжаться долго. Сначала Свиридов, защищаясь, зацепил разрядом Ратибора, потом кто-то из «серых», вдребезги разнес второе кресло, попал в Малыгина. И в этот момент в помещении появились еще два действующих лица – Герман Лабовиц, вооруженный инфразвуковым разрядником, и Габриэль Грехов.

– Стоять! – раздался страшный, гулкий и хриплый, с металлическими обертонами, нечеловеческий голос Грехова.

Последовала пауза, в течение которой Лабовиц четырьмя импульсами хладнокровно уложил всех «серых людей», затем опомнившийся Свиридов дернул ствол «универсала» в сторону Лабовица, а Купер направил свой в сторону Грехова, и снова Габриэль опередил их.

Ратибор едва не потерял сознание от мощного шокового пси-удара, вернее, от «боковых лепестков» направленной пси-волны, и едва не оглох от kloкочущего, жуткого возгласа:

– В глаза!

Оба К-мигранта замерли, как завороченные глядя на проконсула.

– Спать!

Свиридов опустил пистолет, отступил назад и мягко повалился навзничь. Рука Мэтьюза Купера задрожала, дрожь перешла на другую руку, на голову, на ноги, на все тело, словно К-мигрант превратился в резонансную систему, кожа на лице и на руках его стала совсем голубой и прозрачной, так что стал виден рисунок вен и мышцы, и вдруг его рука с пистолетом снова хищно дернулась вперед. Однако Лабовиц выстрелил первым.

На месте К-мигранта вздулся лиловый пузырь пламени и лопнул с неистовым треском, расплескав клочья огня по сторонам. Ударная волна отбросила Ратибора к стене. Сил встать на ноги не было, и он пополз к лежащей ничком Анастасии, наклонился над ней, прижал ухо к спине.

– Что?! – раздался над ним тот же страшный, леденящий душу голос Грехова.

Ратибор коснулся губами волос девушки, с трудом заставил себя встать. Ноги дрожали, и скулы сводило от ненависти.

– Жива...

Грехов посмотрел на его обожженную выстрелом щеку, потом на лежащую Настю, и окаменевшее лицо его разгладилось, бездонно-черные глаза потеряли режущую силу, губы из металлически твердых превратились в обычные человеческие, подчеркнутые горькой складкой.

– Почему не позвонил?

– Боялся опоздать. Она вышла на них первой. – Ратибор кивнул на девушку. – Ей нужна помощь...

– Я доставлю ее в клинику, – подошел Егор, прижимая руку к левому боку. Кокос его был продырявлен в нескольких местах. – И присмотрю за этим псевдочеловеком.

Грехов кивнул, оглядел Ратибора, вытер лоб, нахмурился.

– В состоянии работать?

– Да, – ответил Ратибор, выпрямляясь.

– С точностью до наоборот, – хмыкнул Лабовиц.

– У нас мало времени. Я не успел дать «три девятки» в эфир, Баренц идет по следу, но будет здесь только минут через десять, К-мигранты могут успеть заблокировать канал метро на базе. Надо успеть раньше. Идешь с нами, охотник?

Ратибор пожал плечами, что означало: куда же я денусь?

Подошел Лабовиц.

– Ну что, опер, предупреждал я тебя? А если бы Габриэль не смог вытащить тебя из Конструктора?

– Если бы да кабы, – пробормотал Грехов. – Не обращай на него внимания, в последнее время он превратился в зануду. Оружие есть? Нет? А у тебя, Герман?

– А как же? – Лабовиц ловко извлек из-под мышки глянцево-черный пистолет с двумя тонкими стержнями вместо дула. – Держи, опер, это импульсный электроразрядник, бьет на полкилометра, запас – от пятидесяти до ста выстрелов, в зависимости от мощности разряда. Единственный недостаток...

– Вперед, – прервал Лабовица проконсул, глаза его загорелись мрачным огнем. – Пора останавливать этот крестинизм-терроризм, иначе мы не избавимся от смертей.

– Вот это уж точно, – раздался низкий бас в коридоре, и в помещение вошел Железовский собственной персоной, застыл скалой у входа, окинув быстрым цепким взглядом картину боя. – Их не зря беспокоит высокая инновационность идей, а остановить деятельность коллектива можно, лишь убрав лидеров. Поэтому они так торопятся. Берете с собой?

– Берем, – улыбнулся Лабовиц. – Старый конь борозды не испортит, а?

На полусфере контроля управления вдруг вспыхнула сиреневая световая нить, мигнула, погасла, снова вспыхнула. Все пятеро как завороченные уставились на нее. Грехов опомнился первым.

– Эх, не уследил я за вами с Настей, охотник, уж больно вы прытки. Рано разбудили это осиное гнездо.

– Ни плана, ни экипировки, – бросил Лабовиц.

– Да, «бумеранги» не помешали бы. Быстро в метро! У них, очевидно, разработана система проверок связи, нельзя медлить ни минуты! – Грехов исчез в коридоре.

– Я их отвлеку. – Егор заковылял к креслу, в котором сидел до этого Свиридов, надвинул на голову эмкан. Он был серьезно ранен, но держался.

Ратибор встретил его светлый от сдерживаемой боли взгляд, передал в ответном взгляде все свое сочувствие и поддержку, оглянулся на Анастасию и бросился догонять остальных.

Перед камерой метро Железовский загородил собой дверь, круто развернулся.

– Кстати, действительно, а каков план?

– Предельно прост, – ответил Грехов мысленно, вопросительно глядя на комиссара снизу вверх; он едва доставал ему до груди. – Это не разведка, это бой.

– Без предупреждения?

Глаза проконсула сузились.

– Без. Мы потеряем фактор внезапности.

– Я предпочитаю действовать по правилам.

– Какие правила? – вмешался Лабовиц. – Они действуют без всяких правил и скидок на моральную оценку своих действий, мы вправе ответить тем же.

– Правила нужны прежде всего нам, если мы хотим остаться людьми, а не походить на К-диверсантов.

Грехов вздохнул, он хорошо знал характер Железовского.

– Голосуем. Кто за прямой бой?

– Да, – сказал Лабовиц.

– Нет, – качнул головой Железовский.

Грехов посмотрел на колеблющегося Ратибора.

– Ты?

– Н-нет, – через силу выдавил тот.

– Ясно. Что ж, либо теряем все, либо ничего, кроме жизни. Идем обычной обоймой: я в дрейф, Аристарх и Герман на крыльях, Берестов замыкающим. Возражения?

Ратибор хотел было возразить, но посмотрел на Железовского и передумал. Он был самым младшим и наименее опытным в этой компании и спорить ни с кем на равных не имел права.

– Учтите, что как только мы объявим им официальный вызов, К-мигранты, в отличие от нас, колебаться в выборе ответа не будут, – добавил Грехов, уже входя в метро вслед за комиссаром. – Они начнут пси-атаку не раздумывая.

Ответом ему был общий импульс готовности.

Предупреждение чужан

Вечерний полумрак скрывал углы кабинета, превращенного видеопластом в каминный зал древнего замка, тянуло смолистым дымком, по полу прыгали отсветы горящих в камине поленьев, и лик хозяина кабинета в неверном дергающемся освещении, твердый, с выпуклыми надбровными дугами, скулами и губами, казался металлическим. Все было тихо и спокойно, и даже получасовые сводки «спрута» воспринимались отстраненно, как шепот тени, будто не касались никого, кроме тревожной службы.

Баренц раздумывал, куда пойти поужинать – одному сидеть в баре управления не хотелось, а друзья разбежались кто куда, – когда почувствовал, что в кабинете он не один. Подивившись своей заторможенности, Ярополк привычно сосредоточился, в доли секунды проанализировал поступившую эйдетическую информацию и снова расслабился: этот гость хотя и был неожиданным, опасности не представлял.

Мрак слева от сидевшего Баренца зашевелился, меняя очертания, превратился в неведомое существо с туловищем человека и головой не то носорога, не то слона, однако, поскольку хозяин никак не реагировал на это, гость снова расплылся бесформенным скоплением пятен и дымных лент. В глубине этого текучего мрака засветилась странная лиловая елочка с искрами-иголками, напоминающая какую-то знакомую конструкцию. Баренц с некоторым запозданием сообразил, что это изображение Конструктора, правда, скорей символическое, словно стилизованное под эмблему. Изображение колебалось, плясало, будто состояло из отдельных элементов, связанных между собой тонкими резинками. Казалось, оно вот-вот развалится, превратится в горсть искр и погаснет.

Усилилось ощущение тяжелого взгляда, исходившего от пульсирующего сгустка тьмы со светящейся фигурой внутри, в нем появились иные ноты, смешались в нестройный хор непонятных стенаний, вздохов, шепотов, жалоб и просьб, будто в глубине фигуры прятался больной зверь, пытавшийся рассказать человеку о своих горестях и бедах.

– Что, плохо? – тихо спросил Баренц, встречавший К-гостя уже четвертый раз.

Елочка внутри сгустка мрака сломалась, расплылась в пятно света, из которого вылепилось человеческое лицо с огромными, заполненными влагой глазами. Чувство непередаваемой тоски охватило Баренца с такой силой, что он едва не застонал в ответ, с трудом справляясь с прихлынувшими к глазам слезами: пси-резонанс был необычайно сильным, и Ярополк понял, что К-гость обладает способностью к быстрому эмоциональному отражению, провоцируя реакцию человека и усиливая ее во сто крат.

– Мне жаль вас. Пойдите, – Баренц взмахнул рукой, словно пытаясь удержать глазастый призрак, но тот уже таял, исчезал, превращаясь в бесформенное облачко, которое стянулось в нить, в точку и пропало совсем, оставив жалобный стон, повторившийся эхом несколько раз.

Где-то тихо, но отчетливо прозвонили колокольчики – ожил приемник рации:

– Всем абонентам трека – отмечено очередное появление К-гостей. Реакция негативная, внушаемые эмоции: страх, ужас, тоска, ненависть. Наблюдаются случаи психических расстройств. Членам штаба ГО сообщить свои выводы в течение получаса.

Баренц посидел несколько минут, размышляя над причиной появления К-гостя и находя в нем все больше отличий от прежних появлений: Конструктор менял тактику изучения человеческой психики, теперь он пытался внушить страх, добиваясь каких-то своих целей. Что он подобным образом выяснил, что этим хотел сказать?...

Снова тихие колокольчики вызова прозвенели в ушах:

– Ярополк, ты один?

– Один. – Баренц узнал голос Бояновой. – Думаю над посещением. Что делал твой гость?

– Я уничтожила его! – сухо ответила Забава. – Может быть, была не права, но терпеть кривляние этих монстров больше не намерена.

– Наверное, ты была не права.

– Это в тебе говорит ностальгия по милосердию, Ярополк. Ты такой же, как и Аристарх, мужское начало проявляется у вас чисто внешне.

Баренц усмехнулся, передав пси-эхо улыбки. Забава в ответ тоже засмеялась, коротко и с ноткой грусти.

– С Конструктором надо драться, Ярополк, вы прекрасно понимаете, что закончится все дракой, и чем раньше мы начнем, тем больше у нас шансов сохранить среду обитания и себя как вид хомо-футур. Опасность не совершить попытку и опасность испытать неудачу не равны. Ибо в первом случае мы теряем огромные блага, а во втором – лишь небольшую человеческую работу.

– Чеканная формулировка. Твоя?

– Нет, древнего писателя и философа Фрэнсиса Бэкона. Ярополк, ты ошибаешься в оценке ситуации, вы все ошибаетесь. Не знаю, чем вас загипнотизировал Грехов, почему вы ему верите, но и он ошибается тоже, выбрав удобный постулат; все – трын-трава! Недаром он якшается с чужанами.

– Ты чем-то расстроена, Забава. Или тебя так разбередил К-гость? О чем ты в тот момент думала?

– Не знаю... о себе... об Аристархе... я была сама не своя.

– Но эти химеры – всего лишь отражение человеческих эмоций и фантазий. Неужели ты еще не поняла? Каждый К-гость – это, по сути, наше собственное детище.

– Даже если и так, что это меняет? Я не могу относиться спокойно к стихии, несущей гибель цивилизации, а тем более к разумной стихии. Ярополк, я... – Боянова замолчала, словно собираясь с духом. – Аристарх пропал в неизвестном направлении, в штабе его нет.

– Ну и что? Почему он должен докладывать о каждом своем шаге? Небось где-то на Земле.

– Его нет на Земле, Ярополк. Как и Грехова, и Берестова. Они что-то затеяли, я чувствую, и никого не предупредили. Помоги их отыскать, я звоню из дому, возможностей у меня меньше, а сердце не на месте.

Баренц был не из тех людей, кто отмахивается от вопросов, имеющих очевидные ответы, тревога Забавы передалась и ему, хотя он и считал, что в случае опасности координаторы ГО уже давно подняли бы погранзону по тревоге. Поэтому председатель Совета безопасности без лишних слов принялся наводить справки по своим каналам.

Дежурный отдела безопасности знал только, что Берестов, занимаясь «свободной охотой», побывал в «Метротрансе» и больше не давал о себе знать. В оперативном центре ГО на «Перуне» дежурил Эрберг, который не имел понятия, куда направился Железовский. О местоположении Грехова не знал никто. Тогда Баренц позвонил в «Метротранс» и через две минуты выяснил, зачем там крутился Ратибор Берестов. После этого счет пошел на секунды, тем более что инки центра ГО установили точные координаты направленного поиска Берестова, и Баренц в темпе погони покинул свой уютный кабинет, не пообедав: он представлял, с какой скоростью мчится сейчас в метро Забава и как разворачиваются по императиву «засада» оперативные обоймы безопасности и погранслужбы.

Однако они опоздали. В зале погранпоста «Лямбда» на Меркурии их встретил ослабевший от потери крови и борьбы с болью Егор Малыгин, безуспешно пытавшийся включить

старт-кабину метро: канал, связывающий пост с базой К-мигрантов, был заблокирован, К-мигранты приняли свои ответные меры.

Все четверо шагнули из метро в темноту и остановились, каждый по-своему оценивая обстановку, определяя степень и векторы опасности, мгновенно впитывая и перерабатывая поступающую от всех органов чувств информацию и тут же сообщая в пси-диапазоне всем свои выводы.

Помещение, в котором располагалась станция метро, не имело определенной формы, напоминая пещеру, запрятанную в недрах скал. Пол ее был гладким и черным, потолок выглядел неровным куполом, стены посверкивали тысячами искр – источников радиации. Судя по объемному эху пси-зондирования, это и в самом деле была пещера. В центре пещеры разгоралась и гасла вертикальная световая нить, и в ее неверном голубом свете в такт пульсации проступала в углу из темноты и пропадала странная фигура – не то рыцарь в латах, не то скульптура из металла, оплывшая к полу, как восковая свеча.

Их четверка, наверное, тоже выглядела со стороны экзотично и жутковато: лица и руки у всех светились в темноте, хотя и по-разному, сказывалось колоссальное нервное напряжение, а спектр свечения указывал на диапазон энергетических возможностей; самым большим он был у Грехова, лицо которого отливало прозрачной зеленью, как подсвеченная изнутри хрустальная маска. Двигался проконсул так быстро, что фигура казалась жидкой, плывущей, смазанной от скорости.

В тот момент, когда они определили, что за стеной находятся еще пустоты, похожие на пещеру с оборудованием метро, и приготовились идти дальше, выяснив, что фигура в углу – мертвый чужанин в «скафандре», К-мигранты начали гипноатаку.

Ратибора охватил непрерывный поток сменяющих друг друга сложнейших, многогранных и противоречивых состояний – ощущений, сопровождаемых вспыхивающими в мозгу, но видимыми словно в действительности, наяву, картинками с необычайно четкой детализацией и внутренней логикой.

Состояние первое: он стоит на голой каменистой площадке, заросшей серебристой шерстью, как и трое соплеменников рядом. Сзади – дымящиеся черно-красные скалы, хаос теней, впереди – груды камней, поросшие красным с фиолетовым отливом лишайником. Вокруг – высокие, изрезанные трещинами горные склоны, похоже, действие происходит в кратере вулкана. А напротив замерших с дубинами в руках-лапах людей (предлюдей, их праотцев?) – цепь странных существ, полумедведей-полуящеров: могучие головы, напоминающие крокодилы и медвежи одновременно, с высоким лбом, в ромбовидной броне, неуклюжие на вид тела с выпуклыми чешуйками грязно-зеленого цвета вместо волосяного покрова, мощные задние лапы, и у каждого по четыре передних лапы, держащие камни, дубины и острые шипы какого-то растения. Одиннадцать монстров против четырех полуобезьян.

Цепь бросилась вперед, и четверо встретили ее как надо: треск столкнувшихся дубин, жалобный вскрик, удары, мелькание лап, камней, бронированных тел. Ратибор отбил несколько выпадов четырехрукого уroda, защищая тылы основного отряда, увернулся от брошенного обломка, ударил сам...

Волна нападавших накатилась и откатилась, у многих из них были выбиты камни и дубины, у троих разбиты лбы и вывихнуты лапы. У соплеменников Ратибора – только царапины.

Свет погас и вспыхнул вновь...

Состояние второе: тот же пейзаж, но скалы ниже, под ногами не скальная твердь, а крупный оранжевый песок. Цепь напротив та же, но тела существ закутаны в пушистые «безрукавки», а в лапах – копыта и странные гибкие хлысты, расширяющиеся на концах. Напарники Ратибора тоже протерпели изменения: они стали выше, стройнее, гибче: торсы плотно обтя-

нуты шкурами каких-то животных; в руках длинные, заостренные с двух концов песты – не копья, но и не палки, а также овальные щиты из черепаших панцирей. Кто из них кто – узнать было невозможно, все трое были бойцами, и от всех троих исходила спокойная мрачная уверенность, сила и угроза. Ратибор надеялся, что он выглядит так же.

Новая атака, молчаливая, яростная, ожесточенная. Уворачиваться от ударов, сыплющихся со всех сторон, стало трудней, приходилось полагаться на инстинкты и реакцию, и бить, отражать выпады, снова бить в полную силу...

Цепь нападающих откатилась. Двое из них остались лежать недвижимо, остальные выглядели так, будто их драли дикие коты. Вспышка, темнота, тяжесть в голове, свет...

Состояние третье.

Пейзаж почти неузнаваем: в стенах кратера, ставших совсем низкими, появились бреши, открывшие вид на холмы и равнины. Сзади людей невысокие постройки из белого камня, впереди – заросли черно-синего леса, а напротив – одиннадцать знакомых многоруких ящероподобных химер в блистающих металлом «комбинезонах», держащих в лапах узкие металлические полосы – «шпаги» и странные устройства, похожие на самострелы (они оказались метательными орудиями, стреляющими острыми пластинками в форме полумесяца).

Люди одеты в кольчуги и шлемы с шишаками, в руках – мечи и длинные, закрывающие чуть ли не всю фигуру металлические щиты.

Схватка, лязг мечей, звонкие «дзжж» – метателей пластинок и удары в щиты, хрипы и стоны, грохот столкновения, свистящий клекот. В щите Ратибора с дробным грохотом застряло с дюжину полумесяцев, один из них срезал шишак на шлеме, другой впился в наплечник, причинив мгновенную жгучую боль. Поднялись и опустились мечи землян – радужные просверки над головами – и многорукие ящеры-медведи отступили, вытягивая за собой упавшего соплеменника.

Состояние четвертое.

Кратер вулкана окончательно исчез, на месте его стен торчат клыкообразные останцы, оплетенные не то паутиной, не то плющом ядовито-желтого цвета. Вокруг – немыслимый растительный ад, ни одной узнаваемой формы! Языки алые, оранжевые, багровые; ленты прямые, свернутые спиралью, узкие, широкие; шипастые бочки, кривые столбы, громадные перепончатые листья, похожие на слоновьи уши или на крылья летучих мышей; мохнатые диски на тонких усах... Не понять, деревья это, кустарник или цветы. Лес! За ним – сверкающие льдом геометрические утесы: формы переходят одна в другую, ни одного здания, подчиняющегося законам одной какой-то геометрической фигуры – куба, пирамиды, шара или призмы.

Перед цепью людей, одетых в пятнистые комбинезоны, экипированных по законам военной технологии конца двадцатого века (бронежилеты, шлемы, автоматы, рации), стояла цепь из десяти металлических уродов: членистые тела, на лапах – наползающие друг на друга кольца, из яйцеобразных шлемов торчат узкие рыла ящеров, на шлемах – устройства, похожие на громадные объективы фотоаппаратов или телекамер. Мгновение тишины – и новая атака!

Из «объективов» ударили тонкие световые шпаги, впились в те места, где только что стояли земляне, – все четверо применили прием под названием «танец мангуста», не ожидая, пока противник сожжет их лазерами.

Ратибору снова пришлось подчищать тылы впереди идущей тройки, поэтому ему удалось выстрелить всего трижды, но выстрелы не пропали даром: двое из химер, пытавшихся зайти сзади, сунулись рылами в песок, судорожно дергая конечностями. Боль, багровая вспышка, мрак, серая пелена; медленно проступили сквозь туман очертания пещеры, исчезли...

Состояние пятое.

Они стоят с «универсалами» в руках на гладком дне буро-красной каменной ложбины, одетые в обычные кокосы. Пейзаж вокруг мрачен и неприятен: природа выжжена дотла, песок,

редкие невысокие скалы и камни оплавлены, равнина изборождена трещинами и глубокими воронками, из которых поднимаются столбы синеватого дыма.

Монстров осталось шестеро, они почти не претерпели изменений, разве что головы их прячутся в сложных устройствах из спиралей, пластин, прозрачных линз и решеток. В каждой лапе – по такому же «универсалу», что и у людей: десять пистолетов и два лазера против четырех...

Схватка длилась доли секунды. Вспыхнули прозрачно-искристые факелы разрядов, взметнулись черные султаны взрывов, свистнули искорки оплавленной почвы, а когда поднятая пыль и дым опали, перед людьми не было никого. Досталось и им, все четверо были ранены, хотя и пытались уйти от выстрелов, но главное, они были живы!..

Свет перед глазами Ратибора померк, и окончательно он пришел в себя в знакомой пещере, перед дрогнувшей стенкой К-мигрантов. В голове шумело, пищало, бухало, словно сердце оторвалось и переместилось под черепную коробку, тело стало рыхлым и, казалось, представляло собой сплошную рану. Потребовалось невероятное усилие воли, чтобы переключить внимание с болевых ощущений на внешнее действие.

Однако хозяева базы, потерпевшие первое поражение, сдаваться не желали и, пока Берестов приходил в себя, применили новый прием: Ратибору показалось, что на него рухнул поток! На ногах он тем не менее устоял, но не сразу сообразил, что тяжесть, гнувшая его к полу, не иллюзия, внушенная новым пси-даром, а создана искусственно или является естественным условием здешних мест.

– Оставьте эксперименты! – угрюмо проговорил Грехов. – Игры в войну, как и спортивные игры, интересны тем, что в них существует элемент непредсказуемости. Не начинайте разведку боем, не зная противника. Вы уже убедились, что справиться с ними непросто, а взаимное уничтожение не есть альтернатива.

В пещеру вернулось прежнее тяготение. Ратибору в первое мгновение показалось, что тело вовсе потеряло вес и воспарило – переход «из-под пресса горного хребта» к обычной земной гравитации был слишком резким. Захотелось расслабиться и лечь на пол, блаженно закрыв глаза, прислушиваясь к уходящей боли и усталости.

Стена напротив людей растаяла, из темноты выступили черные фигуры с белыми пятнами лиц – К-мигранты. Девять или десять.

– Зачем вы пришли? – холодно спросил Шебранн, стоящий впереди всех. – Уговорить нас сменить методы полемики?

– Если террор вы называете «полемикой»... – начал Лабовиц, но Грехов поднял руку, прерывая его. Из двух ромбов на его груди сверкнули тонкие рубиновые лучики, уперлись в Шебранна и Ранги.

– На сей раз мы принесли ультиматум, – так же холодно и угрюмо сказал он. – Моим друзьям, конечно, хотелось бы переубедить вас, доказать, что вы в первую очередь люди, и лишь во вторую – дети Конструктора, но вряд ли это соответствует истине. Не понимаете вы и простой вещи, что мешаете не только нам, но и себе, а главное, Конструктору! Ситуация в Системе складывается уникальная, но ни одна из гипотез не отражает истины. Мы не мышь, а Конструктор не кот, который пытается ее сожрать. Пресапиенс прибыл к Солнцу не для уничтожения цивилизации, как считают люди... некоторые, во всяком случае, не для навязывания своей «божественной» воли, не для объявления «звездной войны». Но он не нуждается и в защите, в той по крайней мере, какую предлагаете ему вы.

– Слова, – сказал Шебранн. – Эмоции. Нуль информации. Почему мы должны верить вам?

– Я уже доказал однажды, что говорю правду.

– Но наш посол Эрнест Гиро не вернулся, и подтверждений вашей правоты у нас нет.

– Это еще одно свидетельство того, что люди сильнее вас. Гиро не выдержал экзамена, зато выдержал наш посол. – Габриэль кивнул на Ратибора, который в это время выбирал цели на случай, если пришлось бы стрелять по-настоящему. Он был готов к любым переменам обстановки и поэтому спокоен и сосредоточен, сумев справиться с переживаниями. Лишь одна мысль не давала покоя: жива ли Анастасия?

– К чему эти намеки? – гортанным голосом спросил Ранги. – Хорошая мина при плохой игре? На что вы надеетесь? Откуда вы знаете, в какой защите нуждается Конструктор?

– Знаю, – отрезал Грехов, усмехнулся с неожиданно прорвавшейся грустью. – Хотя мне это не доставляет ни счастья, ни радости. Я ведь хомозавр, как меня недавно окрестили. А Конструктору не нужна никакая защита, он болен и одинок и нуждается всего лишь в одной простой вещи – в милосердии. В милосердии, как это ни странно! Если можете помочь ему в этом – помогите, нет – не мешайте это делать другим.

– Строительство излучателей квагмы в поясе астероидов – это и есть милосердие по-человечески? Идея отгородиться «абсолютным зеркалом» – это милосердие?

– Нет, – тихо произнес Грехов, – не милосердие. Но мы учимся ему, трудно, жестоко, ошибаясь и падая, но учимся, и в конце концов овладеем наукой, найдем единственное верное решение. Вы такого решения не нашли.

– И все же ваш ультиматум смешон. Вы, конечно, сильный человек, Габриэль Грехов, ваш пси-потенциал, вероятно, больше потенциала любого из нас, но вы далеко не шукра, обладающий а мар³⁴. Мне жаль, но отпустить вас мы не имеем права, ибо вы представляете для нас реальную и непредсказуемую опасность.

– В таком случае мы погибнем все.

Шебранный покачал головой, на губах его обозначилось подобие улыбки.

– Проигранный гипнобой – еще не доказательство нашей слабости.

– Вы не поняли. – Грехов медленно вытянул вперед руку ладонью вниз, и зеленоватая искра в камне его перстня вдруг прыгнула вверх, превратилась в фиолетово-зеленый дрожащий язычок пламени. И тотчас же пол, потолок и стены пещеры искривились, словно по ним, ставшим гибкими и упругими, пробежала судорога. Из недр пещерного города донесся угрожающий гул, мигнули и разгорелись запрятанные в стенах светильники. Ратибору показалось, что у его ног разверзлась бездна, дохнувшая холодом межзвездного пространства. Кто-то подержал его под локоть – Железовский.

Грехов опустил руку, язык огня упрятался в перстень, коридор перестала мять и корчить мягкая, но властная сила.

– Детские игрушки, – презрительно процедил сквозь зубы смуглолицый Григ. – Хватит разговоров! Они блефуют, а мы развесили уши. Их всего четверо, помощи ждать неоткуда, метро заблокировано, пора заниматься своим делом.

В руке бывшего пилота сверкнул ствол «универсала», направленный на Лабовица, два бесшумных выстрела раздались одновременно – Грига и Железовского. Лабовиц успел уклониться всего на несколько сантиметров, и сгусток плазмы попал ему в плечо. Удар плазменной пули Железовского отбросил Грига к стене, и в то же мгновение страшной силы пси-разряд едва не парализовал Ратибора, потерявшего слишком много энергии в первой и второй схватках.

– Не стрелять! – прозвучал в звуковом и мысленном диапазонах яростный крик Грехова.

Все замерли, направив оружие друг на друга. Проконсул снова вытянул руку вперед, и снова знакомая сила искривила темное пространство пещеры, тела людей и К-мигрантов, отразилась болью в позвоночнике, голове, глазах. Пульсирующая зеленая струйка пламени над перстнем Грехова превратилась в облачко, которое за секунду выросло в огромный шар и

³⁴ Шукра – всемогущий, а мара – бессмертие (*санскр.*).

окутало всех находящихся в пещере. А когда светлый туман рассеялся, все увидели висящий между людьми и К-мигрантами черный бугристый обломок камня, завернутый до половины в дырчатую золотую фольгу. Тяжело, так что вздрогнули стены помещения, «камень» рухнул на пол. На людей повеяло жутковатым ветром чужих пространств.

– Ройд! – хмыкнул раненый Лабовиц, пытавшийся остановить кровь, хлынувшую из раздробленного плеча. – Похоже, живой! Ну и связи у тебя, проконсул! Кто из вас упоминал тут шукру? – Герман посмотрел на Шебранна. – Еще есть сомнения?

У Ратибора появилось ощущение, что глыба чужанина то исчезает из поля зрения, то появляется вновь, и это «мигание» заставляет вибрировать воздух, ставший густым и плотным, как желе.

– Спрячьте оружие, если вы не самоубийцы, – незнакомым хриплым голосом сказал Грехов; лицо его снова покрылось блестящей пленкой «слюды». – Внутри этого роида область двенадцатимерного пространства, эквивалентного по размерам, массе и энергии горной системе типа Гималаев, – хватит на то, чтобы пробить вашу базу насквозь. Разве не убедительно?

– Он не может взорваться просто так, по команде извне, – сказал Шебранн быстро.

В голове Ратибора (ему показалось – в костях черепа) родился удивительный вибрирующий звук, словно хлопнула дверь в гулком помещении: глыба чужанина увеличилась в размерах и опала, словно он вздохнул. И вслед за этим раздался необычный свистящий хрип, не похожий ни на человеческий голос, ни на шумы естественного природного фона, меняющий интонацию, тембр, эмоциональную насыщенность и громкость, сопровождаемый долго не смолкающим эхом.

– Слышу. – Грехов стряхнул с рук «лоскутья» голубого сияния. – Ройд передал мне привет. А насчет взрыва... – Проконсул поднял руку с пистолетом и направил его на чужанина. – Достаточно разрядить в него «универсал», и взрыв неизбежен, вы это знаете. Я жду.

Несколько мгновений длилась наполненная мертвой тишиной пауза. Ратибор, ни на миг не выпускавший из виду пару Нгуо Ранги – Юрий Лейбан, заметил, что лицо Грехова стало бледнеть, приобретая прозрачность драгоценного камня. Потом Шебранн опустил свой пистолет и оглядел ряды К-мигрантов. Они давно переговаривались мысленно, но сейчас их психический разговор выплеснулся в диапазон, близкий волне пси-связи людей, Ратибор ощущал его эхом бушевавшего где-то далеко шторма, вернее, эхом прибора.

Наконец Шебранн закончил переговоры.

– Чего вы хотите?

– Мира, – тихо, но жестко сказал Грехов. – Я не ограничиваю вашей свободы, делайте что хотите, предлагайте свой вариант общения с Конструктором, но не пытайтесь больше угрожать людям, а тем более охотиться за ними. Этот ультимативный разговор с вами – последний, в случае любой попытки нападения на ученых, строителей, других людей я уничтожу вас! Всех! Слышите?

Ратибор превратился в сплошной нервный ком, реагирующий на малейшие токи, изменения электромагнитных полей и даже на пульсацию биополей, возникающих от постоянной работы мышц, которые удерживают тело в покое, и точно так же замерли рядом Железовский и Лабовиц, превращенные обстоятельствами в живые боевые системы с высокими параметрами.

– Мне нравится ваш подход к проблеме, – без улыбки сказал Шебранн. – Вероятно, на вашем месте я реагировал бы так же. Итак, мы свободны в выборе?

– В тех пределах, которые я обозначил. – Грехов опустил «универсал»; лазерные трассы, то и дело нащупывавшие К-мигрантов из нескольких точек его черного кокоса, погасли. – Формула изобретена не мной: для того чтобы свободой обладать, ее надо ограничить. Разблокируйте метро. До встречи на Совете безопасности.

Габриэль посмотрел на чужанина, и в то же мгновение тот исчез, вызвав приступ головокружения у людей, осязаемое колебание всей массы породы, в которой была проложена система коридоров и пещер.

Грехов повернулся и направился к залитой тьмой кабине метро, за ним Лабовиц, все еще державшийся за плечо, потом Железовский, хлопнув Ратибора по плечу. Тот, чувствуя себя так, словно его пропустили через соковыжималку, поплелся последним. К-мигранты молча глядели им вслед. Потом исчезли один за другим.

Люди остановились перед дверью в метро, ожидая, когда хозяева базы разблокируют станцию.

– Слушай, проконсул, ты случаем не изобрел новый тип скафандра? – тихо пробасил Железовский. – Блестишь, как под пленкой.

– Не изобрел, – сказал Грехов и улыбнулся, вытирая измученное лицо обеими ладонями. – Это всего лишь пот, дорогой комиссар.

С шипением открылась дверь финиш-камеры метро, в зал ворвались двое парней в «бумерангах» и Забава Боянова. Последовала немая сцена, затем председатель СЭКОНа бросилась к Железовскому, молча прижалась к нему, едва доставая ему до ключицы.

– Где они? – быстро спросил первый из вновь прибывших, в то время как метро выбрасывало одну за другой порции пограничников и обоймы риска отдела безопасности.

– Отбой тревоге, – будничным тоном проговорил комиссар, обнимая Боянову за плечи огромной рукой, повернул ее и повел к метро мимо растерянных парней.

– Сначала я думал, что у тебя рация. – Лабовиц кивнул на перстень Грехова, когда они выходили из метро управления. – Особенно когда ты «вызвал» чужанина. Оказывается, это...

– Пси-генератор, – проворчал Габриэль, оглядываясь на плетущегося сзади Берестова. – Без него я не смог бы внушить К-мигрантам свою убежденность в победе. До связи, суперы.

– Не понял, – сказал Ратибор, ошеломленный открытием. – Что вы имели в виду насчет чужанина?

– Никакого чужанина не было, – вздохнул Лабовиц, тоже глядя вслед проконсулу. – Габриэль всего-навсего создал пси-фантом, внушил К-мигрантам, что имеет прямую связь с роидами.

– Не может быть! Я же его видел... и слышал...

– Просто Грехов – очень сильный экзосенс. Мне, например, до него далеко. Такие вот дела, охотник. Ну, я пошел лечиться. До связи.

Он ушел не оглядываясь. А Ратибор остался стоять, медленно приходя в себя.

Конструктор, представлявший собой светящийся «мешок с картошкой» (каждая из картофелин по размерам не уступала планетам типа Земли), слегка замедлил свой ход, но продолжал упорно стремиться к намеченной цели. По расчетам баллистиков траектория его движения должна была пересечь орбиту Юпитера на расстоянии в двадцать миллионов километров от гигантской планеты и практически упиралась в Марс, успевающий к моменту пересечения подойти точно в район randevu.

Опираясь на расчеты, СЭКОН снова поднял вопрос применения императива «экстремум», требуя мобилизации сил и средств человечества на эвакуацию населения Марса, а потом и Земли. И снова Совет безопасности не утвердил предложение, отложив решение проблемы до появления «новых данных о прямой угрозе Марсу и Земле», в то время как по всей Системе участились случаи антисоциального поведения, стихийных всплесков паники, вспышек нервных заболеваний и психических расстройств, вызванных серией появления К-гостей. Положение в мире становилось взрывоопасным, подогреваемое безответственными заявлениями некоторых общественных и официальных деятелей о том, что во всем виноваты службы безопасности и пограничники, не справляющиеся со своими обязанностями. Предлагалось

отстранить от должностей комиссаров отдела безопасности Железовского и Юнусова, а также командора пограничной службы Эрберга, срочно смонтировать на пути Конструктора «кварковые мины» и разнести его в клочья, если он не понимает, чего от него хотят.

Аудитории всех рангов захлестнула волна дискуссий, в ход были пущены аргументы высокой политики, апологии доброты и веры, экономические и научные расчеты, наивные утверждения о гуманизме высшего разума и философская казуистика «разумной жестокости», но эмоции не могли послужить базой всесторонне продуманного решения, как и сухие цифры инженерных расчетов и формулы научных теорий, и не нашлось лидера, который смог бы обработать колоссальный объем информации, взвалить на свои плечи ответственность за судьбы человечества и объяснить, что делать. Надвигался кризис, прежде всего кризис веры и морали, предполагающий в скором времени не религиозный, а самый что ни на есть материалистический хаос апокалипсиса, хаос «конца света», начинавшийся нравственным уничтожением...

Со времени схватки с К-мигрантами прошло двое суток, и Железовский, втайне ожидавший каких-то каверз с их стороны, внезапно успокоился, уверовав в твердость их слова и серьезность обещаний самого Грехова. Связь с К-мигрантами прервалась, как только оперативные группы покинули станцию, затерянную в недрах омеги Гиппарха, и никто их с тех пор не видел и не встречал.

Грехов тоже в поле зрения наблюдателей не появлялся, но Аристарх был уверен, что проконсул в курсе всех событий и продолжает свою таинственную деятельность, отдающую мистикой и жутковатым душком связи с «потусторонними силами».

В один из периодов отдыха между дежурствами – Железовский все так же продолжал жить на «Клондайке» – спейсер посетил Юнусов в сопровождении Баренца. Комиссар наземников был встревожен и не скрывал этого, Железовский усадил их на диван перед виомом, во всей красе показывающим Конструктора на черном фоне, предложил по стакану медового напитка и превратился в статую, в «роденовского мыслителя», способный просидеть в каменной неподвижности несколько часов подряд.

– Что у вас? – спросил Юнусов, мало уступающий хозяину в мимике, вернее, в ее отсутствии.

Спешить было некуда, и разговор шел в звуковом диапазоне.

– Все то же, – ответил Железовский. – К-физика не поддается анализу и не вмещается в рамки ни одной теории, а это значит, что мы бессильны оказать влияние на Конструктора.

– Даже с помощью вакуум-резонаторов?

– Теоретики работают с математическими моделями, но конкретных советов не дают. Расчет последствий удара требует учета стольких параметров, что на точный прогноз надеяться нечего.

– А если удастся соорудить «абсолютное зеркало»?

Железовский взглянул на комиссара-одина исподлобья.

– Автор идеи погиб и не оставил расчетов, а его коллеги, по моим данным, – в начале пути, вряд ли они успеют довести разработку до практического применения. Существовала единственная возможность не пустить Конструктора в Систему – Т-конус, но воспользоваться ею мы уже не можем.

Юнусов кивнул, не отрывая взгляда от эллипсоидного тела Конструктора, состоящего из светящегося тумана и зерен более темных уплотнений.

– Знаете, что меня волнует до сих пор? Результат всепланетного референдума о судьбе Конструктора. Ведь практически большинство высказалось за его уничтожение, понимаете? И распределение голосов по материкам почти одинаковое – выше шестидесяти процентов, лишь Южная Азия – тридцать семь. Что это? Проявление коллективного эгоизма, приступ истери-

ческого страха или, наоборот, – эффект социальной релаксации?³⁵ Почему при обсуждении не сработал принцип избыточного оптимизма³⁶, характерный для группового мышления? Может быть, в обществе давно превалирует индивидуализм, а социологи пропустили финал формирования этого процесса?

– Не думаю, – качнул головой Баренц. – По-моему, четко сработал механизм выдвижения разумных альтернатив. Ориентируясь на групповое сознание, мы взаимно поддерживаем друг в друге стереотипные образы и установки, а в данном случае имела место разумная организация дискуссии, где у каждого была возможность аргументировать свою точку зрения. А результат обсуждения закономерен: альтернативы жизни цивилизации – нет.

Помолчав, Юнусов кивнул, соглашаясь, видимо, с внутренним голосом. Проговорил:

– Я слышал, в Системе появились чужане?

– По нашим подсчетам – около двухсот транспортников и более тысячи отдельных роев, – пробасил Железовский. – И количество их увеличивается день ото дня. Хорошо, что они хоть не удаляются от Конструктора больше чем на миллион километров, все время крутятся рядом, формируются в «очереди» и вместе с серыми призраками в конвой. Тебя что-то заботит конкретно?

– Его забота – волнения на Ближнем Востоке, – пробурчал молчавший до сих пор Баренц, тоже не сводящий глаз с Конструктора и облаков мигающих разноцветных огней, круживших вокруг него. – Плюс вспышка паники. Плюс попытки захвата метро, работающих на дальний космос.

– Плюс обычная профилактика, – бесстрастно проговорил Юнусов. – Вы знаете, что такое бои роботов? Или муравьиных куч? Или термитов и муравьев? А как вам нравится такое «развлечение» молодежи, как гонки на украденных транспортных коггах типа «Коралл»? Или технология наркоклизмов?

– Можешь не продолжать, – сказал Баренц. – Мы знаем, что такое работа безопасника-наземника. В молодости я мечтал об участии всего в одной операции.

– Какой же?

– В операции по спасению духовности, нравственности, или соборности, если хотите.

– Тогда тебе надо было родиться в двадцатом веке, а то и раньше. Я не понял, что ты говорил о метро. Кто пытается захватить станции?

– В основном пацаны, «золотая» молодежь, сынки представителей политико-экономической элиты...

– Я не о том. Это организованные, спланированные действия или акты отчаяния?

– Еще не разобрались. Но похоже – последнее. Если был бы единый центр по бегству, мы его уже нащупали бы. В общем, работы хватает. Не плачу, констатирую факт.

– А чего вы хотели? Это обычная работа с наложенной спецификой ГО. Не справляетесь? Давайте думать, чем я могу помочь.

– Пока справляемся... худо-бедно. Меня лично беспокоит другое – возможности Грехова. – Юнусов сцепил пальцы на груди и пригорюнился.

Баренц кинул взгляд на Железовского.

– Не тебя одного. Нас тоже интересуют возможности проконсула, вернее, не столько возможности, сколько их приложение. Вектор «нечистой силы», так сказать. Чего он добивается? У меня складывается впечатление, что он ведет какую-то свою игру, недоступную для нашего понимания. Не получится ли так, что в самый последний момент он станет «по ту сторону баррикад»?

³⁵ Релаксация – расслабление.

³⁶ Переоценка возможностей и недооценка трудностей.

– Так же считает и Забава, – усмехнулся Железовский. – Но у меня другое мнение. Да, его пределы действительно неизвестны. К-мигранты в чем-то правы, назвав его шкурой. И все же он с нами.

– Он один, – без выражения сказал Юнусов. – Как установили мои психологи, судя по всем его связям и привычкам, эта фигура не нуждается в соратниках и друзьях. Но в отличие от вас, коллеги, я не склонен преувеличивать степень опасности одного человека, даже если он экзосенс семи пядей во лбу. Аристарх, ты умеешь успокаивать людей, успокой и меня: как долго будут продолжаться К-явления? Я имею в виду гостей.

Железовский не пошевелился, полузакрыв глаза, феноменальная глыба с канатами вместо нервов, силой робота и душой безнадежно больного человека, болезнь которого называлась «Забава Боянова».

– Не знаю, – сказал он наконец. – Есть мнение, что Конструктор исследует нас, пытается решить какую-то проблему, а какую именно – тайна за семью печатями.

Юнусов слабо улыбнулся одними губами, сухими и бледными, собрав морщинки у глаз.

– Успокой. Тебе хорошо, сидишь здесь, в центре, как... пуп ГО, и не видишь, что творится на грешной Земле, населенной обычными людьми, не суперменами, со множеством добродетелей и пороков. Самое гнусное, что большинство реагирует на К-гостей негативно: страх, ненависть, желание убить, уничтожить неведомого посланца, нервные срывы, психические расстройства, паника... Если гости будут являться и дальше, вся Система превратится в сумасшедший дом.

Трое смотрели друг на друга, понимая все без слов.

– Когда Конструктор подойдет к поясу астероидов, некого будет защищать, – добавил Юнусов.

– Чего ты хочешь? – тихо спросил Железовский, сдерживая громохочущий голос.

– Не знаю, – медленно, растягивая слова, ответил Юнусов. – Взаимодействие масс в Системе нарушено так, что вряд ли возможно вернуть все в исходное состояние, а перераспределение орбит планеты неизбежно ведет к дисбалансу орбиты Земли, твои эфналитики знают это не хуже моих. Что будет дальше?

– Конструктор подходит к Юпитеру, – проворчал Баренц. – Чего вы хотите?

Юнусов, прищурясь, посмотрел на Конструктора, словно прицелился.

– Забава права, его надо было уничтожить еще в первое пришествие, как советовали серые призраки, но урок съеденного наполовину Марса не пошел нам впрок.

– Чего вы хотите? – в третий раз спросил Железовский.

– Немедленного введения экстремобилизации. – Юнусов встал. – Спасем хотя бы часть человечества. Иначе потеряем все. Я знаю, кое у кого в совете все еще теплится надежда, что мы остановим Конструктора или уничтожим, но я в это не верю. Пошли, Ярополк.

Баренц молча встал, похлопав Железовского по колену.

– Завтра очередное заседание совета.

Вышел вслед за комиссаром-один. Железовский выключил свет и остался сидеть в темноте, неподвижный, как изваяние. Поднес ладонь к лицу: пальцы испускали розовое свечение, будто рука была сделана из раскаленного стекла. Щелкнул пальцами – с них слетел рой шипящих искр.

– Хиути³⁷, – глубокомысленно произнес вслух Железовский, – не рано ли, коллеги, включать режим «спасайся и беги»?

– Срочное сообщение, – раздался в клипсах рации пси-голос координатора. – Обнаружено скопление серых призраков – около десяти тысяч особей.

³⁷ Хиути – высекание огня (яп.).

Через три минуты Аристарх ворвался в зал контроля, где несли дежурство Шадрин, член Совета безопасности Таукан и кобра-один погранслужбы Демин.

В центре оперативного поля виома на фоне слабых россыпей далеких звезд и туманностей выделялось мерцающее, переливчатое, плавно меняющее очертания облако серых призраков, похожее издала на пушистую головку одуванчиков. Призраки постоянно маневрировали, и фигура облака менялась, то превращаясь в идеальный куб, то в шар (одуванчик, да и только!), то в эллипсоид, то в головоломную конструкцию сложнейшей формы.

– Что они делают?!

– «Роют яму», – отозвался Савич, находившийся ближе всех к образованию призраков. – Вакуум в этом районе «скатывается» в потенциальную «пропасть», в которой топология пространства прыгает от геометрии «струны» до двадцатишестимерности. Я о таком мечтать не мог, не то что своими глазами наблюдать!

– Зачем это им?

– На вопросы они не отвечают, но, по всей видимости, готовится какой-то сюрприз. Не нам, конечно, Конструктору. Он подойдет сюда примерно через полчаса, мы его уже видим визуально.

Железовский нырнул в кресло, освобожденное ему догадливым Шадриним, и окунулся в эфирный прибор переговоров всей сложной системы координации космических служб Солнечной системы. Выслушав доклады погранпостов, скомандовал:

– Всем императив «назад»!

– Можно я направлю в зону любопытства зонды? – спросил Савич. – Любая информация оттуда бесценна!

– Работайте, – ответил Железовский.

В течение четверти часа ничего существенного не происходило: серые призраки перестраивались, земной флот уходит от сферы их маневров на безопасное расстояние. Затем призраки создали нечто вроде зонта с ручкой, направленной навстречу Конструктору, и перестали перемещаться, одевшись в ореол зеленоватого свечения. А когда до столкновения колоссальной «авоськи с картофелем» Конструктора с «зонтом» остались считанные мгновения – Конструктор шел со скоростью двести десять километров в секунду – от «зонта» ему навстречу вытянулась вдруг тысячекилометровая «роза» ярчайшего зеленого огня: лепестки «розы» раскрывались один за другим, словно она росла как живая, и слои пламени не смешивались друг с другом, создавая удивительную пространственную структуру земного цветка.

Спейсер содрогнулся, как и все машины человеческого флота, хотя находился от места события в шести миллионах километров. И только интрасенсы да автоматические видеокамеры смогли заметить, чем ответил Конструктор на «приветствие» серых призраков, так быстро это произошло.

Огненную «розу» пронзили тысячи длинных и острых черных игл, словно Конструктор выпустил рой стрел с оперением (отчего спейсер дернулся еще раз), и «роза» погасла. А затем «зонт» призраков сломался, и они разлетелись в разные стороны, как пушинки, уступая дорогу непреодолимой силе.

Железовскому стало отчего-то больно, и он с недоумением посмотрел на свои руки, сжатые в кулаки: ногти впились в ладонь чуть ли не до крови. С трудом разжав пальцы, он успокоил дыхание и вызвал Савича:

– Что там у вас?

– Представление закончено, – отозвался ученый еле слышно сквозь гул помех. – Они его не остановили, хотя создали зону с плотностью энергии, превышающей потенциал звездных недр. Но, может быть, они его и не останавливали? Может быть, эта наша оценка событий неверна? Со стороны судить трудно. Попробуем проанализировать результаты измерений и дать более точные ответы.

Серые призраки собрались в стаю над торжественно проплывающим мимо телом Конструктора, образовали нечто вроде струящейся растопыренной человеческой ладони, несколько минут «совещались», а потом «ладонь» начала бледнеть, испаряться, таять, пока наблюдающие эту картину руководители дежурной смены не поняли, что призраки один за другим исчезают, уходят по «струнам» из Системы. Через полчаса от «ладони» не осталось ничего, и лишь светящаяся махина Конструктора продолжала безостановочный бег сквозь черную бездну пространства, не реагируя на вызовы, сигналы, предупреждения и проклятия...

После схватки с К-мигрантами сил у Ратибора хватило только на то, чтобы справиться у дежурного о состоянии Насти и Егора и доползти до дома. Проспал он почти сутки, лишь единожды поднявшись напиться. За это время организм интрасенса справился со стрессом, перенапряжением и усталостью не хуже профессиональной медслужбы, и Ратибор встал вполне бодрым и работоспособным, сразу включившись в орбиту компьютерной связи.

Дежурный доложил ему, что Егор Малыгин тоже вылечил себя сам и уже занимается с детьми в школе, со свойственной ему скромностью умолчав о своих подвигах. Настя пока еще находилась в клинике СПАС-центра, однако ее состояние у врачей опасений не вызывало. Железовский снова дежурил на «Клондайке» в составе квалитета ответственности, Лабовиц пребывал где-то на территории заповедника Такла-Макан, и, таким образом, почти вся группа риска здравствовала и занималась своими делами. Не было известий только от проконсула Грехова, снова отбывшего в неизвестном направлении.

Прикинув соотношение обязанностей и желаний, Ратибор направился в клинику, по пути выслушав сводку последних событий, главным из которых была акция серых призраков, пытавшихся остановить Конструктора. Впрочем, цель их операции оставалась не совсем ясной. Вполне могло быть, что они искали способ связи, или решали какую-то свою общую проблему, или вообще действовали по просьбе Конструктора, находясь с ним в контакте, например, сотворили ему тонизирующий душ. Последняя гипотеза вызвала у Ратибора улыбку, но, поразмыслив, он пришел к выводу, что даже она имеет право на существование при отсутствии достоверных данных и нежелании самих серых призраков объяснить смысл своих действий.

Уже входя в здание метро, задумавшийся Ратибор вдруг краем сознания отметил некоторую необычность обстановки.

С введением режима ГО обычная сутолока у станций метро исчезла, вход в них контролировался пограничниками, и люди, понимая, чем это вызвано, в большинстве случаев не роптали, здесь же, возле метро «Мещерский бор», собралась приличная толпа пассажиров, и все молчали! И лишь увидев троих крепких молодых людей в полумасках, одетых в серые кокосы, с импульсными электроразрядниками в руках, Ратибор понял, что стал свидетелем захвата метро одной из отчаянных групп «золотой» молодежи, искавшей спасения от приближающегося в лице Конструктора «конца света».

Его заметили сразу. В спину Ратибора уткнулся твердый ствол разрядника, чьи-то руки сорвали с ушей клипсы рации, толкнули в спину. Берестов вошел в вестибюль станции, непривычно тихий и пустой, поискал глазами пограннаряд и увидел у стены слева два тела. Третий пограничник сидел на полу с посеревшим от боли лицом, у него была сломана ключица.

Нападавших было десятка полтора. Трое из них возились с инком метро – видимо, кто-то из пограничников успел заблокировать управление, – остальные шатались по платформе вдоль всего длинного ряда кабин метро, составляющего своеобразный поезд, подтаскивали поближе контейнеры, рюкзаки, штабеля пластиковых банок, ящики и упакованные в прозрачные мешки коробки с концентратами. Судя по всему, «экспедиция» готовилась тщательно, и лишь расторопность пограничников помешала группе осуществить задуманное в считанные минуты. Поскольку станция «Мещерский бор» была единственной в районе, работающей на

Приземелье и на дальний космос, руководители группы точно знали, куда попадут, и останавливаться на полпути не собирались.

– Живы? – кивнул Ратибор на лежащих парней.

Сидящий пограничник покривился, с трудом сдерживая слезы; был он молод и неопытен и еще не научился сдерживать эмоции, как старшие товарищи.

– Не дергайся! – Ратибора толкнули в спину. – Лицом к стене! Руки на затылок!

И время для безопасника остановилось...

Дрался он холодно и расчетливо, сдерживая ненависть и ярость, вспыхнувшие в душе, словно перед ним были «серые люди», не ведающие боли. Однако противник его был во сто крат беспощаднее, наглее, агрессивнее и вероломнее, потому что исповедовал древний принцип – «цель оправдывает средства». То, что эта цель – собственное благополучие, подленькое, физиологическое, просчитанное низменными сторонами души, – их ничуть не смущало.

Конвоиров он успокоил точными уколами в нервные узлы, еще двоих оглушил, а когда остальные начали пальбу, ответил тем же, завладев электроразрядником командира группы. Через минуту все было закончено, оставшиеся вне схватки члены группы сориентировались поразительно быстро и бросились наутек, пробиваясь сквозь толпу к стоянке такси, но лишь одному из них удалось скрыться, троих задержали прибывающие пассажиры, а четвертого, с белыми от страха глазами, открывшего пальбу по безоружным людям, нейтрализовал примчавшийся поднятый по тревоге пограничный наряд.

Угрюмо ответив на вопросы кобры-капитана пограничников и понаблюдав за врачами, хлопотавшими у тел пограничников, Ратибор отыскал лежащего без сознания руководителя группы «путешественников» и забрал у него клипсы рации, затем поспешил к заработавшим кабинам метро, не обращая внимания на восторженно-удивленные взгляды молодых ребят, возбужденных и одновременно огорченных тем, что инцидент исчерпан.

Клиника СПАС-центра – двадцатистежэтажное «колье» из нескольких сотен «драгоценных камней» – палат, процедурных кабинетов, операционных боксов, залов отдыха, спортзалов – располагалась на берегу Десны в километре от основного здания управления аварийно-спасательной службы. Сообщив инку-диспетчеру, кто он и к кому направляется, Ратибор влез в «улитку» бесшумного конформного лифта и вышел в прозрачном фонаре стыковочного узла, соединявшего две лечебные палаты и зал психомассажа. Анастасия Демидова лежала в палате с номером «один», и не успел Ратибор подойти к двери, как та открылась и выпустила человека в черном.

С полминуты они разглядывали друг друга, потом по губам Грехова скользнула едва заметная улыбка.

– Говорят, ты неплохо потренировался у метро.

– Неплохо, только спарринг-партнеры попались неопытные, – в тон проконсулу произнес Ратибор.

Грехов кивнул, буркнул нечто вроде «ну-ну», и капсула лифта унесла его в недра здания. Постояв немного, чтобы справиться с неприятным осадком от встречи, Берестов вошел в палату и был едва не сбит с ног: Настя ждала его за дверью, прыгнула на шею и, всхлипывая, принялась целовать его лицо, уши, плечи, руки, пока оглушенный водопадом чувств – в психодиапазоне он представлял собой самый настоящий водопад! – Ратибор не оторвал ее от себя, зажмурившуюся, с мокрым от слез лицом, в распахнувшемся халате, милую, безумно красивую и желанную...

Полчаса ушло у них на междометия, объятия и шепот, пока Настя не пришла в себя и не принялась приводить себя в порядок.

– Я могла бы уже уйти отсюда, – сказала она, причесываясь, поглядывая на чеканный профиль Ратибора, – но решила подождать тебя, Габриэль сказал, что ты придешь сразу после драки. Ты дрался? Это правда?

Ратибор поневоле нахмурился. Темное чувство открывающейся под ногами бездны качнулось в нем.

– Он сказал, что я дрался? Когда?

– Когда сказал? Почти час назад, перед твоим приходом. – Девушка оглянулась. – Что, он ошибся?

– Нет, но... я думал, что ему сообщили о схватке по треку, однако он знал об этом еще до события... хомозавр!

Анастасия вздрогнула, побледнела.

– Ты... ты говоришь это... с ненавистью! После того что он сделал для тебя, для всех... Неужели вы так не терпите его? За что? За то, что он отличается от вас? За его силу, волю, риск, благородство, наконец? – Голос ее превратился в шепот, погас. – Ты хочешь, чтобы...

Ратибор покачал головой, снял мысленный контроль и на мгновение обрушил на голову девушки весь свой внутренний мир, все свои вопросы, мысли и чувства, запертые в душе, мучившие его и ждущие ответа. Настя снова вздрогнула, прислушалась, полузакрыв глаза, легкая краска вернулась на ее щеки.

– Извини, я была не права, – скороговоркой проговорила она, вскакивая и целую Берестова в подбородок. – К тебе мои слова не относятся, хотя было время, когда и ты относился к нему...

– Было, – согласился Ратибор. – Но я – иное дело, вряд ли кто-нибудь еще знает его с других сторон, отсюда нелюбовь, неприязнь и даже страх. Забава призналась, что она его боится, «яко татя в нощи». Да и у меня иногда, честно признаться, появляется холодок жути. Ты знаешь, что он якшается с чужанами? Не говоря уже о серых призраках!

Настя не отвела взгляда.

– Знаю. Ну и что?

Ратибор пожал плечами.

– Его не зря прозвали хомозавром. И не делай страшные глаза, я не отношусь к лагерю тех, кто уже сейчас начинает шептать обвинения в его адрес, будто он во всем виноват наравне с Юнусовым и Железовским.

– Потому что он всегда участник, а не сторонний наблюдатель, он всегда в центре, а не с краю. – Настя забралась к Ратибору на колени, выключила стены, и в комнату ворвался солнечный день. – Таких любят не все, они всегда кому-нибудь мешают. Даже тебе.

Ратибор поцеловал ее в затылок, прижал к себе и спрятал лицо в ее волосах.

– Мне – нет. Кстати, я тоже не понимаю, почему он не вмешается в судьбу Конструктора на доступном ему уровне? Я не имею в виду Совет безопасности или ВКС, речь идет о серых призраках... и еще о ком-то, он недавно намекал.

– Он уже говорил вам... тебе тоже: Габриэль знает, чем все закончится, и знает, что делать. И будь уверен – делает.

Да уж, подумал Ратибор, вспоминая встречу с чужанином в доме проконсула и таинственную дверь в мир иной, намекавшую на прямую связь с родиной роидов.

– Но если он знает, что делать, почему не скажет об этом прямо? Всем!

– Значит, считает, что еще рано.

– Рано?! – Берестов так резко вздернул голову, что Анастасия вздрогнула. – Конструктор подходит к Юпитеру, остался один шаг до запретной зоны, один шаг до объявления войны, а ему рано?!

Настя успокаивающе погладила безопасника по щеке, передав мысленный образ рычащего тигра и укротителя рядом с блюдечком молока.

– Не сердись, но Габриэль действительно никогда не опаздывает, ты это знаешь не хуже меня. Если хочешь, поговори с ним, он пошел домой.

– И поговорю. – Ратибор не хотел успокаиваться, подогреваемый воображением и тем, что Настя продолжает защищать своего друга. – Пусть попробует промолчать!

– Какие мы грозные! А то что будет? – Настя не выдержала и засмеялась. – Ты перестанешь с ним общаться?

Улыбнулся и Ратибор, но тут же посерьезнел. Мягко пересадил Настю на диван рядом, вытянул вперед руки, и между ладонями засветился воздух. Облачко света сформировалось в седловидную поверхность и пролилось дождем искр на пол. У Насти заложило уши, как от резкого падения давления. Она покачала головой, вздохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.